

ТЕГНЕР
САГА
О
ФРИТЬОФЕ

ACADEMIA

«Сага о Фритьофе» и «Аксель» являются лучшими произведениями гениального шведского поэта первой половины XIX века Фейаса Тегнера.

Пользуясь материалами древнескандинавской саги, этот художник создал в «Саге о Фритьофе» исключительный по яркости идеал героя, каким он рисуется поднимающейся буржуазии. «Сага о Фритьофе» переведена на все европейские языки. Мы даем русский перевод «Саги», так как русский перевод Я. К. относящийся к 40-прошлого столетия и стал редкостью.

Поэма «Аксель», выходящая впервые на русский язык, также мнит нас с героем и шей буржуазии, и надломленным нарождающимся противоборствующим эпохи.

Цена Р. 7.0
Переплет Р. 1.0

ТЕГНЕР

ACADEMIA

СКАНДИНАВСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Под общей редакцией
Г. Г. Александрова

ШВЕЦИЯ

ЭСАЙАС ТЕГНЕР

(1782—1846)

А С А Д Е М І А
Москва—Ленинград

ЭСАЙАС ТЕГНЕР

САГА О ФРИТБОФЕ

Перевод со шведского

**Б. Ю. Айхенвальда
и А. И. Смирницкого**

Комментарии
А. И. Смирницкого

АКСЕЛЬ

Перевод со шведского

О. Б. Румера

Комментарии **Г. Г. Александрова**

Статья Г. Г. Александрова

А С А Д Е М И А

1 9 3 5

ESAIAS TEGNER

FRITJOF SÖGA

1825

AXEL

1822

*Супер-обложка, переплет
фронтисписы и заставки
Е. Г. Филипповского*

ТЕГНЕР И ЕГО ВРЕМЯ

I

Французская революция и последовавшие за ней исторические события открыли и для Швеции новую эру.

Весь XVIII век, после краха великодержавных стремлений Швеции и поражения абсолютизма в результате авантюристской политики Карла XII, прошел в обостренной борьбе между нисходящей феодальной аристократией и поднимающейся буржуазией. Олигархическое правление Швеции игнорировало интересы мелкого сельского хозяйства и бедного крестьянства, которое к тому же было лишено политических прав и не имело своего представительства в риксдаге*. Это породило громадное недовольство среди деревенского населения, а тяжелые налоги на товары, пролетаризация ремесленников и появление разночинцев в городе вызвали к жизни своеобразное демократическое дви-

* Шведское сословное представительство с 1435 г.

жение, во главе которого стало мелкопоместное и часть чиновного дворянства, организовавшиеся в партию, известную под названием „mössor“ („колпаки“, „шапки“, или, как их презрительно называли, nattmössor — „ночные колпаки“), в противовес аристократической партии „hattor“ („шляпы“).

Весь период так называемого „свободного правления сословных представителей“ (Frinhetstidens ständervälde, 1719—1772) проходит под знаком глубоких противоречий и борьбы между этими партиями, поддерживаемой извне борющимися в Европе крупными странами торгового капитала. Видя в России одного из сильных конкурентов, Франция и Англия разжигали в Швеции политические страсти и поддерживали идею реванша по отношению к России. Россия же, стремясь к дальнейшему укреплению своей власти и влияния на Балтийском море, питала надежду на подчинение себе Швеции. Руководители политических партий брали взятки с тех и других.

„Шведы, — писал французский посол в одном из своих донесений, — считают свои доходы от риксдага точно так же, как помещики доходы от своей земли“. Для поддержки „шляп“ Франция выплатила им свыше двух миллионов долларов, Россия же — „колпакам“ — свыше трех миллионов. Несмотря на сильное укрепление торгового капитала, правление „шляп“ первой половины XVIII века, вследствие неудачной войны Швеции с Россией (1741—1743), стоившей ей потери Финляндии до реки Кюммене, и ничемному участию Швеции в семилетней войне (1757—1762), привело в сильное расстройство шведские финансы. Государственный долг возрос до шестидесяти миллионов долларов. Пришлось прибегнуть к девальвации денег на половину их ценности.

В 1743 году шведское крестьянство и мелкая буржуазия подняли восстание, кроваво подавленное войсками правительства „шляп“. Однако все углублявшиеся экономические затруднения в стране и дальнейшая консолидация сил крестьянства и городской мелкой буржуазии выдвинули в 1765 году к власти „колпаки“, которые занялись проведением земельной реформы. Швеция, несмотря на богатую и старую аграрную культуру, не могла существовать на своем хлебе. Крестьяне, скученные по деревням, имели небольшие участки земли, пересеченные сложной чересполосицей, так, например, двадцать крестьян одной деревни могли иметь до пяти тысяч мелких клочков земли, далеко находящихся от избы и настолько узких, что плуг при обработке невольно при поворотах захватывал чужую землю. „Колпаки“ начали проводить объединение мелких клочков в так называемые „большие наделы“ (storskifte) и поддерживать в сельском хозяйстве скотоводство, но эта реформа не была доведена до конца, так как встретила сопротивление богатых крестьян.

„Колпаки“ прекратили раздачу субсидий промышленности и стали проводить жесткую политику экономики. Все сильнее и сильнее стали раздаваться голоса за отказ от меркантилизма, в пользу введения свободной конкуренции. Ряд фабрик начал закрываться, появились первые безработные, и началась эмиграция из Швеции.

Новый экономический кризис 1769 года снова привел к власти „шляпы“, но власть их продолжалась недолго. В 1771 году на шведский престол вступил Густав III (1771—1792), при котором был положен конец олигархическому правлению в Швеции. Воспитанный в духе просветительных идей XVIII века, иду-

щих из Франции и имевших огромное влияние на развитие шведской культуры (основание Академии художеств в 1735 г., Академии наук в 1739 г., появление крупнейших ученых — ботаник Линней (1707—1778), физик и астроном Цельсий (1701—1744), химики Бергман (1735—1784) и Шееле (1742—1780), естествоиспытатель и философ Сведенборг (1688—1772) и др.), и увлеченный теорией просвещенного абсолютизма, опираясь на широкое недовольство дворянской олигархией и пользуясь поддержкой партии „колпаков“, а также страхом перед разделом Швеции по примеру Польши, Густав III произвел в 1772 году государственный переворот. Все реформы Густава III проникнуты духом просвещенного абсолютизма и влиянием физиократов. Была отменена пытка в судебных процессах, улучшены администрация и финансы, принимались меры к поднятию сельского хозяйства, проводилась программа „колпаков“ о „больших наделах“, поощрялось развитие упавшей промышленности на началах свободной конкуренции, была введена свобода печати и вероисповедания. Позиция вооруженного нейтралитета во время Северо-Американской войны (1780) и денежная реформа, установившая твердый курс валюты, значительно подняли шведскую торговлю. Густав III всемерно поддерживал развитие шведской культуры, всячески способствуя дальнейшему влиянию на нее Франции (основывает в 1771 г. Музыкальную академию, в 1782 г. — Оперу, в 1786 г. — Шведскую академию по образцу Французской и в том же году Историческую и Археологическую академию), сам пишет ряд драматических произведений и меценатствует крупным художникам и поэтам (скульптор Сергель (1740—1814), поэты Бельман (1740—1795), Леопольд (1756—1829), Чельгрен (1751—1795).

Однако недовольство феодального дворянства в связи с ограничением его прав, духовенства — в связи с введением свободы вероисповедания, и промышленной и городской буржуазии — в связи с изменениями в меркантильной системе, поддержанное к тому же сильным недовольством крестьян вследствие введения государственной монополии на изготовление спирта, ограничившего свободное курение вина крестьянами, в значительной мере подорвало положение Густава III. Тогда он, подстрекаемый французской и английской дипломатией и рассчитывая на затруднения России в войне с турками, начал войну с нею (1788—1790), во время которой недовольное шведское дворянство и финская аристократия составили заговор, известный под названием Аньяльского союза*. Шведское дворянство требовало созыва риксдага и восстановления „свободного правления сословных представителей“, т. е. восстановления олигархии, а финны — отделения от Швеции и создания самостоятельного государства под протекторатом России. Воспользовавшись нападением Дании, действовавшей в союзе с Россией, на шведскую территорию, Густав III вернулся в Швецию, объединил на базе национальной защиты крестьянство и буржуазию, разбил датчан и при помощи Англии и Пруссии принудил их к миру, после чего созвал в 1789 году риксдаг, на котором голосами буржуазии, крестьянства и части духовенства против дворян провел новый государственный переворот под формой „акта единения и защиты“ (förenings och säkerhetsakten) и вернул Швецию к абсолютизму Карлов XI и XII.

* Anjala förbundet — наименование получено от имени Аньяла в Финляндии у реки Кюммене, где стоял штаб шведских войск.

В страхе перед развивающимися событиями французской революции, желая стать на защиту Людовика XVI, Густав III начал готовиться к вооруженному выступлению против революционной Франции. Внутри страны он сильно ограничил свободу печати и начал преследования оппозиции. Новый дворянский заговор окончился покушением на Густава III, павшего от пули капитана Анкарстрёма в 1792 году.

II

За малолетством сына Густава III, Густава IV Адольфа (1792—1809), в течение четырех лет управлял Швецией брат Густава III, герцог Карл, приверженец революционно-мелкобуржуазных демократических идей Ж.-Ж. Руссо. Не разделяя контрреволюционных планов своего брата, герцог Карл не принял участия в английской коалиции против Франции, а вместе с Данией объявил в интересах свободной торговли скандинавских стран вооруженный нейтралитет. Когда же в 1796 году исполнилось совершеннолетие Густава IV Адольфа, воспитанного в духе абсолютизма и проникнутого ненавистью к Наполеону, подогретой агитацией французских эмигрантов, отношение Швеции к событиям во Франции резко изменилось. Это диктовалось и тем, что объявленная Наполеоном в отношении Англии „континентальная блокада“ сильно ударила по экономической жизни Швеции, так как Англия была главным покупателем шведского железа и леса и в свою очередь поставщиком необходимых колониальных товаров. Финансовое положение Швеции в это время было весьма подорвано, союз же с Англией предоставлял Швеции определен-

ные субсидии. Она примыкает к коалиции держав против Наполеона и участвует в военных операциях в союзе с Австрией, Россией и Пруссией (1805—1807).

После заключения Тильзитского мира между Наполеоном, Россией и Пруссией Швеции пришлось принять удар наполеоновских армий, одна из которых под предводительством наполеоновского маршала Жана Бернадотта заняла Голштинию, Шлезвиг и Ютландию и намеревалась перейти в южную Швецию. Английский флот помешал Бернадотту перейти проливы. Тогда Россия с согласия Франции напала на Финляндию и в короткое время заняла не только всю территорию Финляндии, но войска ее, перейдя по льду через Ботнический залив, вторглись в самую Швецию, сжигая и разоряя прибрежные города и деревни.

В армии при поддержке буржуазии и крестьянства поднялось восстание, и офицерство 13 марта 1809 года арестовало Густава IV. Был создан риксдаг, который низложил Густава IV и выбрал на его место дядю его, герцога Карла, под именем короля Карла XIII (1809—1818). Была выбрана особая конституционная комиссия, которая в течение двух недель выработала новую конституцию, обнародованную 6 июня 1809 года и составленную в духе победившей и расгустившей буржуазии. Права риксдага были расширены. Крестьянство получило свое выборное представительство в риксдаг; расширено было также представительство буржуазии. Право на занятие ответственных государственных постов предоставлялось всем сословиям, никаких исключительных привилегий дворянству не давали ни поместья, ни родовитость.

Осенью 1809 года по Фридрихсгамскому миру Швеция уступила России всю Финляндию до рек

Торнео и Муонии, а также Аландские острова, связанные со Швецией в течение шестисот лет. Мир с Францией в 1810 году включил Швецию в „континентальную блокаду“ и заставил ее, подчиняясь нарастающим требованиям восходящей буржуазии, ориентироваться на Наполеона. Эта ориентация ярче всего выразилась в вопросе выбора наследника шведского престола. Приверженцы олигархии и непримиримых контрреволюционных настроений последних Густавов мечтали о реставрации королевского дома Вазы в лице лишённого прав на престолонаследие сына Густава IV, но встретили сильное противодействие среди представителей буржуазии, которым удалось провозгласить наследником датского принца Карла Августа, одного из преданных вассалов Наполеона. Внезапная смерть Карла Августа дала повод к еще более обостренной борьбе с „густавианам“ и привела к убийству руководителя партии „густавианов“, Акселя фон Ферзена.

Молодое офицерство, мечтавшее в союзе с Наполеоном восстановить военный престиж Швеции и вернуть Финляндию, начало через своего представителя в Париже тайные переговоры с наполеоновским маршалом Жаном Бернадоттом. Жан Бернадотт был сыном небогатого адвоката из По де Гасконья, примкнувший к революции и принимавший участие в возвышении Наполеона. В связи с женитьбой на сестре жены короля Испании Иосифа, брата Наполеона, Жану Бернадотту был присвоен титул князя Понте Корве. Тайные переговоры в Париже привели к соглашению о провозглашении Бернадотта наследником шведского престола.

Для подготовки этого выбора были посланы агенты в Швецию, предлагавшие восемь миллионов франков

займа и уплату всех долгов шведских торговых предприятий во Франции. 21 августа 1810 года Жан Бернадотт был выбран наследником шведского престола под именем Карла Юхана.

Бернадотт, прекрасно учитывавший все противоречия, рожденные в Европе наполеоновской завоевательной политикой, не разделял слепой веры шведских наполеоновских энтузиастов. Являясь с первых же дней пребывания в Швеции фактическим правителем страны, Бернадотт учитывал, что интересы растущей шведской промышленности и торгового капитала лежат не на востоке, а в союзе с Норвегией и тесной торговле с Англией. Поэтому он, когда Франция во исполнение договора о „континентальной блокаде“ заставила Швецию в 1811 году объявить войну Англии, не начал военных действий против нее, а продолжал контрабандную торговлю с Англией и заключил тайный договор с Александром I, по которому обязался в случае войны России с Францией предоставить шведские войска России за поддержку притязаний Швеции к Норвегии. Расчеты Бернадотта оказались правильными. В 1813 году шведские войска во главе с Бернадоттом высаживаются в Померании и присоединяются к союзникам, с которыми вместе и вступают в Париж. Затем, чтобы принудить Данию отказаться от своих прав на Норвегию, Бернадотт, совместно с русскими войсками напал на Данию, занял Голштинию и принудил Данию мирным договором в Киле 14 января 1814 года передать свои унияльные права на Норвегию Швеции.

Экономическое положение Швеции в начале XIX века было крайне тяжелое. Страна была сильно разорена последними войнами и потерями своих богатых областей, особенно Финляндии. Уния с Норвегией не

могла ни в какой степени компенсировать эти потери, так как экономическая жизнь Норвегии, вывозившей на мировой рынок конкурировавшие с Швецией товары, и ее самостоятельное положение рождали глубокие противоречия, мешавшие монопольному развитию шведской торговли и промышленности.

Являясь по преимуществу страной сельскохозяйственной (в начале XIX столетия городского населения в Швеции было лишь 230 000 человек против 2 120 000 сельского), Швеции пришлось в первую очередь заняться реформой крайне разрозненного и отсталого сельского хозяйства. Реформа „колпаков“, касавшаяся „больших наделов“, немногим улучшила положение. „Большие наделы“ не ликвидировали чересполосицы. В 1827 году была проведена реформа „единого надела“ (enskifte), по которому у каждого хозяйства должна быть единая обрабатываемая им площадь. Эта реформа окончательно ликвидировала старую шведскую деревню и перевела ее на хуторское хозяйство. Для увеличения посевной площади начали прибегать к широко распространенному осушению торфяников и болот. В первую половину XIX века посевная площадь зерновых культур Швеции увеличилась вдвое (с 591 500 до 1 112 100 гектаров). Переход на хуторское хозяйство в значительной мере способствовал развитию в Швеции скотоводства и молочного хозяйства, укрепляя тем самым положение зажиточного и среднего крестьянства. В области промышленности были проведены новейшие усовершенствования. Ручной труд начал заменяться паровыми машинами; начинается рациональное использование водопадов. Однако развитие шведской промышленности сильно тормозилось монополистическими цеховыми законами. Принципы меркантилизма оконча-

тельно заменяются свободной конкуренцией. Для улучшения финансового положения страны еще в 1812 году были аннулированы долги иностранным державам, а затем приступлено к денежной реформе, значительно укрепившей развитие частного капитала.

Французская июльская революция 1830 года в сильной степени активизировала шведскую буржуазию. Реакционные тенденции первого Бернадотта и его камарильи*, стремившихся к ограничению влияния риксдага на государственные дела, а также стремление камарильи обогатиться за счет государства, причем за период 1810—1827 гг. было из государственных средств изъято на всякие подачки приближенным к королю свыше трех миллионов риксдалеров**, вызывали общее недовольство и требование, по примеру завоеваний французской буржуазной революции, уничтожения сословного представительства и замены его единым парламентом, а также действительно ответственного перед народным представительством министерства. К этому присоединились требования восстановления свободы печати и свободы труда. Особой остроты противоречия между либеральной оппозицией и реакционной придворной камарильей выявились на риксдаге 1840 года, значительно усиленном представителями крупной промышленной буржуазии и зажиточного крестьянства. Карл XIV Юхан принужден был реформировать свое министерство и принять закон об обязательном начальном образовании. Окончательная же победа буржуазного либерализма была осуществлена значительно позднее, в 60-х годах, в обстановке сильного подъема шведской промышлен-

* Придворная клика, проводившая в жизнь свое влияние путем всяческих интриг.

** Риксдалер около двух рублей золотом.

ности и первых выступлений промышленного пролетариата, как новой силы в классовых боях.

III

Изменившаяся политическая и социально-экономическая структура Швеции в начале XIX века получила свое яркое отражение в тех боях на литературном фронте, которые с небывалой страстностью разгорелись на стыке двух эпох — ухода феодально-аристократического господства XVIII века и поступательного движения восходящей буржуазии XIX века.

Доминирующее влияние французской литературы и культуры к концу XVIII века начинает ослабевать. Немецкое литературное движение „бури и натиска“, а также мелкобуржуазный революционный демократизм Ж.-Ж. Руссо начинают проникать в Швецию. Застывшие художественные формы французской классики подвергаются резкой критике. Уже в 80-х годах XVIII века поэт и публицист Томас Турильд (1759—1808) восстает против французских традиций Шведской академии и требует в своем еженедельнике „Новая критика“ („Nya granskaren“) полной свободы как художественной формы, так и тематики. Политическая реакция значительно урезала свободу печати в Швеции. Всякая оппозиция против законченных форм „академизма“ принималась как попытка ниспровержения существующего порядка. Изданный Турильдом в 1792 году „Мемориал о свободе общественного разума“ („Memorial om det allmänna förståndets frihet“) с приложением вводной статьи о „честности“ (ärligheten) было расценено как произведение революционное. Автор его был арестован и по суду изгнан из страны на четыре года.

Однако политические события и социальные сдвиги конца XVIII века проводят в рядах передовой шведской интеллигенции глубокую дифференциацию. Питаясь одним и тем же источником романтизма периода „бури и натиска“, представители передовой шведской интеллигенции, в зависимости от связи с различными прослойками общества, по-разному выявляют свое отношение к происходящим историческим событиям. Четко вырисовываются два диаметрально противоположных течения. Одно отражает упадочное настроение уходящего феодального дворянства и мелкой буржуазии, оттесняемой капиталистической буржуазией, другое — боеспособное, уверенное в победе, полное сил настроение восходящей буржуазии, с пробужденным под влиянием наполеоновской завоевательной политики национализмом. В результате своей борьбы с рутинной академической классицизмом как то, так и другое течение обращаются к изучению забытого национального прошлого, стараются в воскресших идеалах средневековья найти для себя моральную основу в своей борьбе как против застывших форм академизма, так и против рационализма французских просветителей.

Упадочные настроения уходящего феодального дворянства и разочарованной в революции мелкой буржуазии концентрировались вокруг литературных кругов сначала в университетском городе Упсале, в обществе „Друзья литературы“ („Vitterhetsvännen“), основанном в 1803 году, а затем в Стокгольме в созданном в 1807 году поэтом Пер Даниель Аттербумом обществе „Союз Авроры“ („Aurora förbundet“), издававшим в 1809 году сатирический журнал „Полифем“, в котором зло высмеивались под названием „тунгузов“ академисты, а в 1810 го-

ду — литературно-публицистический журнал „Светоч“ („Phosphoros“). Эта оппозиционная группа, ведшая бешеную борьбу с просветительными идеями французского классицизма, получила наименование „фосфористов“. Базируя свою идеологию на немецкой романтической философской школе Фридриха Шеллинга, проникнутой мистицизмом, „фосфористы“ находились под сильным влиянием реакционных немецких романтиков, Людвига Тика, с его сказочными и фантастическими мотивами, фон Гарденберга (Новалис), с его средневековой философией и мистикой, братьев Августа и Фридриха Шлегелей, с их крайним субъективизмом на почве разочарования в идеях французской революции и идеализацией средневекового католицизма, как единственного источника духовного возрождения нации, а также Гофмана с его болезненной фантастикой, отражающей растерянность мелкобуржуазной интеллигенции в эпоху обостренной борьбы буржуазии с отживающим феодализмом.

Все литературное творчество лучших представителей „фосфористов“ — Пера Даниеля Аттербума (1790—1855), Лоренцо Хаммаршёльда (1785—1827), Вильгельма Фредрика Пальмблада (1788—1852), Карла Фредрика Дальгрена (1791—1844) и др. — проникнуто мечтательностью и пропущенной через призму средневековья фантастической мистикой. Они бегут дневного света, им родственны лишь настроения сумерек и ночи, они верят только в чудесное, непонятное, спасение человечества видят исключительно в глубоком религиозном чувстве, которое было утеряно с введением реформации, порвавшей с „единственно спасающей церковью“, с католицизмом. Вопросы жизни решаются не разумом, а чувством. Познание истины и красоты может быть постигнуто в моменты наивысшего вдох-

новения одним лишь путем интуиции, а она может быть выражена в неопределенных и малопонятных поэтических формулировках. В этом отношении „фосфористы“ были последовательными проводниками натурфилософии Шеллинга. Лучшим поэтическим памятником этого литературного течения является сказочное представление „Остров блаженства“ („Lucksalighätens ö“) Аттербума.

Считая причиной всех несчастий, выпавших на долю человечества, французскую революцию, „фосфористы“ сосредоточили свою ненависть на Наполеоне и полагали, что их полная победа может наступить лишь с падением Наполеона. Эти настроения получили яркое отражение в поэме „Владимир Великий“ („Vladimir den Store“) Эрика Юхана Стагнелиуса (1793—1823), не входившего лично в литературный кружок „фосфористов“, но стоявшего на их позициях и находившегося под большим их влиянием. В этой поэме, трактующей историю русского князя Владимира и крещения Руси, Стагнелиус воспевает победоносную силу христианства и как на лучшую носительницу христианских идеалов указывает на „святую Русь“, которой предопределено стать спасительницей народов в борьбе с Наполеоном. Этот дифирамб „своятой Руси“ звучал полным диссонансом умонастроениям передовых общественных кругов Швеции, только что потерявшей Финляндию и считавшей Россию с ее завоевательной политикой своим заклятым историческим врагом. Вообще „фосфористы“ не пользовались симпатиями широких слоев шведского общества, да и правительство Бернадотта, пришедшее к власти в результате побед буржуазии, смотрело на них как на бунтарей, и лишь в период усиления реакционных стремлений Карла XIV Юхана правитель-

ство изменило свое отношение к „фосфористам“, предоставив им всем хорошо оплачиваемую государственную службу и проведя в 1839 году Аттербума в число восемнадцати „бессмертных“ Шведской академии.

Из всей борьбы „фосфористов“ против академистов единственно, что имело плодотворное влияние на развитие и рост шведской литературы, это освобождение шведского стихосложения от застывших форм французского классицизма, свободный выбор тематики и углубленная разработка поэтических образов. В противоположность упадочничеству „фосфористов“ выступила буржуазная молодежь, выходящая из кругов промышленной буржуазии, крестьянства и небогатого духовенства, сгруппировавшаяся вокруг основанного ими в 1811 году в Стокгольме „Готского союза“ („Götiska förbundet“). Воспитанная также на плодотворной почве немецкого романтизма, эта боеспособная, полная сил и уверенная в своей победе молодежь восходящей буржуазии впитала в себя все лучшее и здоровое, что было заложено в „буре и натиске“ немецкой культуры. Лессинг, Шиллер и Гёте, с одной стороны, Фридрих Клопшток и Иоганн Гердер — с другой — вот источники, из которых черпали молодые „готские союзники“ свои силы. Громадное влияние на это молодое шведское движение оказал датский поэт Адам Готлиб Эленшлегер (1779—1850), выпустивший в 1807 году свои „Северные стихи“ („Nordiske Digte“). Государственный переворот и низложение Густава IV, потеря Финляндии, неуверенность в создавшейся с приходом Бернадотта для Швеции политической международной ситуации возбуждали в „готских союзниках“ желание встать на защиту национальных интересов. Они ищут в героическом прошлом готов поддержки в своих стремлениях,

пытаются „воскресить свободолюбие старых готв, их мужество и прямодушие“. Они принимаются с молодой горячностью изучать „древнеготские саги и обычаи“. Вначале этот союз не ставил перед собой задач стать литературным обществом — это был скорее политический клуб, члены которого выбирались не по своим склоностям к литературе и науке, а „по своему характеру и стремлению помочь национальному возрождению“. Это стремление к реставрации седой старины времен норманнов и викингов у некоторых выдающихся членов „Готского союза“ получило чисто реакционный, мракобесный характер, как у собирателя народных песен Л. Ф. Рэфа (1786—1872), не признававшего пароходов и железных дорог и требовавшего сохранения телесного наказания и позорного столба, или как у доходившего в своих мечтах о восстановлении поэзии героического эпоса до педантичного абсурда известного основателя шведской гимнастики Пера Хенрика Линга (1776—1839). На поэзию они смотрели лишь как на средство пробудить патриотические чувства и любовь к изучению старины. Темой поэтического творчества должна была быть языческая сага. Для выбора же стихосложной формы предоставлялась полная свобода. „Готский союз“ приступил немедленно же после своего основания к изданию своего журнала „Идуна“ для любителей северной старины („Jduna“, en skrift för den nordiska fornå Iderns älskare), выходящего двумя книжками в год (1811—1824). В нем печатались переводы и переделки древнескандинавской „Эдды“*, статьи о северных сагах и северной мифологии, сообщения

* Собрание древнескандинавских мифологических и героических песен, один из величайших памятников

об археологических раскопках и, наконец, лучшие произведения шведских поэтов, внесавших свое имя в мировую сокровищницу литературы, Э. Г. Гейера (1783—1847) и Э. Тегнера.

IV

Эсайас Тегнер родился в 1782 году в провинции Верmland в деревне Чюркерюд, в семье небогатого сельского пастора. Как отец, так и мать Тегнера происходили из зажиточной крестьянской среды. Отец Тегнера был пастором небогатого сельского прихода. Характерно для Швеции еще и теперь, что служители культа главным образом выходят из крестьянских зажиточных семей. В 1792 году умер отец Тегнера, оставив семью из шести человек детей совершенно необеспеченной. Два старших брата Тегнера, Ларс Густав и Элоф, успели окончить гимназию и поступить в университет в г. Лунде (на юге Швеции в провинции Сконэ); третий брат, Юханнес, с детства был душевнобольным и требовал особого ухода со стороны матери, которой пришлось после смерти мужа жить только на доходы от своих рукоделий. После смерти отца братьям Тегнерам пришлось для окончания своего образования поступить в качестве репетиторов в богатые семьи. Десятилетний же Эсайас был бы оставлен на произвол судьбы, если бы старый друг покойного пастора, коронный фохт (старший судебный и фискальный чиновник в уезде) Якоб Брантинг не взял к себе маленького „Эссе“ на воспитание мирового эпоса на древнеисландском языке, сложившихся в период от VII до XIII века.

ние с целью сделать из него своего помощника. Однако вскоре Брантинг заметил у своего воспитанника исключительные наклонности к чтению и освоению прочитанного. Особенно во время многочисленных служебных поездок по своему уезду, расположенному в самой живописной части Вермланда — около поэтических озер Фрюкеншёи, старик Брантинг заслушивался рассуждениями десятилетнего мальчика. Одной из первых книг, прочитанных Эссе, был толстый фолпант исландских саг на шведском языке „Подвиги северных богатырей“ („Nordiska Kämpodater“) Бьёрнера, изданных в 1737 году. Об этом времени Тагнер сам рассказывает: „Хотя я и не знал тогда другого языка, кроме шведского, я читал все, что мне попадалось под руку, особенно если это была поэма или история. В это время я познакомился с древними северными сагами. Когда я начал заниматься стихосложением, не помню, но твердо помню, что в это время мало-мальски выдающиеся события моих тогдашних однообразных будней были мною воспеты в стихах. У меня ничего не осталось из моих первых поэтических попыток, но помню, что я написал длинную поэму „Атле“ в форме припятого тогда александрийского стихосложения, тема же поэмы была мною заимствована из собрания „Подвиги северных богатырей“ Бьёрнера*. И эта поэма затеряна. Этими опытами я освоил определенную технику стихосложения и овладел языком, не свойственным детям моего возраста“.

* Сага „Атле“ входит в собрание Вольсунги-сага. В том же собрании Бьёрнера Тагнер впервые познакомился с сагой о „Фритьофе Смелом“.

Видя недюжинные способности тринадцатилетнего мальчика, Брантинг решил написать зажиточному помещику в соседнем местечке Мальма, капитану Лёвеньельму, у которого старший брат Тегнера Ларс Густав был домашним учителем девяти его детей. „Дорогой друг,— писал Брантинг Лёвеньельму,— у Эсайаса Тегнера, проживающего у меня в качестве писаря, слишком хорошая голова и способности, чтобы идти простой дорогой чинуши. У тебя в качестве преподавателя твоих детей находится его брат. Позволь брату, так как Тегнер не имеет своих средств для продолжения своего образования, пригласить его к тебе для занятий“.

В марте месяце 1796 г. Эсайас переселился к капитану Лёвеньельму. За пятнадцать месяцев четырнадцатилетний мальчик с избытком нагоняет все, что им было пропущено для подготовки на экзамен зрелости. Об этом периоде Тегнер пишет: „Я начал изучать латынь. Метод был старый, основательный, и, по-моему, единственно правильный, он в общем сохраняет время. Я вызубривал слова и необходимое в грамматике. Память моя в то время была настолько острой, что, прочитавши три-четыре раза слова в словарице к латинским текстам Шёгрена, содержащем до шестидесяти слов, я мог повторить их без записки. В связи с изучением грамматики начались переводы из Корнелия Непота*, сначала под руководством учителя, затем самостоятельные, причем в качестве помощника был тот же словарь, хотя и приходилось иногда прибегать к объяснению учителя. Таким образом, к концу года был пройден весь Корнелий Непот, а по-французски весь Теле-

* Римский историк (ок. 100—25 до н. э.).

мак *. Греческий язык начался позднее, мною было прочтено лишь четыре евангелиста. И это произошло без достаточной грамматической подготовки, а так как мне впоследствии пришлось основательно изучить грамматику, я искренне сожалел, что выбрал эту кратчайшую дорогу. Обучаясь таким образом под руководством учителя три четверти года, я решил продолжать дальше самостоятельно. И это мною сделано с той горячностью, на которую способна сильная воля, особенно в молодости. В течение 1797 года я прошел массу латинских авторов, особенно поэтов. Поэты настолько врезались мне в память, что я еще и сегодня могу прочесть наизусть значительные цитаты из давно заученного*.

Летом 1797 года Ларс Густав Тегнер переехал в качестве домашнего учителя к богатому помещику и владельцу Ременских железных рудников в северной части Вермланда, граничащей с Далекарлией,— Мюрману. С ним вместе переехал туда и Эсайас. Богатейшая библиотека Мюрмана на шведском и иностранных языках привела молодого Тегнера в восторг. Он „поглощал греческий, запивал латынью и на сладкое наслаждался поэзией новых языков“. Латынью он владел в это время уже в совершенстве. Грек Гомер своей „Одиссеей“ и англичанин Джемс Макферсон поэмой об „Оссиане“ произвели на Тегнера глубокое и неизгладимое впечатление. С немецкой литературой, которая совершенно отсутствовала у Мюрмана, Тегнер ознакомился значительно позднее, питая долгое время к немецкому языку предубеждение. Свои занятия он прерывал лишь для прогулок и игр

* „Похождение Телемака“ Фенелона Франсуа де ла Мот (1651—1715).

в лесу, в полях с живой и веселой молодежью помещика Мюрмана.

На следующий год, когда старший брат Ларс Густав со старшими детьми Мюрмана переехал в Лунд для занятий в университете, Эсайас становится домашним учителем младших детей Мюрмана. Но это уже не тот веселый, шаловливый мальчик Эссе, а замкнутый, застенчивый юноша, живущий исключительно в мире книг. Зачастую утро заставало его за книгой, и лучшим подарком ему служила лишняя сальная свеча, так как выдаваемых ему экономной хозяйкой не хватало в темные, длинные зимние ночи. В это время в нем пробуждается первая любовь к младшей дочери Мюрмана. Он скрывает свои чувства, ему нужно много, много учиться, чтобы завоевать себе положение, выйти из бедности.

В сентябре 1799 года Эсайас Тегнер вместе со своими учениками, тремя младшими братьями Мюрманами, прибывает в Лунд, где и поступает в университет, получая материальную помощь от Брантинга и Мюрмана. В университете он обращает на себя внимание своим исключительным прилежанием. Он просиживает за книгами до двадцати часов в сутки. Его мало интересует шумная студенческая жизнь, волнуемая злободневными политическими вопросами. Вот как характеризует Тегнера один из лучших шведских историков литературы, Оскар Левертин (1862—1906): „Тегнер принадлежит к зачитывающимся до одури и бегущим от людей одиночкам, которые идут своими путями, на лицах которых даже при дневном свете отражаются лучи ночной настольной лампы, на которых другие студенты, живущие полной жизнью, смотрят косо, но с завистью, подозревая, что духовная жизнь этих одинок, может быть,

гораздо богаче, полнее и ярче, чем веселая жизнь поющих и кутиющих по кабакам товарищей“.

Летом 1800 года Тегнер едет репетитором к детям барона Лейонхювуда в богатое имение Иксульсунд в провинции Смоланд. Здесь-то впервые у Тегнера в его письмах проскальзывает определенное критическое отношение к уходящему феодально-аристократическому классу.

Если Лёвельем и Мюрман были типичными представителями той аристократии, которая по-деловому примкнула к восходящей капиталистической буржуазии (они ведь были одновременно помещиками и промышленниками), то барон Лейонхювуд был типичным представителем „густавианов“. Тегнер пишет старику Мюрману: „Место хотя и почетно, но ужасно скучно. Забавно наблюдать, как мои господа кичатся теми прошлыми столетиями, когда короли пользовались услугами их предков“. А в другом письме к одному из своих друзей он пишет: „Неволя, в которой я нахожусь, для меня невыносима. Может быть, это прилив излишней меланхолии. Но у меня есть целый ряд к этому причин. Мое настроение и мое здоровье с каждым днем все больше и больше портятся“. К этому времени относятся углубленные занятия Тегнера философией Канта и в особенности Фихте.

В 1802 году среди увенчанных лаврами тридцати четырех магистров философии Эсайас Тегнер был „примусом“ (первым). К этому же времени относится участие Тегнера в студенческой демонстрации против ректора университета, которого студенты не любили за его аристократические тенденции и покровительство студентам — детям феодальных дворян. Сверстник Тегнера, впоследствии известный шведский

профессор философии и истории, а также один из лучших поэтов, Эрик Густав Гейер, встретивший магистра Тегнера в доме его невесты Анны Мюрман в 1804 году, так описывает молодого ученого: „Среди общего шума и веселья находился одинокий молчаливый чужак. Его можно было бы назвать *отсутствующим* гостем среди многих присутствующих. Он был высок и строен, с светлыми вьющимися волосами и голубыми, исключительно ясными глазами. Но эти глаза, казалось, ничего не видят перед собой, а сам он бродит, как в полусне. Но если его внимание пробуждалось чем-нибудь, в глазах его загорался лукавый огонек, речь оживлялась, и появлялась удивительная улыбка. Его мало интересовали вечеринки и шумные игры. Его распорядок дня в корне расходился с распорядком всего дома. Он часто отсутствовал за столом. Его пути были иные, чем обычных людей... Как мы разговорились, я не помню, но мы вскоре же вступили в горячий спор. И так было всегда. Мы никогда не могли говорить спокойно. Я понял вскоре, что с ним нельзя было вести обычного разговора. Он бросался от одной темы к другой, постоянно возвращаясь к первой. За его мыслью было так же трудно следить, как за лучами солнца в кольшащейся листве. Но все, о чем бы он ни говорил, было ярко. Это была сама природа, красочная птица, гений с блестящими крыльями. Я не знал никого, о ком можно было бы с большим правом сказать — вот человек мгновенья. Он был гений мгновенья. Никто не мог увлекать так, как он. Все у него моментально превращалось в удивительные картины, полные ярких, блестящих красок, горящих как сверкающий алмаз, всегда свежих, всегда новых“. И это писал Гейер, в то время примыкавший к консер-

вативному крылу университетской молодежи, тогда как Тегнер в то время был приверженцем радикализма. Об этой встрече Тегнер писал позднее: „Мы резко расходились в наших взглядах на жизнь и литературу, которые со временем еще более углубились. Наши встречи обращались в неустанный диспут, однако без желчи и брани. Я тогда уже ценю Гейера, как талантливейшего и благороднейшего человека нашей страны“.

После блестящей защиты диссертации „Об эзоновских баснях“ Тегнер в 1803 году получает доцентуру по эстетике и выбирается секретарем философского факультета; одновременно становится он и библиотекарем университетской библиотеки. Это дает ему определенную обеспеченность. Жалованье Тегнера составляло в это время 60 бочек хлеба. В шведских университетах того времени жалованье чинов духовного и учебного ведомства производилось рожью и ячменем пополам, которые они должны были для обращения в деньги продавать. Доход их, таким образом, зависел от цен на хлеб. Бочка же хлеба стоила, в зависимости от урожая, 10—17 рублей.

В 1806 году, с женитьбой на Анне Мюрман и первыми успехами начинающего поэта, Эсайас Тегнер совершенно меняет свой образ жизни. Из замкнутого мыслителя он превращается в веселого, жизнерадостного, гостеприимного хозяина. Он всюду принят как самый желанный гость. Он становится центром всего живого, молодого и радостного в университетском городе Лунде. Он умеет своим остроумием, своим красноречием увлечь и взбодрить. Его речь — блестящий фейерверк мысли и образов. Его лекции по

греческой литературе привлекают переполненную восторженную аудиторию. Начался самый блестящий период жизни Тегнера.

V

Первые поэтически-творческие проблески связаны у Тегнера с его детскими увлечениями древнеисландскими сагами, затем античной классикой и ее преломлением во французской поэзии „просвещенцев“, являвшимся доминирующим течением в шведской литературе ее золотой академической эпохи, эпохи Густава III. Эсайас Тегнер мыслил всегда поэтическими образами. Даже его лекции по греческой философии принимали форму высокого поэтического претворения. Целый ряд воспоминаний его слушателей говорят о том, что после основательного анализа текста он переходил к переводу, в котором „вся поэтическая прелесть оригинала блистала подлинными красотами и смелыми поэтическими дерзаниями. Перевод сам собой переходил на метрический стих, увлекавший не только профессора, но и всю аудиторию, забывавшую, что давно уже прошло положенное время лекции“.

Первые опубликованные стихи Тегнера, как „Элегия на смерть брата“ („Elegi vid en broders död“, 1803) и „Мудрец“ („Den vise“, 1804), премированные „Литературным обществом“ в Гётеборге, носят на себе отпечаток „просвещенного академизма“, рассудочности и дидактики. Но уже написанное в том же 1804 году стихотворение „Моей родине“ полно живыми поэтическими образами, отходящими от напыщенности и статичности академизма. Вот почему посланные на конкурс Шведской академии первые

произведения Тегнера не получили удовлетворительного отзыва. На Тегнера все больше и больше влияет немецкая поэзия, в особенности молодые Шиллер и Гёте, в стиле которых написаны „Англия и Франция“ („England och Frankrike“, 1806) и „Вечность“ („Det evige“, 1810). Не бесследно прошло также и знакомство Тегнера с творчеством Байрона. Мощная волна национального пробуждения, как результат наполеоновских войн, поднявшаяся в Европе и достигшая своего наивысшего подъема в Германии, не могла не докатиться и до Скандинавии. Датский философ и поэт Эленшлегер и его шведский последователь Линг, один из основателей „Готского союза“, своими красочными, боеспособными и дышащими живыми образами поэмами из прошлого северных народов, полными героического пафоса древних скандинавских саг, не могли не увлечь горящего творческой энергией Тегнера, в котором с детства жила вся фантастика „Подвигов северных богатырей“.

Внутренние неурядицы и эпидемии в Швеции, недовольство реакционно-шовинистической и абсолютистской политикой Густава IV, мечты об идеалах французской революции, нападение России на Финляндию весной 1808 года, негодование, вызванное предательством высших чинов шведской армии и полной неподготовленностью к оборонительной войне, сильно повлияли на поэтическое творчество Тегнера. В темные ноябрьские дни 1808 года, когда дошли до Швеции слухи о позорном для шведской армии перемирии с русскими в Олькйюки (Финляндия), молодой поэт создает свою знаменитую „Боевую песню сконского ополчения“ („Kriigs ng för sk^onska landtvärnet“) (Сконэ — южная провинция в Швеции, в которой расположен университетский город Лунд).

Зачем меч не испытай
И тих зачем?
Зачем же не избит он,
Защитный шлем?
 Погубленные годы
 В избе сеной...
 На битву марш,— в походы
 За край родной!
Клич в бой недалеко.—
Подходят с востока,
Все ближе гремят они бурей шальной...
Шлет запад их, в злости
Незваные гости...
 На битву, на битву за край наш родной!

 И вековые
 Несет проклятья
 Кровавый пир,—
 И кровь рекою
 Течет людскою,
 И гибнет мир...
Изменнической сворой,
Сокрыв свои мечи,
Изменники, как воры,
Вдруг подползли в ночи...
 Мир и покой народа парушая,
 Они придут на тихие поля,
 Чтоб хищно грабить наши урожан,
 И, прах отцов топча и пшвеля,
 Чтоб наших женщин зверски растлевать,
 А сыновей нещадно убивать...

Не объявляет он войны,— он поджигает...
Под маской рыцарей — обман им нипочем,

И человеческую кровь он сберегает,
Беря могилу Эрисверда * — мечом!
Мы меч доставем ржавый,
Суд наш суров,
Мы били со славой
Сонмы врагов...
Изведаем скоро,
Как меч наш остер,
И выйдем из спора,
Дав смелый отпор!

.

Вставайте, угнетенные!
Войска на бой зови!
Мы вихри зажженные
Утопим в крови!
И враг наш гонимый
Бежит тут и там,—
И ужас за ним
Спешит по пятам...

.

Кто пал,— в родной земле зарыт,
И честь его жива.
Свободный Север повторит
Его слова...
И старец прохожий
Потушит свой взор
И тихо положит
Цветы на бугор.
И девушка порою
К могиле подойдет
И, грустный дар герою,—
Слезу она прольет.

* Крепость Свеабург, в которой похоронен строитель крепости Эрисверд.

Поэт споет бывшее,—
 Гимн доблести земной,
 В честь юношей-героев,
 Кто пал за край родной...
 Бури смолкнут скоро,
 Отдохнут поля,—
 Без боев, без спора
 Заблестит земля.
 В согласном хоре
 Звучит покой,—
 Забудет горе
 Весь род людской...
 День мирный, новый
 Настал сейчас,—
 Венец лавровый
 Венчает нас...
 Заздравной чашей
 Звенит наш пир:
 За счастье наше!
 За нас! За мир!

Мастерски передавая смену настроений, блестящая по форме смена стихосложного размера и ритмов, динамика и страсть, а главное, живые, близкие образы,— как все это было непохоже на принятые застывшие формы спокойного, добродетельного и дидактического академизма. Здесь зов к борьбе, здесь ненависть и злоба, здесь подлинная человеческая скорбь по погибшим и радостная вера в победу и светлое будущее родины. „Боевая песня“ звучала набатом, стала, по отзывам современников, „шведской марсельезой“, „тиртеевским гимном“*. Однако наде-

* Тиртей — хромоногий афинский поэт VII века, посланный в Спарту во время мессинской войны; своими песнями возбуждал спартацев к победной борьбе.

дежда на победу, высказанная Тегнером в „Боевой песне“, рухнула. Великодержавная Швеция Фридрихсгамским миром в 1809 году окончательно уходит в область предания: Финляндия — житница Швеции — отходит в руки царской России. С глубоким чувством горечи и болью Тегнер в своем поэтическом произведении „Свеа“ (Svea — Швеция), представленном на конкурс Шведской академии в 1811 году, упрекает своих сородичей в измене национальным интересам, в упадке героизма и продажности, со скорбным пафосом вспоминает гордые дни величия и военной славы Швеции, пролетевшей по всей Европе. С нескрываемой Ironией он обращается к Финляндии, к ее желанию найти под царским скипетром „мир и защиту“. „Ну хорошо,— говорит Тегнер,— лобзай его ты длани и спи у ног его! Но пробужденье будет страшно!..“ Склоняясь перед необходимостью потери Финляндии, Тегнер призывает Швецию:

Пусть Свеи недра гор дары вдвойне дадут,
Пусть блещет урожай, леса, как ночь, цветут...
Все силы рек, ручьев природа пусть сольет,—
И Швеция в себе Финляндию найдет!

Если в опубликованной Шведской академией и премированной высшей наградой редакции поэме „Свеа“ доминирующим мотивом является эпическая покорность перед совершившимся насилием, то, по свидетельству друга Тегнера епископа Агарда, „целый ряд прекрасных, величественных строф в этой патриотической поэме с резкими выпадами против России были Академией выброшены, как места слишком возмутительного характера“. В той форме, в которой

поэма была представлена на конкурс в Академию, поэма была явно проникнута чувством реванша и призывала Швецию к оружию против России, пока еще есть время:

„Еще ты можешь мужеством дать миру удивленье,
И честь еще спасти свою, хотя б в своем па-
деньи...“

К союзу Бернадотта с Александром I Тегнер вместе с большинством передовой шведской интеллигенции относился с нескрываемой ненавистью. Пример Польши, писал Тегнер, доказал, что „гораздо опаснее иметь „государство казаков“ в качестве покровителей, чем открытых врагов“. Однако Тегнер подчинился совету и нажиму Академии и переделал свою „Свеа“ в духе мирного строительства вместо воинственного реванша. Но это не радовало Тегнера. Его радость признанного Академией поэта и шумный успех у публики были отравлены тем, что ему пришлось, по его выражению, „перешивать и ставить на „Свеа“ заплатки“. В своей ненависти к русским он был непреклонен, и не потому только, что они отняли Финляндию, а потому, что для него „царское государство было символом вечного варварства, было страной, в которой вечно царит несправие и насилие, страной, в которой еще нет граждан, а лишь господа и рабы, которых можно покупать подобно любому скоту“. В русских он видел народ с внешней оболочкой образования, „в сердцах которых глубоко сидит варвар“, и страна даризма, по мнению Тегнера, опасна не только для шведов, но и для всей европейской культуры. „Александр I,— пишет Тегнер,— главная опора мракобесия, явление самого подлого

характера, какой мне только приходилось встречать в истории“. Дружба Карла Юхана с „казаком“ вызвала в Тегнере чувство глубокой ненависти. По поводу же войны с Данией, начатой Бернадоттом, Тегнер пишет,— когда Шведская академия просила его написать соответствующее стихотворение, в 1813 году своему другу Адлербету: „Против бедных датчан я ничего не могу писать. Это несчастный народ, который вот уже в продолжение многих лет не сделал нам ничего худого. Сможем мы силою отторгнуть Норвегию, было бы без сомнения не плохо, но подобное завоевание у незащищенного народа вряд ли воспоет честный человек. Вот если война обернется против нашего заклитого врага, я с радостью начну писать. Я рожден в ненависти к варварам и надеюсь независимо от модных софизмов умереть с нею“. Принужденный написать приветствие по поводу годовщины победы над датчанами, Тегнер в стихотворении, озаглавленном „Настоятельно принужденное приветствие офицерам в годовщину битвы при Борхнёфте“ („Efter mycket nödgande till nogra officerare på årsdagen av slaget vid Bornhöft“), иронически заканчивает:

Итак, почтенные, годичный срок прошыл,—
А дело шло чертовски жарко
Для офицеров и кобыл,—
Так пей, кто хочет, эту чарку!

Ненависть к „заклятому врагу“ никогда не оставляла Тегнера. Даже на склоне своих лет, когда Тегнер из радикала-разночинца превратился в консерватора-епископа, в 1833 году в стихотворении „Стрелок“ („Skytten“), написанном по поводу от-

крытия стрельбища в г. Кристианстаде *, говорит о том, что:

Надежность рук и меткость глаза...
Не знаем мы, где встретим дичь...
И, если вихрь начнется сразу,—
Услышим из порд-оста ** клич...
 Высока игра, прекрасна,—
 Бьем мы дичь из края в край...
 Мимо бить тогда — опасно...
 Эй, охотник,— не зевай!

Поэма „Свеа“ была принята восторженно всеми кругами шведского общества и получила большую премию Шведской академии. Первый биограф и современник Тегнера, поэт Ф. М. Францен (1772—1847), говорит об этом произведении, что „оно замечательно не только по своему высокому патриотизму и по эпической красоте, но и по внезапной перемене формы в середине его. От александрийского стиха, исполненного той многозначительной силы и той тихой, но постоянной гармонии, которых требует этот размер, поэт, повинувшись мгновенному увлечению, вдруг переходит к дифирамбу и, соответственно богатому разнообразию самого предмета, извлекает из арфы своей разнообразнейшие звуки. Перед нами встает поэтическое видение, где баснословные образы древнего Севера служат только оболочкой современных дум, чувствования и надежд“.

Поэма „Свеа“ появилась как раз в разгар бешеной борьбы литературных течений — „академизма“

* Провинциальный город шведской южной провинции Сконе.

** С русской границы.

и „фосфоризма“. Разрыв академической формы александрийского стиха пламенным дифирамбом, живые, яркие и страстные образы, вплетенные в грустные лирические размышления,— как все это было непохоже на эпическое спокойствие академистов и как в то же самое время непохоже на трансцендентную туманную поэзию романтиков-„фосфористов“! Францев правильно констатирует: „Встречающееся в стихотворении „Свеа“ соединение обоих родов поэзии, хотя, быть может, и неумышленное, показывает, как думал Тегнер относительно раскола, возникшего тогда на шведском Парнасе. Не унижая старой словесности, он сам приготовил новую, но никогда не приставал к „фосфоризму“. Вот его собственные слова: „Немецкие теории с господствовавшею в поэзии таинственностью были мне противны. Переворот в шведской поэзии считал и я необходимым, но его можно и должно было произвести более самостоятельным образом. Новая школа казалась мне слишком отрицательной, а ее критические выпады — слишком несправедливыми. Поэтому я в войне не принимал участия, за исключением кое-каких шуток, которые я в письме и на словах позволял себе“.

„Свеа“ сблизила Тегнера, с одной стороны, со стариками из Академии, в Несторе же старых „густавианов“, маститом поэте Леопольде (1756—1829), он обрел искреннего друга и почитателя; с другой — заставила „фосфористов“ чутко прислушиваться к нему и несколько умерить свои нападки на возможность использовать старые академические формы для отражения идей современности. Однако взаимоотношения Тегнера с „фосфористами“ оставались на всю жизнь обостренными. В эпиграмме „Металличность“ („Metalliteten“, 1815) Тегнер зло

осмеивает манерность и туманность „фосфористов“.

Природы ухо — есть металл:
Клинг-клингелли-кланг!
Язык как отзвук духа стал:
Плинг-плингелли-планг!
Философ — головой — металл:
Клинг-клингелли-кланг!
Звонящий бубенец — германским эхом стал:
Плинг-плингелли-планг!

Для Тегнера мир, в котором царят реакционные и упадочные туманные философские идеи шеллингианства, должен быть уничтожен. Свое саркастическое новогоднее стихотворение на 1816 год („Nu^oarret“) Тегнер заканчивает:

Ура! Религия — есть иезуит,—
А якобинец — людское есть право...
И ворон бел, и вольный мир открыт,—
И — да здравствует папа и дьявол!
Поеду в Германию,— учиться у мудрых поэтов
Искусству творения там злободневных советов:
С новым годом,— с мраком и убийством,
С ложью, глупостью и суетой!..
Надеюсь, нашу землю ждет твой выстрел —
Своей ее ты пулей удостои...
Она, как многие, полна тревоги быстрой,—
Но усмирит ее — в упор твой выстрел...

Ближе всего был Тегнеру „Готский союз“, хотя он никогда не мог полностью согласиться с ультра-националистическими тенденциями Рэфа, мечтавшего

о кулачном праве средневековья и противника культурных завоеваний человечества, следовательно, являвшегося как бы предшественником современного фашизма.

В 1812 году Тегнер, не достигший еще 30 лет, получает в Лундском университете самостоятельную профессию по греческой словесности и в виде побочного дохода по примеру большинства профессоров — „пребенте“, т. е. пасторский приход с обязательным посвящением одновременно в пасторы. В продолжение многих веков эта традиция при шведских университетах была формой контроля и „духовного“ влияния на профессию, на которую передовые молодые профессора смотрели лишь как на необходимое зло, бороться с которым, однако, не решались.

VI

Ближайшие двенадцать лет (1812—1824) являются в жизни молодого блестящего профессора Эсайаса Тегнера самым ярким, самым жизнерадостным и плодотворным периодом в его творчестве.

Шумный успех „Свеа“ и общее признание исключительного таланта молодого поэта окрыляют Тегнера, и он приступает к созданию своих больших поэтических полотен, поставивших его в ряды мировых классиков начала XIX века.

„Готский союз“ выбирает Тегнера в том же году своим действительным членом, и он становится активнейшим сотрудником журнала „Идуна“. Литературное течение, образовавшееся вокруг „готов“, представляется Тегнеру как средоточие между французским „академизмом“ и немецким „фосфоризмом“.

Выросшие в сущности на общей почве романтизма, „готы“, так же, как и „фосфористы“, оперируя главным образом национальным прошлым, стремятся отразить в своих произведениях личность, противостоящую обществу, личность исключительную. Это преклонение перед личностью вполне отвечало мыслям Тегнера, впитавшего в себя весь пафос поднимающейся буржуазии, но он ищет своего героя не только в прошлом, для него в настоящем таким героем является Наполеон. Тегнер не разделяет ненависти „фосфористов“ к Наполеону. Идея „Священного союза“ ему противна. Все его симпатии на стороне Наполеона. Еще в 1799 году в бытность у Мюрмана в качестве домашнего учителя Тегнер вспоминает, что „при распространившемся тогда слухе о смерти Наполеона в Египте я написал большую лирическую поэму. Мюрман, большой поклонник Наполеона и вообще героев французской революции, сам писавший стихи, с большой похвалой отозвался об этом произведении“. В 1813 году Тегнер публикует своего „Героя“ („Hjälten“), в котором оправдывает „победоносный полет орла в лучах сияющего солнца“.

Видишь, там, где мощь большая,
Вечен взмах могучих крыльев,
Винюват ли в том орел?
Голубь клонет, напевая,
Он же рвет добычу силой,
Там, где солнца путь прошел...
Разве буря, воя, спросит,
Или спросит гром гремящий,
Над землей неся свой гул,
Коль цветы, сломав, унесит
Иль влюбленных пару в чаще

Неожиданно спугнул?
Что старо,— уходит в вечность,
И знакомое ученье
Ни к чему нам повторять...
Все уходит в бесконечность
И должно из разрушенья
Вновь здоровым расцветать!..

Когда Наполеону удалось бежать с острова Эльбы и тем самым создать угрозу Венскому конгрессу, Тегнер пишет в 1815 году „Пробудившегося орла“ („Den vaknande örnen“), в котором с радостью приветствует „грозного орла, парящего над стаей воронов“. „Берегитесь,— восклицает Тегнер,— берегитесь, мелкие стервятники,— мститель близок, он прекратит ваш разбойничий дележ!“

Как ночь, расправляет он крылья ветров,
Молньеносные бури неся...
И страх, над вороньею стаей вися,
Твердит:— берегитесь, вам, хищники, мстя,
Судья кончить пир ваш готов!
Над трупом Европы спокойно воссев,
Вы рвете кусок за куском,—
Порою лишь каркнув тупым голоском,
Что ворон, мол, бел, что свободно кругом...
Таков ваш вороний напев!
Ну что ж, защищайтесь! Часы подошли...
Посмотрим, на что вы годны...
Он, подвигов сын, он грядет с вышины,
Шумящие крылья все ближе слышны...
И когти, как круги Земли!
Лети, королевский орел! Ты умел...
Сверши свой полет еще раз!

Чтоб дрогнула мразь, что на тронах сейчас,
Чтоб тот, кто крылатым стал, взвился в свой час,—
И к солнцу,— да, к солнцу взлетел!

В этом же восхищении перед трагической судьбой героя проходит у Тегнера его преклонение перед „Карлом XII“ („Karl XII“, 1818).

Бодростью и радостью проникнута вся его поэзия этого периода. „Песнь к солнцу“ („Sång, till solen“) в 1817 и в особенности „Песнь“ („Sången“) в 1819 году являются лучшими отражениями этого жизнеутверждающего начала у Тегнера.

Не знает он преданий темных,
Без веры, без надежд, без сил,
Не знает жалоб, нежных, томных,
Задач, каких бы не решил...
Ему поток желанен шумный,
В ширь моря мчащийся поток,
И ветерок в игре раздумной,
В цветах могилы ветерок...
Им чтимый храм в огне сияет,—
У стен его ручей журчит...
В поэта силы он вливает
И глубь времен к нему их мчит...
И лечит он сердца больные,—
Поток, исполненный чудес...
Быть может, слезы в нем земные?
Нет,— он лишь зеркало небес.
Итак,— хочу, коль я достоин,
К напитку чудному прильнуть,—
Здоров, бесстрашен и спокоен,—
На мир больной хочу взглянуть.
Не может петь золотая лира

О муках, что я создал сам,—
Не для поэта горе мира,—
Он отдан ясным небесам.
Покуда в звездный свежий вечер
Отцам сияет небосвод
И северный, бодрящий ветер
Для деток Свей песнь поет,—
Пока хранит певучий Север
Звучанье дивных голосов,—
И в шведском, доблестном напеве
Звон горных далей и лесов!

В это время Тегнер работает над созданием двух своих лучших произведений: „Саги о Фриттьофе“, первые девять песен которой появились в журнале „Идуна“ в 1820—1822 гг., и „Акселя“ (там же в 1822 году).

Еще в детстве Тегнера увлекали героические образы скандинавской „Эдды“. Романтика, воскресшая на стыке двух эпох, еще с большей силой возвращала Тегнера к изучению средневековой поэзии, но его увлекали не проникнутые мистической фантастикой индийские поэмы и кельтские сказания, не призрачная туманность мистических легенд позднейшего христианского средневековья, как это увлекало „фосфористов“, а жизнерадостная яркость и ясность скандинавской „Эдды“, проникнутой здоровым реализмом живого человека. Известная русская переводчица „Эдды“ С. Смирденко совершенно правильно характеризует „Эдду“: „Это мир реальной жизни, лицо подчас грубой, но могучей человечности, здоровой силы и бурных страстей, мир деятельной воли и мужества. Удары боевых мечей о крепкие брони, гордый бег корабля к чужим берегам за добычей

и славой, шипение пенного меда в тяжелых за-
даранных кубках, скрип зерна под увесистым ручным
жерновом,— вот образы и обстановка этих сказаний:
битвы, походы, тяжелый труд, опасные охоты, шум-
ные пиры... Все сильно и ярко, все дышит жизнью“.

И к этой любимой и близкой своему миропониманию теме подходит зрелый поэтический талант Тегнера. Он останавливается на героическом образе Фритьофа, но присоединяет к нему черты героев, взятых из других саг и „Эдды“, пропуская все это через призму современного ему мировоззрения, именно такого, какой нужен для интересов поднимающейся буржуазии; ведь Фритьоф в древнескандинавской саге сродни капиталистическому буржуа. „Фритьофу,— говорится в саге XI главы,— легко доставались богатство и почет, куда он ни ездил. Убивал злодеев и свирепых викингов, но бондов* и купцов оставлял в покое. Был он тогда снова прозван Фритьофом Смелым. У него собралась большая надежная дружина, и стал Фритьоф очень богат движимым имуществом“. В поэтической обработке образа Фритьофа, особенно в последней его части, есть сильное влияние рационалистической лютеранской морали, этого специфического буржуазного духа.

„Сага о Фритьофе“ является кульминационным пунктом в поэтическом творчестве Тегнера. Она доставила ему мировую славу. „Сага о Фритьофе“ в короткое время была переведена на все европейские языки.

Я. К. Грот, первый переводчик этого исключительного памятника первой четверти XIX века на русский язык, в своем предисловии указывает на

* См. примечания к Песне 1, 139 — „Сага о Фритьофе“.

многочисленные переводы на немецкий, французский и английский языки. Первое русское издание, вышедшее в 1841 году, было встречено всей русской критикой, в том числе и Белинским, с большим сочувствием.

70-летний ветеран Шведской академии, слепой поэт Леопольд, в своем письме к Тегнеру пишет: „Я без ума от Фритьофа, влюблен в него больше самой Ингеборг. Говорить о том, что Фритьоф оставляет за собой все, что было в шведской поэзии до сих пор, было бы пошлостью... Новая эра открывается для шведской поэзии, и я могу сказать словами Симеона: „Ныне отпускаеши раба твоего, владыка, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мой свет во откровение языцев и славу людей твоих...“

Когда Тегнер заканчивал „Сагу о Фритьофе“, он мечтал дать в поэтической обработке средневековую легенду „О великане Фине и епископе Абсалоне“, в которой представлена была бы борьба язычества и христианства, но это произведение, начатое в 1820 году, не было им закончено, так как средневековое христианство было Тегнеру чуждо. Из оставшихся набросков языческих образов, особенно дочери великана, прекрасной Герды, скорее проглядывают симпатии поэта к полнокровному, жизнеутверждающему „греховному“ началу язычества, чем к бледным, морализующим аскетическим обликам служителей церкви.

Лирической поэмой „Аксель“, посвященной академику Леопольду, Тегнер отдал долг байронизму. Темой этой поэмы взята любовная история участника походов Карла XII, храброго „карловца“ Акселя Руса и его русской невесты Марии, слышанная якобы Тегнером из уст старого „карловца“. Поэма была

восторженно принята всеми без исключения литературными кругами Швеции. Эта поэма с ее лирическим грустным концом, так не свойственным жизнерадостному Тегнеру, свидетельствует о глубоких идеологических сдвигах, происходящих в нем. Его бурная, полная страстных порывов жизнь, его постоянные любовные увлечения не укладываются в рамки буржуазно-мещанского быта провинциального университетского города. Тегнера нужно уговорить, университетскую молодежь нужно оградить от разлагающего влияния мятущегося, беспокойного профессора. Это Тегнер чувствовал, и нотка разочарования, нотка пессимизма проникает в радостную гармонию тегнеровской лиры. К этому присоединяются также и экономические заботы. Кроме своей семьи, Тегнер содержит целый ряд своих обедневших родственников и родственников своего воспитателя Брантинга. Этим кончается второй, самый светлый, самый счастливый в творчестве Тегнера период.

VII

В 1824 году произошла большая перемена в жизни Тегнера. Его назначают епископом в провинциальный город Векшё*. Об этом назначении Тегнер пишет в письме своему другу детства: „Что касается моего назначения епископом, то я прежде всего должен категорически заявить тебе, что я ни прямо, ни косвенно не желал этого назначения“. С большой болью и грустью он принужден был согласиться на это, к этому обязывал его принятый

* Главный город провинции Смоланд (Småland) на юге Швеции,

пасторский сан. Грустно было ему покидать молодежь, друзей, свою науку и посвящать себя делу, которому он по своему мировоззрению был чужд. Многие возмущались таким назначением и высказывали свои сомнения по поводу возможности „поставить Пегаса под ярмо“. Всем было ясно, что Тегнер представляет „весьма сомнительный материал для дерковного прелата“. Ортодоксия была ему чужда, и никогда он не мог подчинить разум вере. В письме к одному из своих друзей, вскоре после своего назначения, он откровенно пишет о „правоверных рачителях веры и поповских болванах, оценивающих свою прославленную религиозность слишком дешево: ведь, в самом деле, нельзя же сомневаться в том, чего ты совершенно не знаешь. Они поглощают догмы, как страус камни, и эту дегустаторскую способность они называют религиозностью и немало хвастаются тем, что обладают значительно большим, чем рассудком“.

Экономически епископат давал больше, чем профессура, но для малопрактичного Тегнера система оплаты немногим способствовала улучшению его материального положения. Епископское жалованье вычислялось натурой с доходов земельных наделов. Ему пришлось стать не только хлеботорговцем, но и землевладельцем, пришлось, по его словам, „закупать скот, семенные зерна, плуги, бороны, удобрения и прочее,— все это относится к окладному управлению религии в нашей стране... Все это отнимает у меня время, так что ничего не остается для плодотворных занятий“. Обращаясь за помощью по покупке лошадей к своему зятю, он не без сарказма пишет: „Мне не надо лошадей черной масти, терпеть не могу поповского цвета даже на лошадях. Мне нужна

пара новых, мои слишком стары, свыше двадцати лет, возраст, вполне простительный для замужней женщины, но не для кобылы. Да и к тому же они слепы, как члены риксадага, и хромают, как церковная проповедь“.

Окружающее его духовенство в епископате представляло собою, по словам Тегнера, настоящие авгиевы конюшни. И он жестокой рукой принялся за чистку этого духовенства, „пропитанного полным невежеством и свинством“, с искренним желанием превратить их из „невежественных пьяниц в цивилизованные личности“. Эта работа убивала поэта Тегнера и создавала вокруг него нездоровую атмосферу. „Мне удалось,— пишет Тегнер своему другу Магнусу Лагерлёфу в 1833 году,— сместить ряд отчаянных пьяниц, и то после целого ряда всяческих волокит и крючкотворств. В наше время легче низложить короля, чем спившегося попа. Само собой понятно, что я этими и другими своими мероприятиями по внедрению порядка снискал себе массу врагов, но с этим приходится мириться“.

Неугомонный, всегда оппозиционно настроенный к окружающему, свободный в своих выражениях, далеко не религиозно-ханжеского порядка, легкомысленный и влюбчивый, Тегнер действительно являлся, по выражению одного из современников, „Саулом среди пророков“.

Прекрасный портрет Тегнера-епископа дает талантливый шведский поэт конца XIX века Густав Фрёдинг (1860—1911) в своем стихотворении „Его высокопреподобие епископ в Векшё“:

Епископский пир уж в конце. Затихает...
Епископ вдруг вилоккой в стакан ударяет,—

И снова налил он в бокал свой вина,
На друга взглянув своего Хеурлина...
Молчат попадьи и молчат капелланы,
И вздохи почтительны и полупьяны,—
Из попых утроб тихо вздохи летят,
И все капелланы в тарелки глядят.
 Над залом, как будто, туман поднялся, проплывая,
 Все благоговейно внимают, речей ожидая,
 Одну из речей, где епископ возвысит престол,
 Где голосом звонким и тоном он всех превзошел.
Но Феб, лучистый Аполлон, стремится в путь,
Чтоб в Олимпийской колеснице на Север заглянуть,—
Лучи над ним горят божественней и краше,
Их блеск горит вокруг епископских кудряшек,—
 Епископу стиль древних греков дая,
 Вокруг благородного лика горя...
Встает с загоревшимся взором епископ,—
Не верой, а дерзостью полон язык,—
И полон он соли, к аттической близко,
А стиль — из Афин сюда прямо проник...
Сильфид обнаженных, легко, шаловливо
С епископских уст низбегает игриво
Анакреонтический хор...
И шествует муза истории, Клио,
И девять сестер, всем искусствам родные,
А Эроса всеми командует взор!
Слова о свободе, дворянстве, что чаёт
Героев и подвигов,— луч освещает,—
Как солнечный отблеск кругом весь мир,—
О боге, кто в танце, в стихах, в винограде,
О лаврах побед, победительском взгляде,
О женских суставах, в грации пир...
О духе, материи, боге едином,
О том, что он всюду царит господином,

О жизни, как счастья, победе везде,
О папе, что нам помогает в беде...
Это звучит, словно хор, бесконечно,
Это — смычок, словно движимый вечно,—
Рукой Аполлон его движет в игре,
Он в воздухе слышен, над миром гремит он,
А в парке кентавры стучатся копытом
Под пляски менад на песчаном дворе...
И жители леса выходят из чащи,
И нимфы и фавны толпою шумящей,
Смеясь над святыми, сквозь окна глядят...
Епископ смолкает, и в сильном смущеньи
Сидят попадьи,— без речей, без движений,—
С открытыми ртами блаженно сидят.
Так вечер проходит под шопот по залу:
„Священный епископ подвержен бокалу...
Коль так, наш епископ свихнется по-малу“...
Так в Смолянде слухи, как по ритуалу,
Идут — и готовы все к горю-скандалу...

Среди пошлости провинциального городка Тегпер искренно увлекается красивыми женщинами окружающего его общества. Он влюбляется, сходится, расходится, переживает глубокую душевную драму с тем, чтобы снова проделывать то же самое. Как будто аскетизм его молодых лет находит выход в этих вспышках страсти старости. Мартина фон Шверин, дочь богатого купца, жена блестящего офицера и помещика, Ефросиния Пальм, жена консисторского чиновника, девятнадцатилетняя Эмилия Ульфсакс, жена врача Сельдена, голубоглазая жена коммерцсоветника, Хильда Вийк, и ряд других женщин — вот объекты эротических увлечений невольного епископа.

Известный шведский карикатурист Фриц Дардаль, который восемнадцатилетним юношей временно жил в доме Тегнера в 1835 году, отмечает в своем дневнике: „На меня он произвел сильное впечатление. Редко я видел более гениальный образ. Говорят, что он в интимном кругу весьма общителен, особенно с дамами, к которым он питает определенную склонность и в разговоре с которыми позволяет себе рискованные выражения и двусмыслицы, от которых слушательницы краснеют. Во всяком случае, святошей его назвать нельзя — его манера скорее поэта, чем прелата“.

Тегнер тяготился епископской мантией. Ему было ясно, что он совершил страшнейшую ошибку в своей жизни. „Я нахожусь в ложном положении,— пишет Тегнер в 1830 году,— и считаю всю свою жизнь погибшей“. Он все реже и реже возвращается к поэтическому творчеству. Это все или поэмы по случаю всяких торжественных актов, на которых Тегнеру по долгу службы приходится выступать, застольные спичи и особенно элегии на смерть своих друзей и выдающихся людей своего времени, или же полные пессимизма и безысходной тоски небольшие стихотворения. В элегии „Меланхолия“ („Mjält-sjukan“, 1828), написанной октавами, несчастный Тегнер с глубоким чувством скорби говорит о переживаемой им душевной трагедии:

Тогда предстал внезапно черный рыцарь,
И сразу в сердце властно он проник,
И стало все под небом, как в темнице,
Угасли звезды, мглист стал солнца лик...
И вешний день стал, словно осень, тмиться,
Листва желтей,— и пышный цвет поник...

И в чувствах умерла вся жизненная сила,
И молодость увяла, как могила...

Тебя, о род людской, обязан воспевать я,—
Что ты правдив,— что ты совсем господний лик...
Но все ж о лжи в тебе я знаю два понятия:
Мужчина — женщина,— две лжи я знать привык...
Честь, верность,— песнь звучит, пока живут объятья:
Легко звенит та песнь, покуда лжет язык...
Сыны небес! Один вам памятник изваян:
Правдивое клеймо на лбу, что дал вам Каин.

Скажи мне, страж,— пройдет ли ночь немая,
Иль никогда конца не будет ей?
Полуобглодан месяц, проплывая...
За ним плетутся звезды, все грустней...
Пульс быстр, как будто юность отбивая,
Но не убить ему страданий дней...
Прервать мой долгий пульс ничто не вольно...
Как окровавленному сердцу больно!
Что? Сердцу? Нет, в моей груди нет сердца!
В ней урна с пеплом жизни включена...
О, сжался ты, земная мать, о, Герта,—
Пусть урна будет та погребена...
Прах улетит... Земля же милосердна,
Пусть боль земли землей исцелена...
Пусть дней подкидыш жизни путь отметит,—
И, может быть, отца за солнцем встретит.

Таким образом, из жизнерадостного, всегда оппозиционно настроенного, дерзкого и боеспособного представителя восходящей буржуазии Тегнер обращается в ипохондрика, лишённого жизнеутверждающей радости пессимиста, не верящего в борьбу и победу бесхребетного представителя межеумочной ин-

теллигенции, оторвавшейся от своей почвы, но и не примкнувшей деликом к мировоззрению уходящего феодально-аристократического слоя. Тегнер является как бы олицетворением водораздела, в котором встречаются две эпохи, два мира. В своей элегии „Могила Наполеона“ („Napoleons graf“) Тегнер находит об-разное выражение такому положению:

Среди потухших жерл вулканов,
На зыбкой грани двух времён,—
Как столп границ, в эпохи канув,
Его прах в урне водружен!

Единственный раз в этот период у Тегнера прозвучал бодрый голос старого бойца. Это случилось в его знаменитой речи при посвящении новых магистров в Лундском университете в 1829 г., когда он в качестве „промотора“* возложил лавры на голову присутствовавшего датского поэта Эленшлегера, первого идеолога „готов“ в Скандинавии. Приветствуя „короля северных поэтов“, Тегнер призывал здесь к скандинавскому единению и тем самым положил основу развившемуся в 60-х годах политическому движению „скандинавизма“.

Воспитанный в духе воинствующего рационализма французских „просветителей“, радикал в политических своих воззрениях, Тегнер соприкоснулся с реальной политикой лишь в период своего епископства, когда ему пришлось по должности быть членом риксдага** и здесь столкнуться с политиканством парламентских

* Promotor — назначенный университетом профессор, руководящий церемониями возведения в ученые степени.

** Высшие духовные лица входили по должности в состав духовной палаты риксдага.

партий. Ему, приверженцу „просвещенного“ абсолютизма лучшего периода Густава III, была не попутру, казалось, близко к нему стоящая, крепнущая либеральная партия; он сразу же охладевает к конституционным формам правления, он не хочет и не может понять, по его выражению, „многоголового, но безголового правления“. Ему чужда резкая радикальная критика окрыленной французской июльской революцией 1830 года либеральной буржуазии. Он пишет: „С тех пор как королевская шведская свобода начала выражать свои мысли словами „лодочных нимф“*, я не могу быть больше ее любовником“. Несмотря на то, что он никогда не мог примириться с Карлом XIV Юханом из-за его руссофильской политики, Тегнер выступает на защиту престарелого короля, когда либеральная оппозиция пошла на штурм королевской камарильи. Особенно обостряются отношения Тегнера с руководящей либеральной прессой в 1834 году, когда он позволил себе в Шведской академии в приветственной речи по поводу избрания Агарда академиком резкие выпады против либерализма и нарождающегося демократического течения, которое „подобно гробокопателю, желает уравнять в одном прахе всех — и королей с их короной, и мыслителей, поэтов, ученых с их лаврами, и заурядного глупца с его свободой“. В своем отходе от идеалов „просвещенцев“ к мракобесию реакции, истокам современного фашизма, Тегнер доходит до отрицания всеобщего образования, за которое оппозиция подняла борьбу в риксдаге. Либеральная пресса не остановилась перед резким отпором, и популярность стареющего поэта в широких массах была поколеблена.

* Лодочницы стокгольмских перевозочных лодок были известны своей грубостью.

Период епископства, самый мрачный и полный глубоких внутренних коллизий, когда Тегнер то „сжигает то, чему поклонялся“, то „поклоняется тому, что сжигал“, совпадает с тяжелым душевным заболеванием. Еще в 1825 году Тегнер писал своему другу детства Лагерлёфу: „Вот уже некоторое время я страдаю от необычайно тяжелого, мрачного душевного состояния. Я опасаясь за свой рассудок! Ты ведь знаешь, что в нашем роду в известном возрасте проявляется сумасшествие*. До сих пор оно проявлялось у меня в поэзии, в этой более легкой форме умопомешательства, но кто может поручиться, что оно всегда будет находить выход этим путем?..“ В другом письме того же года, к своему другу посланнику Боркману, он пишет: „К счастью, скоро закончится постройка центрального госпиталя в Векшё, а он находится в ведении епископа“. Консультациям врачей, указывавшим на болезнь печени, Тегнер не верил. Он говорит: „Непонятное беспокойство бросает меня из одного состояния в другое, ни на минуту не покидая меня. У меня нет покоя днем, нет сна ночью. Мое и ранее легко возбудимое воображение является теперь для меня моим постоянным мучителем. Одним словом: я болен и телом и душою“.

Сомнения и недооценка своего поэтического творчества, которые все время были у Тегнера, в этот период принимают еще более обостренные формы. При появлении в 1836 году поэмы „Густав III“ поэта Францена** Тегнер пишет гра-

* Младший брат Тегнера и племянница были душевнобольные.

** Франц Микаэль Францен — шведский поэт (1772—1847).

фине Шарлотте Мёрнер: „Верьте мне, в этом небольшом произведении гораздо больше ценной поэтической руды, чем в моей гремучей ртути, которую я в течение тридцати лет сжигал в стихах и прозе. Настанет время, когда народ это увидит и признает, и вспомните, что я это предсказывал“.

Все чаще и чаще, по словам Тегнера, находит на него „дух Саула“, и тогда: „Я чувствую неописуемую горечь, которая ничего не выносит, ничего не щадит ни на небе, ни на земле. Она рождает во мне обычно человеконенавистнические размышления, сарказм и злобу, высказав которые, я тотчас, хотя и поздно, сожалею. Эта горечь совершенно несвойственна моему характеру, скорее кроткому, чем вспыльчивому. Это симптомы болезни и поэтому вдвойне мучительные“. В другом письме Тегнер еще более ярко рисует свое душевное состояние: „Фурия, насильно обвенчанная со мной без попа и без подружек и даже без моего желания, рождена кошмаром и вампирхой. Эта фурия, даже когда она не гардует на моей груди и не сосет крови моего сердца, дает мне понять, что все же она вблизи меня и намерена в любой момент почтить меня своим посещением“.

Летом 1840 года произошла давно ожидаемая катастрофа: Тегнер сходит с ума. Создатель „Саги о Фритгофе“ отвозится в дом для умалишенных в Шлезвиг под наблюдение известного в то время датского психиатра Иенсена, который, понимая болезнь Тегнера, окружил его исключительной заботой, не применяя к нему никаких лекарств. Летом 1841 года Тегнер возвращается в Векшё значительно поправившимся и окрепшим.

В это время он заканчивает свое последнее про-

изведение, большую лирическую поэму „Непорочная невеста“ („Kronobruden“), всю как бы озаренную нежными лучами заходящего солнца. Он описывает крестьянскую свадьбу в селе, где когда-то проживал И. Х. Чельгрэн*, один из лучших поэтов „просветителей“ эпохи Густава III. На свадьбе присутствует сам епископ, устами которого Тегнер говорит:

Чельгрена больше уж нет! Ныне, когда он так
нужен...

Должен поэт создавать — не только служба Красоте...
Должен мыслителем быть он, — в нем мысли народа,
Властвует он над сознанием, как солнце, он зорко
глядит.

Должен поэт создавать — не только служба Красоте...
Должен вести свой народ не к тому лишь, что в мире
прекрасно,

Но и к тому, что правдиво. Разум поэта — есть все!
Чельгрэн, восстань! Ждет Север. Приди же и ратуй
Снова за правду, за право, сознание и честь.
Бей, как гаран корабля, все, что ничтожно и пошло...
Стыдно сегодня земле за пустой политический лепет,
Время в тупик забрело, бред извращает сознание...
Мощным ударом ударь, молнией грозно сверкая, —
Бейся за правду, чтоб поняли мы со стыдом, —
Что мы — великий народ, породивший династию Ваз...

Это творческая программа самого Тегнера. И он
кончает страстным призывом: „Боже, ты Чельгрена

* Юхан Хенрик Чельгрэн (Kellgren, 1751—1795) — шведский поэт и публицист, член Шведской академии, лучший представитель либерального крыла „густавианов“, искренний приверженец революционных идей поднимающейся буржуазии.

нам возродит!“ Епископ вышивает до дна наполненный вином бокал и бросает его высоко на ветви раскидистого дуба, откуда доносится его грустный звон.

„Kronobruden“ была в сущности лебединой песней Тегнера. Несколько стихотворений, написанных за последнее пятилетие жизни Тегнера по поводу различных событий жизни городка Векшё, были лишь слабым отражением, бледным отзвуком когда-то богатейшей лиры творца „Саги о Фритьофе“. Тегнер медленно угасал. На новый, 1845 год он пишет Францену:

„Я вступил в свой *magnus annus climactericus** шестьдесят третий, считающийся роковым для болящих. Да будет воля твоя! Мы должны подчиниться и смириться. О конце я молю каждый день, хотя думаю, я многое еще мог создать здесь на свете“.

Старый жизнерадостный викинг-бард побежден буржуазной пошлостью. Этот третий, трагический период в жизни Тегнера заканчивается холодным ноябрьским днем 1846 года.

В мощной фигуре Тегнера, стоящего на стыке двух эпох, ярко отразился синтез классицизма эпохи французских „просвещенцев“ и многообразной романтики эпохи победоносного наступления креннущей буржуазии. Многочисленны были источники, которыми питался Тегнер, но его творческая работа носила самостоятельный индивидуальный и национальный характер и создала богатейшую основу национальной шведской литературы. Это был Пушкин для Швеции, и имя его вошло в Пантеон сокровищницы мировой культуры.

* Большой поворотный год.

VIII

Предлагаемые вниманию читателя два поэтических произведения Тегнера, „Сага о Фритьофе“ и „Аксель“, являются лучшими произведениями Тегнера. „Аксель“ на русском языке появляется впервые, а „Сага о Фритьофе“ дается нами в новом переводе Б. Ю. Айхенвальда и А. И. Смирницкого. Вышедший в 1841 году первым изданием полный перевод „Фритьоф-саги“ Я. К. Грота, переизданный затем в 1874 и 1898 гг., совершенно устарел. Перевод Грота, стараясь быть как можно более точным, не передает всего аромата поэтического творчества крупнейшего шведского поэта, да и сам язык Грота настолько отяжелел ритмическую легкость „Саги о Фритьофе“, что она с трудом осваивается современным читателем. С гениальностью крушного мастера использованные Тегнером всевозможные формы стихосложения — от ритмично-аллитерационной древней „Эдды“, через метрическую музыкальность греков и римлян к силлабической математичности романских народов и, наконец, многокрасочной тоничности буржуазии XIX века не нашли своего отражения в переводе Я. К. Грота.

Заслуга молодых советских переводчиков заключается в том, что они, сохраняя всюду стихосложные размеры Тегнера, даже в такой трудной для переводчиков песне, как 21-я, построенной на аллитерационной форме стихосложения, сумели найти соответствующие аллитерации в русском языке, не снижая поэтической цельности „драпы“*, этой своеобразной погребально-дифирамбной песни древних скандинавских скальдов**.

* См. примечания к Песни 1, 148.

** См. примечания к Песни 1, 87.

Стараясь как можно ближе передать текст Тегнера, переводчики, однако, не следуют, подобно Гроту, слепо за лексикальным значением каждого слова, а в поэтически вольных, но вполне покрывающих и выражающих глубокие мысли Тегнера оборотах, воплощают в прекрасном русском переводе это изумительное произведение скандинавской классической литературы. Знакомя нас с малоизвестным у нас мировоззрением древнескандинавской культуры, этот перевод поможет нашему читателю освоить один из крупнейших памятников мировой литературы. В этом отношении большое значение будут иметь и сделанные А. И. Смирницким обстоятельные комментарии.

Данные в приложении письма Тегнера о его „Фритьоф-саге“ и древнескандинавская „Сага о Фритьофе Смелом“ (в переводе Я. К. Грота, сверенном и частью исправленном по подлиннику А. И. Смирницким) дадут читателю не только прекрасную иллюстрацию транспонирования Тегнером миропонимания древних скандинавов на язык христианско-буржуазный, но и введут читателя в ту идеологическую борьбу, которая велась в Швеции в начале XIX века.

Читателям, которых интересует первоисточник, поэтически обработанный в „Саге о Фритьофе“, мы рекомендуем прочесть предисловие Б. И. Ярхо к опубликованному издательством „Academia“ „Исландским сагам“: в нем дан прекрасный историко-литературный очерк древнескандинавской „Эды“. Характеризуя последнюю, один из лучших исследователей скандинавской древности, Александр Бутге* сказал: „Это

* A. Bugge. „Die Wikinger autirisirte Überfragung aus dem Norwegischen von Dr. H. Hungerland“. Halle, 1906.

поэтическое произведение, которое по глубине мысли и ясности в изображении человеческого, по драматической сжатости действия стоит на одной высоте с благороднейшими созданиями искусства этого типа, какие только существуют. Здесь над нами не раскрывается, как в бессмертном эпосе Гомера, вечно радостное, ясное, безоблачное небо; мы не плывем в спянии „зари с розовыми перстами“ по тихим волнам „пурпурного моря“ мимо цветущих берегов, населенных прекрасными гармоническими людьми. Здесь нет роскошного девственного леса, образов трагической фантазии индийского героического эпоса. Здесь нет дикости и кипящих страстей ирландских сказаний... В этих песнях как бы звучит битва — где мечи встречаются с мечами, где клинки, как молнии, разрезают воздух; все резко и сжато; везде обмен слов и драматическое движение — нет экстравагантных картинок, длинных описаний, нет замедляющих отступлений, как почти во всех эпических произведениях... Образы словно изваяны резцом, они стоят перед нами, выпуклые и полные жизни...“ На Тегнера, этого скальда периода „бури и натиска“ в истории шведской буржуазии, воспитанного на рационализме „просветителей“, динамическая поэзия „Эдды“ и героических древнескандинавских саг оказала сильное и плодотворное влияние.

Поэма „Аксель“, написанная Тегнером четырехстопным ямбом, передана впервые на русском языке О. Б. Румером, которому удалось, сохраняя всю прелесть и полноту тегнеровской лирики, не снизить богатства поэтических образов, которыми полна эта байроническая поэма Тегнера. В поисках „идеального“ героя Тегнер не мог не остановиться на героике времен Карла XII, к которой шведская буржуазная

мысль всегда с особой любовью возвращается. Для шведского буржуазного общества Карл XII и его „карловцы“, или, как их называют, „karolinerna“ являются олицетворением борьбы Швеции за сохранение своего „великодержавия“, оплотом против „варварства“ и символом победы. В отличие от всех шведских поэтических образов времен „karolinern“ы“, непримиримо борющихся с заклятым врагом — русскими, Тегнер сталкивает своего Акселя с прекрасной русской Марией, в страстной любви сглаживающей национальную рознь. Эта любовь таит в себе гибель. Аксель не Фритьоф, не легендарный герой, в нем заложены противоречия исторической действительности. Ведь это были последние годы радостного, жизнеутверждающего периода жизни Тегнера, это был уже закат его счастливых дней; кончалась свободная, веселая жизнь профессора классической словесности. Пошлое мещанство подымало свою ядовитую голову вокруг Тегнера, его ждала черная мантия епископа в Векшё. Углублялись внутренние противоречия между несбыточными идеалами и голой, неприкрашенной действительностью, подкрадывалось безумие, парализовавшее поэтическое творчество гениального шведского поэта начала XIX века.

Перевод стихотворных цитат в статье сделан по моему подстрочнику М. П. Гальпериню.

Большую редакционную помощь в подготовке перевода „Фритьоф-саги“ оказал Г. Г. Шпет.

Г. Александров

САГА О ФРИТЬОФЕ

Перевод

Б. Ю. Айхенвальда и А. И. Смирницкого.

ПЕСНЬ 1

Фритьоф и Ингеборг

Хранила Хильдинга рука
С заботой отчей два ростка.
В долинах Севера, на воле,
Прекрасней не было дотеле.

- 5 Один—могуч, как дуб лесной,
Копю подобен ствол прямой;
И легкий ветер играет кроной,
И шлемом выгнут свод зеленый.

Как роза цвел другой росток,
10 Когда зимы уж минул срок,
Весна же дремлет безмятежно,
Сокрыта в почке розы нежной.

Но грянет буря над землей,
С ней дуб поспорит молодой.
15 Но луч весенний запыляет,—
И роза губы раскрывает.

Их дни мелькали без забот,
И Фритьоф дуб был юный тот;
А розу, чуждую печали,
20 Прекрасной Ингеборг назвали.

При свете дня на них глядишь—
Себя ты в доме Фрей мнишь,
Где сонмы пар летают брачных
На крыльях легких и прозрачных.

25 Глядишь при месяце на них,
Танцующих в ветвях густых,—
То Эльф с супругой молодою
Танцует в роще под луною.

Какой счастливый день настал:
30 Он руну первую узнал!
Так горд и конунг не бывает;
Он в руны Ингборг посвящает.

Как с нею весело в челне
На темносиней глубине!
35 Повернут парус—и сердечно
Она в ладони бьет беспечно.

Гнезда такого он не знал,
Где б для нее не побывал.
Орел, кружась под облаками,
40 Ограблен дерзкими руками.

Через стремнину быстрых вод
Легко он Ингеборг несет.
В потоке шумном счастлив смелый—
Он крепко обнят ручкой белой.

45 Цветы весенние полей
Он предлагал с любовью ей,
И горсти ягоды душистой,
И первый колос золотистый.—

Но детства дни летят—и вот
50 Прекрасный юноша цветет,
Надеждой блещет взор мятежный,
Прекрасна дева с грудью нежной.

Нередко Фритьоф молодой
Опасной тешился игрой:
55 С медведем, бросив меч надменно,
Боролся храбрый дерзновенно.

Они сражались с грудью грудь,
И, победив, в обратный путь,
Косматой ношей отягченный,
60 Спешил он к деве благосклонной.

Отвагой сердце тронешь ты;
Достойна сила красоты:
Одна другую дополняет—
Так гордый шлем чело венчает.

65 Зимой, когда метет пурга,
Читал он возле очага
Песнь о Валхалле озаренной
И думал, сагой увлеченный:

„У Фреи золото кудрей,
70 Как волны спеющих полей.
У Ингборг кудри, как у Фреи:
Сеть золотая вкруг лилеи.

Идуны нежной грудь пышна,
Кольшет легкий шелк она;
75 Иное зыблют покрывало
Два светлых Эльфа с почкой алой.

У Фригги ясные глаза,
Как голубые небеса.
Когда иные смотрят очи,
80 Весенний день мрачнее ночи.

У Герды славной снег ланит
Сияньем северным горит.
Иных ланит румянец ясный—
Зажженный утром луч прекрасный.

85 Мне сердце ведомо: оно,
Как Нанны, нежности полно.
О Бальдер, скальдами хвалимый,
Ты счастлив, Нанною любимый!

Мне не страшна судьба твоя.
90 У Хель готов остаться я,
Оплакан девою прекрасной,
Как Нанна преданной и страстной“.—

Дочь корсля меж тем ковер
Ткала, и пела, и в узор
95 Вплетала сагу о герое,
И лес, и море голубое.

И вырастали чередой
Щиты из нити золотой,
Кольчуги серебром сверкали,
100 И конья красные летали.

Но под искусною рукой
С знакомым обликом герой
На белой шерсти выступает
И деву, радуя, смущает.

105 А Фритьоф на стволах дерев
И всюду резал рядом с Ф.
Как сердце с сердцем, без печали,
Две руны вместе вырастали.

Стоит ли день на небесах,
110 Король в сверкающих кудрях,
И жизнь бежит, и мир в движенье—
Одним полны их помышленья.

Стоит ли ночь на небесах,
Мать мира в темных волосах,
115 Безмолвно в небе звезд движенье—
Одним полны их сновиденья.

„Земля! Весенние цветы
В кудрях зеленых прячешь ты!
Дай лучших мне! На кудри друга
120 Из них венок сплетет подруга“.

„О море! В тьме твоих палат
Жемчужин тысячи лежат!
Дай лучших мне! Рукою смелой
Их укреплю вокруг шеи белой“.

125 „На троне Одина кружок!
Вселенной золотой зрачок!
Твой диск блестящий, коль могла бы,
Щитом я Фритьофу дала бы!“

130 „В дому Альфадера свеча!
Мерцанье бледного луча!
Когда бы мог, я месяц ясный
Подруге отдал бы прекрасной!“

Но Хильдинг молвил: „Не лелей,
Мой сын, любви в душе своей.
135 Знай: не равна судьба людская,
Дочь Беле—дева молодая.

К Альфадеру высокий род
В чертоги звездные ведет.
Не будь, сын бонда, своенравным!
140 Лишь равный счастлив в жизни с
равным“.

Смеялся Фритьоф: „Что ж? Мой род
В долину мертвых вниз идет.
Король лесной лежит убитый,—
Со шкурой предки мной добыты.

145 Не уступает тот, кто смел,
Весь мир—свободного удел.
Отец! Для счастья нет закона;
Надежду осенит корона.

Родоначальник силы Тор;
150 Высокий предок с давних пор.
Не знатность—честь он измеряет:
Могучим сватом меч бывает.

За деву юную мою
И с богом грома в бой вступлю.
155 Цвети, Лилея, дни за днями—
И горе—ставшему меж нами!“

ПЕСНЬ 2

Конунг Беле и Торстен Викингссон

Король стоял, опершись на меч стальной,
С ним рядом Торстен Викингссон, боец седой,
Брат Беле по оружию, он стар годами
И, словно камень рунный, покрыт рубцами.

- 5 Казалось, обращаясь и в пыль, и в прах,
Языческих два храма стоят в горах.
Но мудрые без счету на стенах знаки,
И память дней минувших живет во мраке.

„К закату,—молвил конунг,—мой день идет,
10 Мне тяжек шлем и боле не сладок мед.
Во тьме мой взор не видит судьбу людскую,
Но ближе блеск Валгаллы, и смерть я чувю.

Моих сынов позвал я, и с ними твой,
Пусть будут неразлучны, как мы с тобой,
15 Орлят хочу я ныне наставить снова:
На языке у мертвых уснет и слово“.

И в зал тогда вступили они втроем,
Шел первым Хельге мрачный, угрюм лицом.
Его влекли гаданья перед святыней,
20 С кровавыми руками пришел он ныне.

Светловолосый Хальвдан за ним возник,
Исполнен благородства, но нежен лик,
Для отрока, казалось, был меч игрою,
На деву походил он в плаще героя.

25 В накидке синей Фритьоф затем вступил,
Он на голову выше обоих был.
Меж братьями стоял он, как день
блестящий
Меж розовой зарею и ночью в чаше.

„Настал,—промолвил конунг,—уж вечер
мой.

30 В согласьи братском правьте моей страной.
Согласье укрепляет соединяя,
Копье теряет цену, кольцо теряя.

Пусть сила охраняет, как сторож, вход,
Внутри же за оградой пусть мир цветет.
35 Пусть меч не вред наносит, но защищает,
И щит амбары бонда да замыкает!

- Свой край лишь неразумный король гнетёт:
 Могущество владыке дает народ.
 Венец зеленый вянет, когда на кручах
 40 Иссохла сердцевина стволов могучих.
- Небесный свод четыре столба несут,
 Для трона же опора—лишь правый суд.
 Когда пристрастье судит, близка невзгода,
 Закон—владыки гордость и мир народа.
- 45 Алтарь и храм, о Хельге, богов приют,
 Но, спрятавшись, улитки одни живут.
 Витают всюду боги, где день сверкает,
 Где песни раздаются и мысль летает.
- Бывают лживы знаки у сокола в груди.
 50 От рун на брусках правды всегда не жди.
 Но в честном сердце мужа, чей дух
 свободен,
 Правдивых много знаков начертит Один.
- Не будь жесток, о конунг, но только строг!
 Чем меч острее, тем гибче его клинок.
 55 Как розы щит, так милость украсит мужа,
 И день весенний боле несет, чем стужа.
- Друзей презрев, на гибель и сильный
 обречен,
 Как ствол в пустыне гибнет, коры лишен.
 По тот цветет, кто в дружбе нашел защиту,
 60 Как дерево, что в роще от бурь укрыто.
- Не хвастай славой предков, свою добудь;
 Тот лук лишь твой, который ты мог согнуть.
 От чести погребенной что толку в споре?
 Свой вал поток могучий хранит и в море.

65 Паграда мудрых, Хальвдан, веселый нрав,
Но избегай, о конунг, пустых забав.
Из меда варят с хмелем напиток бражный,
Стальным клинок быть должен, забава—
важной.

Не может лишним знанием и мудрый
обладать,
70 По слишком мало, Хальвдан, совсем не
знать.
И на скамье почетной глущу нет чести,
А мудрому внимают на всяком месте.

К жилищу друга, Хальвдан, кто сердцу мил,
Не долог путь, хотя бы вдали он жил.
75 Но к тем длинна дорога, кто нелюбимы,
Пусть даже ты проходишь усадьбы мимо.

Любому, кто захочет, мой сын, не верь!
В пустом лишь доме настезь открыта
дверь.
Один пусть избран будет, ненужны двое,
80 И мир узнает, Хальвдан, что знают трое“.

Затем поднялся Торстен, в венце седин:
„К богам не должен конунг итти один.
Мы братски жизнь делили, король, с тобою,
И смерть делить нам также дано судьбою.

85 О Фритьоф! Лет минувших я слышу речь,
Тебя хочу я ныне предостеречь.
Альфадера к курганам слетают птицы,
На губы старца вещей совет ложится.

90 Богов почти высоких! Добро и зло,
Как свет и бурю, небо земле дало.
Богам открыты сердца глухие своды,
И то, что миг разрушил, оплатят годы.

Вождю покорствуй! Править лишь одному
дано,

95 Очей у ночи много, у дня—одно.
С достойнейшим достойный не ищет спора,
Клинок без рукояти лишен упора.

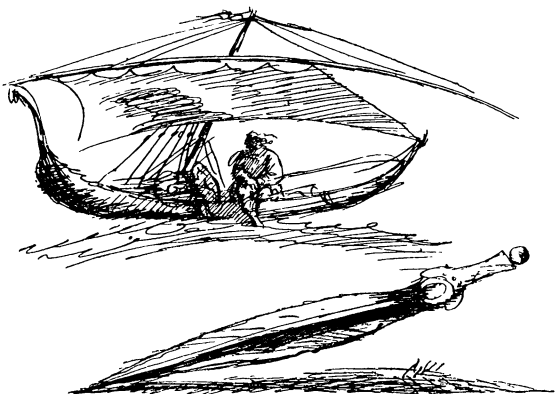
Даруют силу боги, их дар высок,
Но в силе неразумной велик ли прок?
100 Медведь сильнее десятка, одним убитый,
Щит от меча, от силы—закон защитой.

Не многим страшен гордый, у всех к нему
вражда;
Заносчивость к падению ведет всегда.
Кто в небе реял, ныне с клюкой всечасно,
Посев—погоде, счастье ветрам подвластно.

105 О Фритьоф, день хвали ты, когда закат
придет,
Совет хвали исполнив и выпив—мед.
Во многом безрассудно юнец уверен,
Но друг—в беде, и в битве клинок проверен.

110 Не верь змее уснувшей, весны снегам,
Почному льду не верь ты и дев словам.
На колесе бегущем их грудь точили,
И два холма лилейных неверность скрыли.

Ты сам умрешь, и сгинет твой дом и скот,
Одно я знаю, Фритьоф, что не умрет:

ПЕСНЬ 3

Фритьоф получает наследство отца

Скрыты в могильных курганах могучий
Беле и Торстен,
Как повелели они: на берегах обоих залива
Высились в небо холмы—разделенные
смертью две груди.
Хельге и Хальвдан отцовской страной по
решенью народа
5 Править стали совместно, а Фритьоф,
единый наследник,
Занял, ни с кем не делясь, спокойно
Фрамнес богатый.

- На три мили вокруг простирались владенья
 усадьбы.
 С трех сторон были горы и дол, с четвертой
 же—море.
 Холмы венчал березовый лес, а на склонах
 покатых
- 10 Рос ячмень золотой и высокая рожь
 колыхалась.
 Множество светлых озер отражало горы и
 роши,
 Где выступали легко королевскою поступью
 лоси,
 Пили из сотен ручьев, рога склоняя крутые.
 В долах зеленых кругом стада паслись
 беззаботно;
- 15 Лоснилась кожа коров и подошников
 жаждало вымя.
 Здесь и там, несметны числом, белорунные
 овцы
 Между ними бродили—гряды облаков
 беловатых
 В небе рассеяны так, когда повеет весною.
 Дважды двенадцать коней, необузданных
 вихрей в оковах,
- 20 Сено жевали в конюшнях, стуча по настилу
 ногами—
 В гривах алые ленты, блестящая сталь на
 копытах.
 Зал для пиршеств отдельно из лучших сосен
 был срублен.
 С лишком пятьсот человек (по десять
 дюжин на сотню)
 В нем помещались просторно, собравшись
 праздновать Зиму.

- 25 Стол из крепкого дуба по длинному залу
 тянулся,
 Вылощен, светел, как будто стальной; у
 почетного места
 Два столба возвышались—два бога резные
 из вяза:
 Один со взором владыки и Фрей,
 увенчанный солнцем.
 Там на шкуре медвежьей (была она
 черной, как уголь,
- 30 Ярkokрасная пасть, в серебро оправлены
 когти),
 Торстен недавно с друзьями сидел, как
 радушье с весельем.
 Часто старик вспоминал, когда месяц плыл
 сквозь туманы,
 Чуждых земель чудеса и плаванья викингов
 смелых
 В Гандвике, в море Восточном и в дальних
 Западных водах.
- 35 Пир безмолвно внимал, к устам его взором
 прикинув,
 Словно к розе пчела; а скальду казалось,
 что Браге,
 Сребробородый бог, с языком, письменами
 покрытым,
 Сидя под буком ветвистым, немолчным
 Мимера струям
 Сагу вещает свою—и сам как сага живая.
- 40 Пол был соломою устлан; на нем в огне
 из камня
 Яркое пламя пылало; а через окно дымовое
 В зал свободно глядели друзья небесные—
 звезды.

Шлемы кругом и брони на гвоздях из
кованой стали
Друг возле друга висели, и между ними
сверкали
45 Молнии светлых мечей, как ночью падающие
звезды.
Ярче и шлемов, и лезвий щиты, однако,
сияли,
Светлы, как солнечный круг иль месяца
диск серебристый.
Дева, стол обходя и роги гостям наполняя,
Очи потупив, краснела: и лик, в щите
отраженный,
50 Так же краснел, как она: то бойцов на
пиру веселило.

Дом богат был: повсюду найдешь,
посмотрев, ты не мало
Полных амбаров, ларей, кладовых
с изобильным запасом.
Много хранилось в дому богатств, добытых
победой,
Золота в рунах былых, серебра искусной
чеканки.
55 Но из сокровищ обильных там три ценились
всех выше:
Меч был первым из трех—наследье давнее
рода,—
Ангурвадель он звался—и брат сверкающих
молний.
В землях далеких Востока он выкован был—
по преданью,—
Карлов огнем закален; сначала Бьёрн
Синезубый

- 60 Долго владел им, доколе с мечом не утратил
и жизни,
В Грёнингасунде, на юге, сраженный
Вифелем мощным.
Сын был у Вифеля—Викинг. В то время,
дряхлый и слабый,
В Уллербóкере жил с цветущей дочерью
конунг.
Вышел однажды из чащи лесов исполин
безобразный,
- 65 Ростом выше породы людской, и косматый
и лютый,
Требовал он поединка—иль девы юной и
края.
Биться никто не дерзал: не нашлось бы
и стали, способной
Череп его расколоть; был он прозван—
Железное Темя.
Только Викинг решился (пятнадцать зим
ему было),
- 70 Ангүрвáделю веря—и силе. Ударом единым
Спас прекрасную он, разрубив ревущего
тролля.
Торстен, Викинга сын, наследовал меч, и
оставил
Фритьофу ныне его; озарялся зал его
взмахом,
Молния блещет, казалось, иль Севера
светит сиянье.
- 75 Златом горела меча рукоять, на клинке
были руны;
Северу смысл их неведом—у солнечных
врат он понятен:

Жили отцы там, доколе сюда их не
 вывели асы.
 Тускло руны светились в годину мира,
 когда же
 Хильдур игру начинала, их лента пылала
 на стали,
 80 Рдея, как гребень петуший в бою: обречен
 был на гибель
 Тот, кто в битве клинок с горящими рунами
 встретил.
 Славен повсюду был меч, из мечей на
 Севере первый.
 Вслед за ним из сокровищ ценнейшим
 было запястье;
 Северной Саги Вулкан, хромой его выковал
 Вólунд.
 85 Три оно весило марки—из чистого золота
 было.
 Небо сияло на нем и двенадцать замков
 Бессмертных—
 Образ месяцев года,—для скальдов—
 обители солнца.
 Фрея замок был виден: то солнце, когда,
 возродившись,
 Вновь к середине зимы начинает ввысь
 подниматься.
 90 Был там и Сёквабёк, сидел в нем Один у
 Саги
 С чашей ви́па золотой; та чаша—море
 земное
 В золоте пламенном утра, а Сага—Весна
 молодая,
 Руны ее—цветы, вплетенные в свежую
 зелень.

- Бальдер на троне сверкал, беззакатное
 летнее солнце,
 95 Льющее с тверди небесной на землю свое
 изобилье,
 Образ добра, ибо зло и добро—то мрак
 и сиянье.
 Тягостно солнцу взбираться на круть, у
 добра же не мене
 Кружится там голова, и оба, вздохнувши
 глубоко,
 К мрачной спускаются Хель; на костре то
 Бальдер пылает.
 100 В Глитнере—мирном чертоге—с весами в
 руке восседал там,
 Споры решая, Форсете—судья на тинге
 осеннем.
 Образы эти, и много других, означающих
 битвы
 Света на своде небес и в душе людской,
 на запястье
 Вырезал мастер искусно. Рубином дивным
 увенчан
 105 Был его выгнутый круг, как солнцем
 увенчано небо.
 Издавна было запястье наследьем в роду:
 ибо Волунд,
 Хоть и по линии женской, считался отцом
 поколений.
 В северных водах кружась, однажды
 сокровище выкрал
 Соте-разбойник; надолго оно утрачено
 было.
 110 Слух прошел наконец, что в курган
 замурованный Соте

- Скрылся на бреге британском, живым, с
 кораблем и с богатством;
 Там не нашел он покоя,—и призрак в
 кургане метался.
 Торстен молву услышал, на дракона он с
 Беле поднялся,
 Пенный вал рассекая, поплыл в британское
 море.
- 115 Словно храмовый свод или двор
 королевский, покрытый
 Щебнем и дерном зеленым, курган
 возвышался на бреге.
 Свет сиял изнутри: бойцы сквозь щель
 заглянули—
 Викинга там просмоленный корабль стоял—
 с якорями,
 Вытянув реи и мачты подняв; над кормой
 же высоко
- 120 Страшный призрак сидел; он в огненный
 плащ облачен был.
 Мрачный сидел он, клинок вытирал,
 запятнанный кровью,
 Вытереть пятен не мог; и сокровищ
 награбленных груды
 Сложены были вокруг; на руке же
 сверкало запыстье.
 Беле шепнул: „Войдем — и с огненным
 духом сразимся,
- 125 Против тролля нас двое...“ Но Торстен
 ответил сердито:
 „Предков обычай—один на один; я так же
 сражаюсь“.
 Долго спорили оба, кто первый судьбу
 испытает

В страшном деле, и шлем, наконец, свой
 Беле приподнял,
 Два в нем жребья потряс, и при звездном
 мерцании Торстен
 130 Снова своей жребий узрел. От удара копья
 отскочили
 Разом замки и засовы... Коль спрашивал
 кто-либо после,
 Что испытал он во тьме—безмолвствовал
 он содрогаясь.
 Беле сначала слышал, как песнь заклатья
 звучала,
 Звон раздался затем: клинки, казалось,
 скрестились,
 135 Дикий крик наконец. Все стихло—и
 выбежал Торстен,
 Бледен, растерян, смятен: со смертью он
 бился в кургане.
 Все же запястье он нес. „Дорогая цена!“
 говорил он:
 „Раз я в жизни дрожал—когда его
 добывал я“.
 Славилось всюду запястье и было на
 Севере первым.
 140 Третьим сокровищем рода корабль
 Эллида считался.
 Викинг (преданье гласит), из похода домой
 возвращаясь,
 Плыл у родных берегов—и видит, на
 малом обломке,
 Словно играя с волной, качается кто-то
 бесечно.
 Ростом пловец был высок, благороден
 осанкой, и лик был

- 145 Светел, открыт, но изменчив, как море в
солнечном блеске.
Плащ его был голубым, золотым с
кораллами—пояс,
Пены белей борода и, как море, зеленые
кудри.
Викинг ладью повернул, и бедного спас,
и в усадьбу
Взял незнакомца с собой, и, иззябшего,
там угостил он;
- 150 Вечером гостю постель предложил, но тот
засмеялся:
„Веет ветер попутный, корабль мой не плох,
как ты видел,
Сотни миль, я уверен, на нем проплыву
до рассвета.
Был ты радушен со мной, благодарствуй!
Хотел я о госте
Память оставить тебе, но мои сокровища
в море;
- 155 Может быть, все же на бреге найдешь ты
завтра подарок“.
Утром Викинг у моря стоял, и вот—по
заливу,
Словно орел за добычей, дракон несется
крылатый.
Нет пловцов на борту, не виден и кормчий,
однако
Руль извилистый путь находит среди шхер
и утесов:
- 160 Дух в нем, казалось, живет. Корабль
приблизился к брегу,
Сами свились паруса, и, ничьей не тронут
рукою,

- Якорь, в глубь опустившись, во дно залива
вонзился.
- Викинг безмолвно глядел, а волны пели
играя:
- „Эгира ты приютил—тебе он дарит
дракона“.
- 165 Был королевским подарок: дубовые гнутые
доски
Не были сомкнуты лишь, но срослись
неразрывно друг с другом.
Выше дракона морского казался корабль;
поднимал он
Голову к небу, и золотом пасть пламенела
червонным.
Синим и желтым пестрело широкое чрево,
могучий
- 170 Хвост свивался кольцом, серебром чешуи
отливая,
Черные были крыла с каймою алой;
раскрыв их,
Вровень он с бурей летел—орел позади
оставался.
Если с оружием бойцы наполняли корабль,
казалось,
Конунга замок морской иль крепость
пловучая мчится.
- 175 Славился всюду корабль, и был он на
Севере первым.
Эти и много иных унаследовал Фритвоф
сокровищ.
В Северном крае едва ль нашелся б
наследник богаче,
Если не конунга сын, ибо мощь королей
несравненна.

Не был он конунга сыном, но духом был
конунгу равен,
180 Кроток, приветлив, открыт—и быстро
росла его слава.
Верных двенадцать бойцов имел он, князей
по отваге,
С грудью стальною, в рубцах, отца
товарищей давних.
Самым последним сидел, как роза среди
листьев увядших,
Юноша, Фритьофа сверстник, и звали
воина Бьёрном:
185 Весел, как отрок, надежен, как муж, и
как старец, разумен.
С Фритьофом юноша вырос и был его
названным братом.
Кровь смешав, поклялись делить они
радость и горе,
Смертью за смерть отомстить: таков
обычай норманнов.
Среди бойцов и гостей, к погребальному
ливу пришедших,
190 Фритьоф, печальный хозяин, в слезах сидел
молчаливо,
Пил он память отца по обычаю предков и
слушал
Скальдов хвалебную песнь, гремящую
драцу; затем же
Занял отца он скамью, а ныне свою—
между Фреем
Светлым и Одним мудрым: то место Тора
в Валхалле.

ПЕСНЬ 4

Сватовство Фритьофа

У Фритьофа в зале песни звучат,
И скальды поют его предков ряд.
Но он похвальной
Не внемлет песне,—сидит, печальный.

- 5 И в зелень оделась земля опять,
И режут драконы морскую гладь.
Но сын героя
В дубраве бродит, лишен покоя.

Недавно так весел, так счастлив он был:
10 Суровый Хельге его посетил,
И Хальвдан ясный;
В гостях они были с сестрой прекрасной.

Сидел он с ней рядом, он руку ей жал,
Пожатье в ответ от нее получал,
15 Отвлечь не в силах
Был взора от черт благородных, милых.

Они говорили о детской поре,
О жизни, покрытой росой на заре,—
Садам душистым
20 Подобна память о детстве чистом.

От дола привет принесла она,
От рощи, где врезаны их имена,
От хóлма славы,
Где прах героя в тени дубравы.

25 „Ко мне неприветлив конунгов кров,
Ведь Хальвдан ребячлив, а Хельге суров;
Вожди надменны,
Лишь внемлют хвале да мольбе смиренной.

И не с кем,—тут розой зарделась она,—
30 И слова мне молвить, когда я грустна!
Там так уныло,
У Хильдинга в доме привольней было!

И ястреб ручных распугал голубей,
Питомцев наших с младенческих дней.
35 Лишь два в долине
Остались: возьми одного ты ныне.

Ведь голубь в родное гнездо полетит;
И он, как всякий, к подруге спешит.
С приветом нежным
40 Мне руну пошли под крылом надежным“.

И так шептались они и днем,
Шептались и вечером, сидя вдвоем,
Как ветер весною
Под вечер шепчет с листвою густою.

45 Но вот ее нет, и вместе с ней
И с радостью Фритьоф расстался своей.
И кровь молодая
Пылает в щеках; он молчит, вздыхая.

В письме он излил тоску и печаль,
50 И радостно голубь понесся в даль;
Но ах, он снова
К нему не летит из гнезда родного.

Был Бьери недоволен таким житьем.
Сказал он: „Что с нашим юным орлом?
55 Молчит сердито,—
Прострелена грудь, иль крыло подбито?

Чего ты хочешь? Обилен у нас
И желтого сала, и меда запас;
Певцов не мало,
60 Чтоб песня в зале всегда звучала.

Скакун в конюшне нетерпелив,
И сокола хищный слышен призыв,
Но в туче дальней
Охотится Фритьоф, всегда печальный.

- 65 Мязежной Эллиды канат напязен,
На якоре мечется, рвется дракон.
Эллида, смирно!
Не хочет боя наш Фритьоф мирный.
- И смерть на соломе—все смерть: себя,
70 Как Один, покрою рунами я,
Иль без сомненья
Нас примут Хель сине-белой владенья“.
- И Фритьоф дракону свободу дал,—
И вздулся парус, и вспенился вал.
75 Он брег оставил
И к конунгам путь через фьорд направил.
- На холме отцовском сидели сыны,
Судили и слушали голос страны;
Но вот далече
80 Гремят по долинам героя речи:
- „Вы, конунги! Ингеборг мне мила;
Хочу, чтоб она мне невестой была,
И молвить смею,
Что воля Беле—союз мой с нею.
- 85 Взрасти у Хильдинга дал он нам,
Как сросшимся вместе младым деревцам.
И их, лелея,
Тесьмой золотою связала Фрея.
- Хотя не король и не ярл мой отец,
90 Но песни слагает о нем певед.
На камне свода
Вещают руны о славе рода,

Корону и земли добыть я могу,
Но жизнь мне милей на родном берегу;
95 Здесь буду другом
Двору королей и простым лачугам.

Сам конунг Беле здесь погребен,
И слово каждое слышит он.
Его моление
100 С моим едином; я жду решенья!“

Но, вставши, Хельге сказал свысока:
„Сестры не коснется бонда рука.
Лишь конунг властный
Достоин дщери Валхаллы ясной.

105 На Севере славься, мужчин покоряй
Ты мощью, а женщин словами пленяй!
Но асов чадо
Не будет гордыне служить наградой.

Свой край защитить сумею я сам,
110 О нем не заботься; но место дам
Средь слуг герою,
Коль стать ты хочешь моим слугою“.

„Тебе не слуга я,—ответил боец,—
Свободен я буду, как был мой отец;
115 Из ножен смело
Взлетай, Ангурвадель, тебе есть дело!“

Блеснула синяя сталь в руке,
И красные руны горят на клинке,—
„Ты, меч мой ратный,
120 Ты, Ангурвадель, породы знатной.

И если б я мира кургана не чтил,
Здесь, черный король, я б тебя уложил.
Но впрямь далеко
Держись от меча, не забудь урока!“

125 Сказав, рассек он ударом одним
Щит Хельге златой, висевший пред ним.
И щит со звоном
Упал, и холм ему вторит стоном.

130 „Клинок мой верный, хорош удар!
Мечтай о славе, но рун пожар
Сокрой ты ныне.
Пора нам в дорогу по зыби синей“.

ПЕСНЬ 5

Конунг Ринг

И Ринг отодвинул свой стул золотой,
Король великий,
Как Мимер мудрый, как Бальдер благой,
И скальд седой,

5 И воин поднялись, внимая владыке.

Был край его рощей, где боги живут,
И меч кровавый
Не проникает в зеленый приют.

В тени растут
10 Цветы безмятежно и травы.

- Сама справедливость—закона оплот—
Судьей бывала,
И мир приносил благодатный плод
Из года в год,
15 И золото зерен на солнце сверкало.
И черногрудых волны несли
Улиток крылатых
Из сотен земель, и из каждой земли
Лады везли
20 Богатство—добычу богатых.
И радостен был союз тишины
И мысли свободной,
Любили северных высей сыны
Отца страны,
25 Свободен на тинге был голос народный.
Тридцатую зиму, храним судьбой,
Он правил ими.
Шел каждый утешен под кров родной,
И в час ночной
30 В мольбах возносилось к богам его имя.
И стул золотой отодвинул он сам,
Король великий,
Отрадно и скальдам внимать, и бойцам
Его словам;
35 Но молвил, вздохнувши глубоко, владыка:
„На пурпурных тканях супруга моя
В чертогах Фрей,
Травую над прахом покрыта земля,
И близ ручья
40 Цветут на могиле лилеи.

- Прекрасной гордилась моя страна,
Ей равной не знаю.
Наградю Вáлхалла ей суждена,
Но мать нужна
45 Тоскующим детям и краю.
- Гостил у меня конунг Беле седой
Не раз весною;
Оставил он дочь; у лилеи младой
Горят зарей
50 Ланиты—прекрасная выбрана мною.
- Я знаю, что девы в мечтах своих
Цветы срывают,
Я ж в семя пошел, и в когда-то густых
Кудрях моих
55 Уж зимы снега рассыпают.
- Но если бойца она может любить
С седой главою
И слабым захочет матерью быть
И их хранить,
60 То Осень разделит свой трон с Весною.
- Уборы и золото выньте на свет
Из подземелья,
Пусть с арфами скальды идут вослед,
Несут привет:
65 Бог песен повсюду, где свадьбы веселье“.
- И отроки с кликами, с шумом идут,
С мольбой, с дарами,
И скальды песнь о героях поют,
Привет несут,—
70 И вот предстали пред Беле сынами.

- И Хельге с гостями три дня пировал;
 С зарею новой
 Ответ—они просят—чтоб конунг им дал,
 Их срок настал,
 75 И в путь они ныне готовы.
- Но в жертву коня и сокола тот
 Приносит, хмурый;
 Жреца и провидицу конунг зовет,
 Ответа ждет:
 80 Что лучше сестре белокурой?
- Но знаки на легких и Вещей ответ
 Брак отвергают,
 И твердо конунг, страшась примет,
 Ответил „нет“:
 85 Богам пусть люди внимают.
- А Хальдван смеялся: „Конец пйрам,
 Пора прощаться!
 Седой Бороде, если б ехал он сам
 К своим горам,
 99 Охотно б помог я на лошадь взобраться“.
- Гонцы возвратились к горам родным
 С печальной вестью,
 Но мрачно Ринг отвечает им:
 „Мечом своим
 95 Седая отомстит Борода за бесчестье“.
- В висевший на липе свой щит боевой
 Он ударяет,
 И с гребнем кровавым плывет на бой
 Драконов строй,
 100 И ветер на шлемах играет.

И молвил Хельге, к войне готов,
Угрюм душою:
„Могуч король, будет бой суров,
Под мирный кров
105 Сестру в храм Бальдера скрою“.

И в роще заветной прекрасная ждет,
Любовь лелея,
По шелковой ткани золотом шьет
И слезы льет
110 На грудь: то роса на лилее.

ПЕСНЬ 6

Фритьоф играет в шахматы

Бьёрн и Фритьоф, сидя в зале,
Утром в шахматы играли;
И за клеткой золотою
Блещет клетка серебра.

- 5 Входит Хильдинг. „Рад я чести!
На почетном сядешь месте.
Полный рог перед тобою—
Скоро кончится игра“.

„Послан Беле я сынами,
10 Прихожу к тебе с мольбами.
Злая весть страну тревожит,
На тебя глядит она“.

„Будь на страже неустанной,
Бьёрн, король—в беде неожиданной.
15 Но спастись он пешкой может:
Пешка жертвой быть должна“.

„Не дразни орлят напрасно:
Спорить с силою опасно.
Войско их пред Рингом скудно,
20 Но сильней твоих бойцов“.

„Вижу, Бьёрн, грозить ты башне.
Нападение мне не страшно.
К башне, Бьёрн, пробраться трудно
За ограду из щитов“.

25 „В роше Бальдера, рыдая,
Вянет Ингборг молодая.
Ради слез голубоокой
Ты не дашь отпор врагам?“

„Бьёрн, стараешься напрасно:
30 С детства я пленен прекрасной.
Пусть судьба к другим жестока—
Королеву не отдам“.

„Фритьоф, занят ты игрою?
И, не выслушан тобою,
35 Прочь уйду? Ты не желаешь
Волю мне сказать свою?“

Фритъоф вымолвил, вставая,
Руку Хильдинга сжимая:
„Мой ответ, отец, ты знаешь,
40 Слышал волю ты мою.

Возвратись же к братьям ныне:
Оскорблен я их гордыней,
С ними нас союз не свяжет,
Их слугой не буду я!“

45 „Так иди стезей своею,
Осудить твой гнев не смею.
Один лучшее укажет“,—
Молвил Хильдинг уходя.

ПЕСНЬ 7

Счастье Фритьофа

Пусть братья рыщут за мечами
Из дола в дол, судьбу кляня!
Мой не для них; в священном храме—
Там поле чести для меня.
5 В ограде Бальдера забуду
Про скорбь земли, про месть вождей,
Богов блаженство пить я буду
Вдвоем с невестою моею.

- Доколе солнце разливает
10 Пурпурный блеск среди лепестков,
Подобный шелку, что скрывает
Грудь Ингборг—целый мир цветов,
Дотоль, не ведая покоя,
Брожу я в сладостной тоске,
15 Мечом я имя дорогое
Черчу, вздыхая, на песке.

- Как время движется лениво!
Сын Деллинга, что ж медлишь ты?
Ужель впервые видишь нивы,
20 И фьорд, и рощи, и цветы?
В чертогах западных подруга
Ужель давно тебя не ждет?—
Летит с любовью к сердцу друга
И о любви лишь речь ведет.
- 25 Но вот склонился ты, усталый,
Окончен трудный путь дневной.
Над счастьем асов полог алый
Задержул вечер золотой.
Любви дыханье в ветре южном,
30 Любовь в журчании ручьев.
Привет, о Ночь, в венце жемчужном,
В одежде брачной, мать богов!

- Как тихи звезды! Словно к милой
Влюбленный на носках скользит!
35 Играй, волна, шуми, ветрило,
Эллида через фьорд летит!
Вот рошу вижу я с отрадой,
К богам мы благостным плывем,
Там храм священный за оградой,
40 Любви богиня скрыта в нем.

Как счастлив я на брег вступаю!
Земля, к тебе прильнуть я рад,
Цветы лесные я лобзаю,
Что тропку узкую пестрят!
45 Разлив сиянье неземное
На храме, роще и холмах,
Как Сага в свадебном покое,
Ты гредишь, месяц, в небесах!

Кто научил тебя, журчащий
50 Источник, голосу любви?
Кто, соловьи родимой чащи,
Вам выдал жалобы мои?
На синей ткани Эльф рисует
Зари багрянцем Ингборг лик,
55 Но Фрея к образу ревнует,
Его с небес сдувает в миг.

Ты, образ трепетный, погасни!
Сама идет ко мне она,
Надежды радостной прекрасней,
60 Как память детских дней, верна.
Приди, любимая! Награда
Моей любви в любви твоей.
Склонись ко мне, души отрада,
Покойся на груди моей.

65 Пышна, как роза пред зарею,
Как стебель лилии, стройна,
Как мысль богов, чиста душою,
Как Фрея, пылкости полна.
Целуй меня! Пусть увлекает
70 Тебя волною пламень мой!
Ах! В поцелуе исчезает
И свод небес, и круг земной.

Не бойся, в роше за оградой
На страже Бьёрн с мечом стоит.
75 От всей вселенной, если надо,
Наш мир дружина охранит.
Я сам—о если бы сражаться
Мне за тебя судьба дала!
Я счастлив в Вáлхаллу подняться,
80 Когда б Валькирьей ты была.

Ты шепчешь: „Гневен Бальдер ясный...“
О нет, не гневен кроткий бог,
Любимый бог, любовью страстной
Сердца он наши сам зажег.
85 В сияньи солнца бог лучистый,
Он верность вечную хранил:
Как я тебя, любовью чистой
Он Нанну пламенно любил.

Он здесь! Колени я склоняю!
90 Он кротко смотрит на меня.
К его ногам любовь слагаю
И сердце, полное огня.
Склонись и ты со мной, подруга!
Прекрасней, выше дара нет:
95 Два сердца, любящих друг друга
И давших верности обет.

Моя любовь чужда земного,
Ты дочь небес не отвергай,
На небе вскормленная, снова
100 Она стремится в отчий край.
О если б умереть с тобою!
О если б ныне быть мне там!
Обнявшись с девою молодою,
В Вáлхаллу улететь к богам!

105 Когда бойцы на бой помчатся
Из всех серебряных дверей,
Твой верный друг, я любоваться
Останусь красотой твоей.
Когда же рог в руках Валькирий
110 Заблещет пеной золотой,
Я буду чокаться на пире,
Любви исполнен, лишь с тобой.

Я над волнами голубыми
Из веток выстрою шалаш,
115 В тени деревьев с золотыми
Плодами—сладок отдых наш.
Когда же солнце загорится
Вновь дивным пламенем лучей,
К богам вернемся, но стремиться
120 Все ж будем к хижине своей.

Огонь кудрей, чело прекрасной
Венцом из звезд украшу я,
Танцуя станет розой красной
Лиля бледная моя!
125 Затем сокроюсь с златокудрой
Под кров любви, где мир живет,
Где каждый вечер Браге мудрый
Нам песни брачные поет.

Как дрозд поет порой ночью!
130 То из Валхаллы нам привет.
Как месяц блещет над волною!
Из края мертвых льется свет.
И песнь, и свет лишь мир блаженный
Любви нам могут предвещать;
135 Тот мир хочу я, упоенный,
С моею Ингборг созерцать.

Не плачь, любимая! Струится
Еще по жилам жизнь во мне,
Но ввысь мечта любви стремится,
140 Ей сладко реять в вышине.
Ах! Подними лишь взор свой ясный,
Свои объятия лишь раскрой,
И как легко мечтатель страстный
На землю увлечен тобой!

145 „Ты слышишь—жаворонка пенье“.
Нет, то голубка с голубком;
С подругой спит в уединенье
Беспечным жаворонок сном.
Счастливые! Никто с зарею
150 Друг с другом их не разлучит;
Вольна как крылья, над землею
Чета беспечная парит.

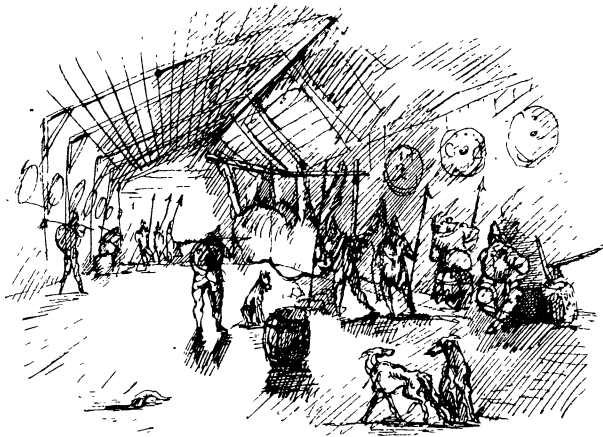
„Смотри, светает“. Нет, огнями
Горит дозорными восток.
155 Часы блаженства перед нами,
Еще не минул ночи срок.
Не просыпайся, золотая
Звезда денницы, не спеши!
По мне, ты можешь, не вставая,
160 До Рагнарёка спать в тиши.

Увы! Желанье безнадежно,
Повеял утра ветерок,
И, как ланиты Ингборг, нежно
Зарделся розами восток.
165 Крылатая щебечет стая
В прозрачном небе, близок день,
И блещет вал, и, улетая,
Влюбленных увлекает тень.

И вот встаешь ты в блеске славы!
170 Прости мольбу, о солнце, мне!
О бог златой! Как величаво
Ты выступаешь в вышине!
Кто б мог, как ты, без колебанья,
Так непреклонно путь свершать,
175 Свой бег в победу и сиянье,
Ликуя, гордо облекать!

Взгляни: что равное прекрасной,
Ты в мире увидеть бы мог!
Храни ее: твой образ ясный
180 В ней отражен, высокий бог.
Как луч душа ее сияет,
Как небо синева очей.
И, как чело твое, сверкает
У девы золото кудрей.

185 Прости, любимая: свиданье
Нам ночью снова суждено.
Прости! В чело еще лобзанье,
В уста твои еще одно.
Теперь усни: проснись, мечтая,
190 К полудню; и одна грусти,
Томись, как я, часы считая,
Гори, как я. Прости, прости!

ПЕСНЬ 8

Прощанье

Ингеборг

Уж близок день, но Фритьофа все нет!
Вчера был созван тинг на холме Беле:
Судба решалась дочери его,
Избрали место тинга справедливо.
5 Молила много, много пролила
Я слез горячих, считанных лишь Фреей,
Чтоб растопить лед ненависти в сердце
И выманить из гордых уст обет—
Вновь руку протянуть для примиренья.

- 10 Ах! все ж жесток мужчина; ради чести—
Так гордость называет он свою—
Готов без колебанья, коль придется,
Глубоко ранить преданное сердце.
А женщина, прильнув к его груди,
- 15 Былинку на скале напоминает:
Цветет она, бледна и незаметна,
Цепляется за камень лишь с трудом,
И пища для нее—ночные слезы.
- Итак, вчера судьба моя решилась,
20 И закатился солнца круг над нею.
Но Фригьяфа все нет! Бледнеют звезды,
Одна вслед за другою тихо гаснут,
И с каждой угасающей звездой
В моей груди надежда умирает.
- 25 На что надеяться? Валхаллы боги
Меня не любят, я их прогневила.
Высокий Бальдер, давший мне защиту,
Мной оскорблен: любовь людей земная
Предстать пред взором асов недостойна,
- 30 И радости земной запрещен вход
Под мирный кров, под своды, где владыки
Высокие и строгие живут.
Все ж, в чем вина моя? Зачем разгневан
Благочестивый бог любовью девы?
- 35 Иль не чиста она, как Урды ключ,
Не беспорочна, словно Гефьон грезы?
Благое солнце ока своего
От любящей четы не отвращает,
И ночь, печальная вдовица дня,
- 40 Внимает радостно любовным клятвам.
Что незапретно под небесным сводом,
Ужель преступно то под сводом храма?

- Я Фритьофа люблю. Ах, я любила
Его с тех пор, как я себя лишь помню;
45 Любовь моя—ровесница со мной;
Не знаю я, как началась она,
Чужда мне мысль, чтоб с нею мне
расстаться.
Как плод вокруг ядра растет и зреет,
Под летними лучами округляя
50 Вокруг него свой золотистый шар,
Так выростала я и созревала
Вкруг моего ядра, и жизнь моя
Моей любви лишь служит оболочкой.
Прости мне, Бальдер! В храм твой
с верным сердцем
55 Вступила я, и с верным же оставляю
Твою обитель: с ним я через Бифрост
Свой путь свершу и пред лицом богов
Предстану в Вальхалле с моей любовью:
Там будет жить она, богов дитя,—
60 В щитах блестящих отражаясь, реять
На крыльях голубьих в синеве
Необозримой, возвратившись в лоно
Альфадера родное.—Что нахмурил
Свое чело ты в сумраке рассвета?
65 Кровь Одина в моих струится жилах,
Как и в твоих. Чего ты хочешь, родич?
Пожертвовать любовью не могу
И не хочу,—она дороже неба.
Но в жертву принести могу я счастье,
70 Его отброшу я, как королева
Свой сбрасывает плащ, и без него
Все той же оставаясь.—Я решилась!
Не устыдитесь дочери своей
Вальхалла: как герой с своей судьбою,

75 Так встречусь я с моей.—Но вот и
Фритьоф.
Как дик, как бледен он! Увы, увy!
Идет с ним порна гневная моя.
Крепись, мой дух!—Привет тебе, хоть
поздно!
Прочла я на челе твоём высоком
80 Судьбы решенье.

Ф р и т ь о ф

Также о бесчестье
И об изгнанье говорящих рун
Кровавых не прочла ль?

И н г е б о р г

Приди в себя,
О Фритьоф, все скажи! Давно уж чую
Я худшее, готова ко всему.

Ф р и т ь о ф

85 Вчера к кургану я на тинг явился;
Норманнами был весь зеленый склон
Покрыт,—мечи в руках и щит к щиту,
Одно кольцо бойцов внутри другого,—
Вплоть до вершины: там сидел на камне,
90 Как туча грозовая, брат твой Хельге,
Со взором темным бледный жрец кровавый;
С ним рядом Хальвдан, взрослое дитя,
Сидел, мечом играя беззаботно.
Вперед я вышел и сказал: „Война
95 В свой ратный щит уж бьет в твоих
пределах:

- В опасности твой край, о конунг Хельге!
 Сестру мне дай, я руку дам тебе,—
 Она в бою, быть может, пригодится.
 Да будет позабыта наша рознь,
 100 Мне тяжело во вражде быть с братом
Ингборг.
- Разумен будь, король: златой венец
 Спаси—и с ним сестры прекрасной сердце.
 Даю тебе я руку. Видит Тор,
 Последний раз ее я предлагаю“.
 105 Стал шумен тинг. Звон тысячи мечей
 О тысячу щитов вещал согласие,
 И вольных одобрение тому,
 Что справедливо, небо пило жадно.
 „Дай Ингборг ему, отдай лилею,
 110 Прекраснее которой не возрастало
 В долинах наших; он наш лучший меч,
 Дай Ингборг ему“.—Наш Хильдинг старый,
 Сребробородый, мудро говорил,
 И изречений меткие слова
 115 Звучали кратко, как меча удары;
 И с места королевского сам Хальвдан
 Тут встал, моля и взором и словами.
 Напрасно все; пропали все мольбы,
 Как солнца свет, на скалы расточенный:
 120 Ростков не выманить из сердца камня.
 Остался неизменен Хельге лик:
 Немое „нет“ на все мольбы людские.
 „Дать сыну бонда,—молвил он с
презрением,—
 Я б Ингборг мог, но осквернитель храма
 125 Достоин вряд ли дочери Валхаллы.
 Не ты ли Бальдера нарушил мир?
 Не ты ли в храме виделся с сестрою,

- Когда для вашей встречи день скрывался?
Да или нет!“—Тут крики потрясли
- 130 Кольцо бойцов: „Скажи, скажи лишь „нет“,
Поверим слову, просим за тебя,
Сын Торстена, всем конунгу подобный;
Скажи лишь „нет“—и Ингеборг твоя!“—
„Мне счастье жизни слово даст одно,—
- 135 Я молвил,—но не бойся, конунг Хельге!
Я не солгу для радостей Валхаллы,
Ни для земных. Твою сестру я видел,
Во мраке храма с нею говорил,
Но мира Бальдера тем не нарушил“.—
- 140 Не мог я кончить. Ужас рокотаньем
Прошел по тингу. Ближние ряды,
Как перед зачумленным, отступали;
И суеверье глупое сковало
У всех язык, и извести белей
- 145 В миг стали лица, цветшие надеждой.
Тут Хельге победил. И вот глухим
И страшным голосом,—как мертвой Валы
Тот голос был, когда она запела
Пред Одним про Хель и горе асов,—
- 150 Он так сказал: „Изгнанье или смерть
Я присудить могу за преступленье.
Таков закон отцов; но кротким быть,
Как Бальдер, чей поруган храм, хочу я.
На море Западном есть острова,
- 155 Они подвластны ярлу Ангантиру.
При жизни Беле ежегодно ярл
Нам дань платил; ее не шлет он боле.
Пусть же за море, добейся дани!
Вот выкуп, дерзости твоей достойный.
- 160 Есть слух,—прибавил он с усмешкой
низкой,—

Что крепок Ангантир, что он над золотом
Как Фафнер-змей трясется, но не ты ль
Наш новый Сигурд—Фафнера убийца?
Ты лучший подвиг мужества сверши,
165 Чем дев в ограде Бальдера дурачить.
Мы ждем, что к лету возвратишься ты
Со славою, всего же прежде—с данью.
Коль нет,—ты, Фритьоф, враг для всех
презренный,
И мира ты навек лишен в стране“.
170 Так он судил, и с тем был тинг распущен.

И н г е б о р г

Что ж ты решил?

Ф р и т ь о ф

Могу ль я выбирать?
Он честь мою связал своим веленьем.
Я выкуплю ее,—пусть Ангантир
Хоть в реках Настранда упрятал золото.
175 Пушусь сегодня ж в путь.

И н г е б о р г

Меня покинув?

Ф р и т ь о ф

Нет, не покинув,—взяв тебя с собой.

И н г е б о р г

Тому не быть!

Ф р и т ь о ф

Но выслушай же прежде!
Твой мудрый брат, как мнится мне, забыл,
Что Ангантир был друг отцу и Беле;
180 И может быть, добром отдаст он то,
Что требовать я буду; коль откажет,—
Надежный увещатель, острый, есть
При мне, у левого бедра висит он.
Пошлю любезное я злато Хельге,
185 И тем навек избегнем мы ножа
Венчанного жреца и лицемера.
А сами, Ингеборг моя, взовьем
Элиды парус над волной иной;
И где-нибудь найдем приветный брег,
190 Что изгнанной любви приют подарит.
Что ныне Север мне, что мне народ,
Бледнеющий от слов жреца-владыки,
Готовый впитаться наглою рукой
В цветок души моей, в святыню сердца?
195 Клянусь я Фреей, не удастся им.
Презренный раб к клочку земли привязан,
Где он рожден, я ж вольным быть хочу,
Как ветер горный, вольным. Горсть земли
С кургана отчего и с холма Беле
200 Мы на корабль захватим: это все,
Что стоит взять нам из родного края.
Любимая, другое солнце есть,
Не то, что блекнет над горою снежной;
Есть небеса прекраснее, чем здесь,—
205 Божественно сиянье кротких звезд,
С высот глядящих теплой летней ночью
На лавр густой и верную чету.
Отец мой, Торстен Викингссон, далеко

- Бывал в походах; часто вечерами
210 У очага рассказывал зимою
О море Греческом и островах,
Зеленых рощах над волной блестящей.
Могучее там прежде жило племя,
Богам воздвигло мраморные храмы.
215 Они в забвеньи ныне; их ступени
Трава покрыла, и цветы растут
Из рун, о древней мудрости гласящих;
И стройные колонны их кругом
Увиты зеленью роскошной Юга.
220 Земля ж все людям нужное дает
Сама собой,—там жатва без посева,—
И золотистый плод в листе пылает,
И грозди алые свисают с лоз
И округляются, устам твоим подобны.
225 Там, Ингеборг, там создадим средь волн
Мы новый, лучший Север для себя,
И своды легкие наполним мы
Любовью нашей,—счастьем людским
Развеселим богов, давно забытых.
230 Когда на парусах, едва раздутых
(Не знает бурь той край), пловец чужой
Близ острова под вечер проплывет
И с розовой волны на берег взглянет,—
Увидит в храме новую он Фрею
235 (На языке их, мнится, Афродитой
Ее зовут), дивиться будет он
Златым кудрям, струящимся по ветру,
Очам светлей полуденного неба.
Вокруг богини вырастет потом,
240 Под сенью храма, альфов поколеньи,
С ланитами, как Севера снега,
В которых Юг свои рассыпал розы.

Ах, Ингеборг! Как верным двум сердцам
Легко достичь всего земного счастья!
245 Пусть взять его лишь мужество найдут,—
Оно пойдет за ними, здесь уже,
Под облаками, им построит Вингольф.
Спеши, идем! Мы каждым словом миг
От нашего блаженства отрываем.
250 Готово все, Элида напрягает,
Орлу подобна, черные крыла,
И свежий ветер увлечь нас хочет прочь,
Навеки прочь от берега суевья.
Что ж медлишь ты?

Ингеборг

С тобою мне не плыть.

Фритьоф

255 Не плыть со мной?

Ингеборг

Ах, Фритьоф, ты счастливый!
Свободен ты, стремишься ты вперед,
Как твой дракон, и собственная воля
Рукою твердой держит руль, твой путь
Средь гневных волн бесстрашно направляя.
260 Но мой удел так непохож на твой!
Моя судьба в чужих руках жестоких:
Пусть кровь течет,—не выпустят добычи;
Быть жертвой, плакать, тихо в скорби
вянуть—
Вот королевской дочери свобода.

Ф р и т ь о ф

265 Иль не свободна ты, едва захочешь?
В кургане твой отец.

И н г е б о р г

Отец мой—Хельге,
Отда мне заменяет он, и властен
Он над рукой моей; не украдет
Дочь Беле счастья, как оно ни близко.
270 Чем женщина была бы, цепь порвав,
Которую Альфадер приковал
К сильнейшему слабейшее создание?
Она подобна лилии в воде;
С волной она встает, с волною никнет,
275 И киль пловца, свой пролагая путь,
И не заметит, как разрежет стебель.
Таков ее удел; но все ж, пока
За дно корнями держится растение,
В нем ценность есть; оно свою окраску
280 Заимствует у бледных звезд-сестер,—
Само звезда на глуби темносиней.
Но если вырван корень, поплывет,
Увядший лист, по воле волн пустынных.
Минувшей ночью,—ночь была ужасна,
285 Тебя ждала я долго, все не шел ты,
И дети ночи, тягостные мысли,
С кудрями черными неслись чредой
Передо мной, и сна и слез лишенной;
И Бальдер, бог бескровный, на меня
290 Бросал свой взор, исполненный угрозы,—
Минувшей ночью думала я много,
Решилась твердо я,—останусь здесь,

- Для брата буду жертвою покорной.
Все ж хорошо, что вымысла тогда
295 Не слышала об островах воздушных,
Где пурпур вечера цветущий край
Любви и мира вечно озаряет.
Свою кто знает слабость? Грезы детства,
Давно умолкшие, встают опять
300 И шепчут на ухо, и голос их
Знаком, как если б то сестра шептала,
И нежен, как возлюбленного шопот.
Я вас не слышу, нет, я вас не слышу,
Вы, голоса когда-то дорогие!
- 305 Что я, дочь Севера, найду на Юге?
Я так бледна для пышных роз его,
Бесцветен дух мой для его огня,
И опален он был бы знойным солнцем,
И устремляла бы с тоскою взор
310 Я к Северной звезде, что стережет,—
Небесный часовой,—отцов могилы.
Мой благородный Фритьоф из страны,
Защитником которой он родился,
Бежать не будет, славы не отдаст
315 Всего лишь за любовь прекрасной девы.
Такая жизнь, когда из года в год
Вьет солнце дни, подобные друг другу,
Недвижная в красе своей, годна
Лишь женщине, но будет тяготить
320 Она мужчины дух, и твой—всех боле.
Ты рад, когда на вспененном коне
Над бездною морскою скачет буря,
И на щепе средь волн за честь свою
Ты в смертный бой с опасностью
вступаешь.
- 325 Блаженства край, куда ты манишь, стал бы

И не рожденных подвигов могилой.
Заржавел бы там вместе со щитом
И дух свободный твой. Но так не будет!
Я имя Фритьофа не украду
330 Из песен скальдов, моего героя
Не погашу я славы восходящей.
Будь мудр, мой Фритьоф: должно уступить
Высоким порнам; с корабля судьбы
Разбитого хоть честь спасти нам должно,—
335 Пусть счастья жизни не спасти уж нам.
Должны расстаться мы.

Ф р и т ь о ф

Зачем должны?
Затем, что ночь без сна твой дух смутила?

И н г е б о р г

Затем, чтоб честь мою спасти с твоей.

Ф р и т ь о ф

Честь женщины—в любви мужчины
верной.

И н г е б о р г

340 Кратка любовь его без уваженья.

Ф р и т ь о ф

Не станет он за прихоть уважать.

И н г е б о р г

Возвышенная прихоть—чувство долга.

Ф р и т ь о ф

Вчера любовь не враждовала с ним.

И н г е б о р г

Сегодня также,—бегство с ним враждует.

Ф р и т ь о ф

345 Необходимость гонит нас; идем!

И н г е б о р г

Что благородно, то необходимо.

Ф р и т ь о ф

Все выше солнце, и уходит время.

И н г е б о р г

Увы, оно ушло, ушло навек!

Ф р и т ь о ф

Одумайся, иных не скажешь слов?

И н г е б о р г

350 Мной все обдуманно, я все сказала.

Ф р и т ь о ф

Коль так,—прощай, сестра родная Хельге!

Ингеборг

- О Фритьоф, Фритьоф, так ли нам
расстаться?
Ужель для друга детства не найдешь
Ты ласкового взгляда, и несчастной,
355 Любимой прежде, ты не дашь руки?
Иль думаешь, что я стою на розах
И счастье жизни прочь гоню с улыбкой,
Без муки вырываю из груди
Надежду, что срослась в одно со мною?
370 Не ты ль был сердца утренней мечтой?
Всем радостям лишь Фритьоф было имя,
И все, что благородно и велико,
В моих глазах твой образ принимало.
Не помрачай его, суров не будь
365 Со слабой, ныне приносящей в жертву
Все, чем ей мил досель был круг земной,
Все, чем мила ей может быть Валхалла.
О Фритьоф, жертва эта не легка;
Она достойна слова утешенья.
370 Меня ты любишь, знаю я давно,
С тех пор, как жизни день забрезжил, знала;
И много лет, где б ни был ты, там будет
С тобою память. Ингеборг твоей.
Но звон мечей все ж заглушит печаль,
375 Она развеется на диком море,
И места нет ей на скамье бойцов,
Из рога пьющих на пиру победном.
Лишь изредка, когда в ночной тиши
Былые дни обозревать ты будешь,
380 Поблекший образ промелькнет средь них:
Его ты знаешь, он несет тебе
Привет от мест любимых; образ тот—

- Лик бледной девы в бальдеровом храме.
 Ты от себя его не отгоняй,
 385 Хотя и скорбен он; ты слово ласки
 Шепни ему: оно на крыльях верных
 Ночного ветра полетит ко мне,—
 Все ж утешенье, если нет другого!
 Моей тоски ничто уж не рассеет,
 390 Во всем ее мне будет слышен голос.
 Мне своды храма будут говорить
 Лишь о тебе, и бог, забыв угрозу,
 Твои черты в сиянье лунном примет.
 Взгляну ль на море,—там врезал твоей
 киль
 395 Свой пенный путь к тоскующей на бреге.
 Взгляну ль на рошу,—там в коре дерев
 Начертаны тобою руны Ингборг.
 Но нарастет кора,—не станет их:
 То значит смерть, как говорит преданье.
 400 Спрошу ль у дня, где видел он тебя,
 Спрошу ль у ночи,—промолчат они,
 И даже море, что тебя несет,
 В ответ о брег ударит лишь—вдохнувши.
 С зарей вечерней, гаснувшей вдали
 405 Средь волн твоих, тебе привет пошлю я;
 И жалобу покинутой возьмет
 К себе на борт корабль небесный—туча.
 Так буду в тереме своем сидеть,
 Вдовица счастья в черном, вышивая
 410 Из лилий сломанных узор, доколе
 Весна не вышьет над моей могилой
 Узором лучших лилий ткань свою.
 Когда ж возьму я арфу, чтоб излить
 Безмерную печаль в напевах грустных,
 415 Я плакать буду, как теперь.— —

Ф р и т ь о ф

- Ты победила, Беле дочь, не плачь же!
Прости мой гнев,—то скорбь моя была,
Что в одеянье гнева облеклась;
Не быть ей долго в этом одеянье.
- 420 Ты, Ингборг, норна добрая моя:
Высокому нас учит дух высокий.
Необходимость не могла б найти
Прекрасней провозвестницы, чем ты,
С устами алыми младая вала!
- 425 Да, пред необходимостью склоняюсь,
Расстанусь я с тобой, но не с надеждой;
По западным волнам помчусь я с нею,
До врат могилы с нею буду я.
Сюда я с первым днем весны вернусь,—
- 430 Меня, надеюсь, Хельге вновь увидит;
Исполню свой обет, его велье,
За преступленье мнимое дам выкуп,—
Тогда просить, нет, требовать тебя
На тинге буду среди щитов блестящих,
- 435 И не у Хельге,—у норманнов всех;
Дочь конунга, народ—твой попечитель!
Найду ответ тому, кто мне откажет.
Прощай дотоль, не забывай и будь
Верна; как память детства и любви
- 440 Прими мое запястье: Волунд сам
Все чудеса небес здесь врезал в злато,—
Но чудо высшее есть верность сердца.
Как белая рука в кольце прекрасна—
Лилей стебель, светляком обвитый!
- 445 Прости, невеста, милая, прости,
Чрез краткий срок все по-иному будет.

(Уходит.)

Ингеборг

- Как весел, дерзок, как надежды полн!
Он гордо держит острие меча
Пред грудью норны, говоря: уступишь!
450 Нет, бедный Фритьоф, норна не уступит,—
Идет, над Ангурваделем смеясь.
Как брата мрачного ты мало знаешь!
Героя дух открытый твой постичь
Не может тьмы и ненависти вечной,
455 Пылающей в завистливой груди.
Тебе сестру он не отдаст; скорей
Отдаст венец, скорее жизнь, а мною
Пожертвует он Одину седому
Иль Рингу старому, с кем бой ведет.
- 460 Надежды нет, куда ни кину взгляд,
Но рада я: ты не расстался с нею.
Свою печаль одна снести сумею,
Тебя ж благие боги пусть хранят!
В узоре твоего кольца златого
465 Я каждый месяц скорби счесть могу;
Вот два, четыре, шесть—и здесь ты снова,
Но Ингборг не найдешь на берегу.

ПЕСНЬ 9

Плач Ингеборг

Осень грозна,
Бурную грудь поднимает волна.
Ах, но отрадно у моря
Быть на просторе!

5 Видела я
Парус, летевший в чужие края.
Ах, не тоскует ветрило—
Фритъоф с ним милый.

Вал голубой,
10 Так не бушуй!—они мчатся стрелой.
Звезды, пловцу посветите,
Путь укажите!

С вешним теплом
Он возвратится, но в доле родном
15 Вновь уж не встретит подруга
Милого друга:

Холод в крови,
Лик побледнел,—умерла от любви,
Иль из-за братьев суровых
20 Плачет в оковах.

Нежно любим
Будешь ты, сокол, оставленный им
Будешь, охотник крылатый,
Жить у меня ты.

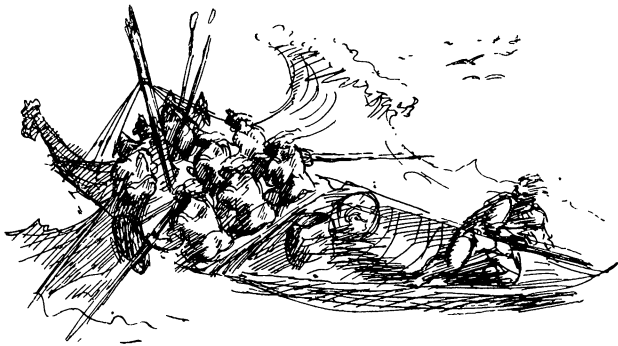
25 С лапкой златой
Вышью тебя у него над рукой,
И серебра в изобилье
Дам я на крылья.

Фрею несли
30 Сокола крылья вокруг земли;
Север и юг облетала,
Ода искала.

В крыльях твоих
Пользы мне нет,—не летать мне на пих!
35 Даст только смерть мне отныне
Крылья богини.

Сокол, сиди
Здесь на плече ты и в море гляди!
Ах, не вернется! Тоскуя,
40 Тщетно гляжу я.

Мертвой лежать
Буду, когда приплывет он опять,—
Ты же приветствуй у моря
Фритьофа в горе!

ПЕСНЬ 10

Фритьоф на море

Вот на берег морской
Конунг Хельге ступил,
Омрачен душой,
Цел и троллей молил.

- 5 Видишь, меркнут неба своды,
В пустоте гуляет гром,
И вскипают в недрах воды,
Море пенится кругом.

Вспышки молний окаймляют
10 Тучи кровью здесь и там,
Птицы с моря улетают,
С криком мчатся к берегам.

„Ветер крешет, братья!
Взмахи крыльев бури
15 Слышу издалека,—
Но не дрогнем мы.
Будь покойна в роше,
Обо мне тоскуя,
И в слезах прекрасна,
20 Ингеборг моя!“

И плывут по волнам
Двое троллей на бой;
Это—вьюжный Хам,
Это—Хейд снеговой.

25 Буря крылья расправляет,
То в пучине топит их,
То, свирепая, взвивает
До жилищ богов благих.
И из пенистой могилы,
30 Из бездонной глубины
Ужаса всплывают силы,
Скачут на хребте волны.

„В тихом свете лунном
По зеркальной глади
35 К бальдеровой роше
Легче был наш путь!
И теплее было
Там, у сердца Ингеборг,
Грудь ее вздымалась
40 Пенных волн белей“.

Остров Солунд встал
Из-за белых гребней,
Там стихает вал,—
В гавань правь скорей!

45 Но не знает страха викинг
На дубовом корабле,
Рад разгулу ветров диких,
Сам стоит он на руле.
Он острее волны режет,
50 Крепче ставит парус свой,
Прямо путь на запад держит,—
Все на запад, за волной!

„Весело сразиться
Мне с могучей бурей,
55 Вместе с бурей в море
Властвует норманн.
Стыдно стало б Ингборг
За орла морского,
Если б, крылья свесив,
60 Полетел к земле!“

Все растут валы,
Глубже бездны пасть,
И трещат стволы,
Застонала снасть.

65 Но хоть грозными грядями
Борт Элиды бьет волна,
Ей, построенной богами,
Злоба моря не страшна.
Радостно, звездой падучей,
70 Путь она свершает свой,
Через пропасти и кручи
Скачет горною козой.

„Лучше было в храме
Целовать невесту,
75 Чем соленой пены
Брызги здесь вкушать.
Лучше было девы
Стан держать в объятьях,
80 Чем стоять, сжимая
Кормчее весло“.

Снег из туч валит,
Небо стужу шлет,
Град стучит о щит,
По настилу бьет.

85 И корабль окутан мглою,
Меж стволами ночь царит,
Как под сводами покоя,
Где во мраке мертвый спит.
Море бурное мятежно,
90 Колдовством разъярено,
И могилую безбрежной
Разверзается оно.

„Синие перины
Ран для нас готовит,
95 Но перины, Ингборг,
Ждут меня твои!
На Эллиде весла
У гребцов надежных,
Киль богами срублен,
100 Он не выдаст нас!“

Вот набег свершил
На борг вал седой,
Корабля настил
Заблестел водой.

105 И запыстье золотое
Фритьоф снять с руки спешит:
Беле дар, кольцо литое,
Солнцем утренним горит.
И на части разрубает
110 Карликов изделие он,
Никого не забывает,
Каждый щедро оделен.

„Золото нам нужно,
Свататься мы едем;
115 Да никто не вступит
К синей Ран ни с чем!
Поцелуи стынут,
Ран неудовима,
Но морскую деву
120 Золотом возьмем“.

—
Полон новых сил,
Шторм свирец, ревет,—
С мачты рею сбил,
Разрывает шкот.

125 Осажден корабль, и вскоре
Волны погребут его.
Люди черпают, но моря
Им не вычерпать всего.
Видит Фритьоф,—меж пловцами
130 Смерть на палубе гостит.
Все ж над бурей и валами
Слово властное звучит:

„Бьёрн! Схвати покрепче
Руль медвежьей лапой!
135 Вáлхала погоды
Не пошлет такой.

- Колдовство я чую:
Верно, пел над морем
Заклинанья Хельге:
140 С мачты я взгляну!“
- И кунницей легко
Он на мачту взлетел,
Там сидел высоко,
Вниз на море глядел.
- 145 Посмотри, в волнах огромный,
Словно остров, кит плывет.
Троллей злых над бездной темной
Пред Эллидой он несет.
Хейд осыпан весь снегами,
150 В белой шубе, как медведь,
Хам с простертыми крылами,
Как орел,—готов взлететь.
- „Покажи, Элида,
Что в груди дубовой,
155 Крепкой, как железо,
Дух неустрашим!
Слушай, что скажу я:
Если дочь богов ты,—
В колдовского зверя
160 Медный киль вонзи!“
- И Эллиде клик
Боевой знаком,—
Налетела вмиг
На кита прыжком.
- 165 Вот, дымясь, зияет рана,
К тучам кровь струею бьет;
В ил глубокий океана
Погружаясь, зверь ревет.

- Разом два копыя взлетают,—
170 Меткая рука смела,—
В бок медведя поражают,
В сердце—черного орла.
- „Верно бьешь, Эллида!
Ил в крови, и мнится,
175 Вынырнет не скоро
Конунга корабль.
Хейд и Хам над морем
Уж не властны боле:
Горько им вгрызаться
180 В голубую сталь!“
- Сразу прочь летит
Буря с синих вод,
Плавно зыбь бежит,
К островам несет.
- 185 Солнце небо озаряет,—
Словно конунг в зал вошел,—
Радует и оживляет
И корабль, и холм, и дол.
И венчает луч прощальный
190 Темный лес, вершины скал;
Эфьесунда берег дальний
Каждый с корабля узнал.
- „Ингеборг моленья,
Трепетные девы,
195 На колени пали
Во дворце богов.
Синих глаз слезою,
Вздохом нежной груди
Тронули вы асов.
200 Благодарность вам!“

Но Эллиде кит
Дно пробил,—она
Лишь едва скользит,
Вся воды полна.

205 И на ней устали люди,
Долгий путь их изнурил:
На мечи склонили груди
И стоят бойцы без сил.
Вот с могучих плеч снимает
210 Бьёрн на берег четверых,
На песок к огню сажает
Фриттьоф разом восьмерых.

„Побледнеть не стыдно!
Вал—могучий викинг;
215 С девами морскими
Биться не легко.
С ножкой золотою
Рог идет, и медом
Тело он согреет.
220 Пьем за Ингеборг!“

ПЕСНЬ 11

Фритьоф у Ангантира

Пора поведать ныне
О том, как Ангантир
Давал своей дружине
В сосновом зале пир.
5 Глядел, веселья полный,
На путь он голубой,—
Садилось солнце в волны,
Как лебедь золотой.

Снаружи Хальвар славный
10 В тот день на страже стал.
Он сторожил исправно,
Но мед не забывал.
Был у бойца седого
Обычай: выпьет мед,
15 Не вымолвит ни слова,
Лишь рог в окно сует.

Вот кинул в угол зала
Свой рог он и зашел:
„В волнах корабль усталый,
20 Тяжел пловцов удел.
Почти мертвы герои;
Вот парус у земли,
И великанов двое
Усталых понесли“.

И ярл в окно палаты
Взглянул на волны сам.
„С Элидою крылатой,
Я вижу, Фритьоф к нам.
И поступью, и ликом
30 То юный Торстенссон.
На Севере великом
Таков один лишь он“.

Тут черный Атле, брови
Нахмуривши, вскочил;
35 Свирепый жаждал крови,
Он грозный берсерк был.
„О Фритьофе давно я
Хочу проверить речь,
Что не бежит он боя
40 И укрошает меч“.

- Бойцов, готовых к брани,
Двенадцать встали с ним,
И каждый уж заране
Махал мечом своим.
- 45 Бегут с вождем суровым
На брег, где отдыхал
Дракон—и Фритьоф словом
Дружину укреплял.
- „В миг справился б с тобою!—
- 50 Так Атле стал вопить,—
Все ж выбор дам герою—
Бежать иль в бой вступить.
Но коль попросишь мира,—
Хоть я боец лихой,
- 55 В палаты Ангантира
Вступлю, как друг, с тобой“.
- „Устал я,—негодую,
Тут Фритьоф молвил, встав,—
Все ж мира не приму я,
- 60 Мечей не испытал“.
- Рукою смуглой сжата,
Блеснула сталь лучом,
И лента рун объята
На лезвии огнем.
- 65 Вот рубятся, свирепы,
Ударов сыплют град,—
Щиты разбиты в щепы,
Куски их врозь летят.
Бойцы же без укора
- 70 В кругу стоят. Жесток
Был Ангурвадель,—скоро
У Атле сбит клинок.

„Враг без меча, и мною
Не будет меч подъят.
75 Но хочешь—бой с тобою
Начнем на новый лад“.
И, бурные, столкнулись,
Как с валом вал, они,
И груди их сомкнулись
80 Под кольцами брони.

Так два медведя бьются
На круче снеговой,
Так два орла дерутся
Над гневною волной.
85 Гранит утеса мшистый
Едва бы устоял,
Легко бы дуб ветвистый
При меньшей хватке пал.

С чела их пот стекает,
90 И дышит грудь с трудом;
И камни прочь сшибают,
Кустарник мнут кругом.
И с трепетом исхода
Стальные мужи ждут:
95 Все Севера народы
О той борьбе поют.

С врагом своим надменным
Все ж Фритьоф совладал,
На грудь ступил коленом
100 И в гневе так сказал:
„Ты, с черной бородою!
Немедля б я твой век,—
Будь только меч со мною—
Клинком стальным пресек!“

105 „Ты без помехи ныне
Клинок свой можешь взять,—
Промолвил тот в гордыне:—
Останусь я лежать.
В Валхаллу чередою
110 Мы все должны вступить:
Сегодня—я, за мною
Ты—завтра, может быть“.

И Фритьоф меч высоко
Занес тогда над ним:
115 Конец игре жестокой,—
Но Атле недвижим.
И гневный дух смягчился,
Герой удар прервал,
Он к павшему склонился:
120 Ему он руку дал.

Тут Хальвар в нетерпенье
Жезлом своим потряс:
„Веселый пир в забвенье
Не будет из-за вас!
125 Над серебром сосуда
Давно уж пар стоит,
Напрасно стыннут блюда,
И жажда нас томит“.

Вражда их миновала,
130 Вступили вместе в зал,
И нового не мало
Там Фритьоф увидал.
Не доски там простые
Нагой стены покров,
135 Но кожи золотые
С узором из цветов.

Огонь не мечет света,
Пылая на полу,
Но мрамором одетый
140 Камин стоит в углу.
Не реет дым клубами
Под черным потолком,
Там двери все с замками
И окна со стеклом.

145 Там на пиру у храбрых
Лучины не трещат,
Но свечи в канделябрах
Серебряных горят.
Олень, листвою увитый,
150 Зажарен целиком,
Из золота копыто
Вздыхает над столом.

Там дева за могучей
Спиной бойца стоит,
155 Так из-за грозной тучи
Звезда в ночи глядит.
И темны кудри юной,
И светел ясный взгляд,
И розой, ввитой в руну,
160 Уста ее горят.

Высоко средь палаты
Па троне ярл сидит:
Броня его из злата,
Как солнце, шлем блестит.
165 Звездами плащ сияет,
И белый горностаи
Богато украшает
Его багряный край.

И гостю встав навстречу,
170 Три шага ярл ступил
И руку подад с речью:
„Садись же! Ты мне мил.
Здесь с Торстеном я вместе
Рог выпил не один;
175 Сидеть достоин чести
Не дальше славный сын“.

Он поднял кубок полный,—
Сицилии вино
Запенилось, как волны,
180 Огнем горит оно.
„Рад Торстена я сына
Принять в краю моем;
Я сам и вся дружина—
Мы память друга пьем“.

185 Морвены скальд суровый
По струнам арфы бьет
И о героях слово
На вельский лад поет.
Но пел, как пели деды,
190 О Торстене другой—
И одержал победу
Порвежский скальд седой.

Ярл гостя вопрошает
О Севере родном,
195 И Фритьоф отвечает
Ему на все с умом.
В речах никто напрасно
Им не был осужден,
Как Сага беспристрастный,
200 Судил спокойно он.

Что видел на глубинах,
Он рассказал потом,
О троллях-исполинах,
Поверженных копьём,—
205 И весел ярл державный,
И радость вокруг стола,
Гремит победе славной
Воителей хвала.

Когда ж он повествует
210 Об Ингеборг своей,
Как нежная тоскует,
Грустит в тиши ночей,
Тогда пылают щеки
У девы не одной,
215 И слышен вздох глубокий—
Так близок ей герой!

Вот Хельге порученьем
Рассказ он заключил,
И слушал ярл с терпеньем,
220 Пока он говорил.
„Мы дани не платили,
Я не был подчинен;
Всегда мы Беле чтили,
Но не его закон.

225 Сынов его не знаю;
Коль взять желают дань,
Как мужам предлагаю
Затянуть с нами брань!
Готовы будем к бою,—
230 Но Торстен друг мне был“.
И дочь свою рукою,
Сказавши, поманил.

Она, побег лилей,
Встает с скамьи златой;
235 Найдется ль грудь круглее
И тоньше стан прямой!
И Астрильд шаловливый
Таится в ямках щек,
Как мотылек игривый,
240 Укрывшийся в цветок.

Вот выпорхнула в двери,
Кошель несет она:
Там в роще бродят звери;
Из серебра луна
245 Над морем с парусами
Горит на кошельке;
С золотыми он кистями,
С рубинами в замке.

И с кошемем богатым
250 К отцу она идет,
И чужеземным златом
Его наполнил тот.
„Прими же дар привета,
Что хочешь, делай с ним,
255 По обещай до лета
Здесь гостем быть моим.

Хоть мужество полезно,
Но бурь пора теперь,
И Хейд и Хам из бездны
260 Восстали вновь, поверь!
Прыжок свершит удачный
Элида не всегда,
Китов в пучине мрачной
Бесчисленны стада“.

265 Всю ночь смеются в зале,
До света пьют вино;
Не хмель в золотом бокале,—
Веселье лишь одно.
И ярл почтен бойцами
270 Заздравным кубком был;
Так Фритъоф за пирами
Там зиму проводил.

ПЕСНЬ 12

Возвращение Фритьофа

Синеет небо, дыша весной,
Оделась новой земля травой.
И гость простился с друзьями вскоре,
Он мчится вновь по равнине моря,
5 И черный лебедь в морскую грудь
Свой серебристый врезает путь,
И дщери моря вокруг кия плещут,
Одеждой синей на солнце блещут,
И ветер попутный, как соловей,
10 Поет весною среди снастей.—

Ты рад, пловец, повернуть ветрило
 От стран далеких к отчизне милой,
 Где дым клубится над очагом
 И память детства жива во всем,
 15 Ручьи, как прежде, журчат на склонах,
 Отцы же дремлют в холмах зеленых,
 И дева смотрит с утеса в даль,
 И сердце верной томит печаль.—
 Шесть дней плывет он, с седьмой денницей
 20 Вдали, где неба и волн граница,
 Черта синеет; растет она,—
 Вот шхеры, остров,—земля видна.
 Его тот край, что растет из моря,
 Там лес в зеленом стоит уборе,
 25 Там слышен пенных порогов вал,
 Сверкают груди нагие скал.—
 Привет утесам, привет проливу,
 Вот роща бога, где он, счастливый,
 Минувшим летом так много раз
 30 Бывал у Ингборг в полночный час.
 „Что нет любимой? Ужель не знает,
 Как близко друга волна качает?
 Быть может, ею оставлен храм,
 Вернулась к братьям, на арфе там,
 35 Грустна, играет, свивает злато“.—
 Вдруг сокол с кровли взвился зубчатой;
 Взлетев высоко, спустился вмиг
 К плечу владельца,—как он привык.
 Махать крылами он не устанет,
 40 Его с плеча уж никто не сманит,
 Он желтым когтем плечо скребет,
 Пловцу покоя он не дает.
 Он к уху клюв свой кривой склоняет,
 Как будто что-то сказать желает,—

45 От Ингборг вести, быть может, то,
Но звук невнятный поймет ли кто?

Вот мимо мыса, шумя волною,
Элида скачет, как лань весною:

Вкруг кия плещет знакомый вал,
50 И бодро Фритьоф у штевня встал.
Вот трет глаза он, вот прилагает
К челу он руку, на брег взирает,—
Но как ни трет он глаза рукой,
Не виден Фрамнес его родной.

55 Огнища камни встают из пыли,
Костям подобны бойца в могиле.
Где дом стоял, там спаленный луг,
И ветер пепел метет вкруг.

Спешит на берег опустошенный
60 С Элиды Фритьоф; на двор сожженный,
На двор отцовский, угрюм, глядит.
Тут Бран косматый к нему бежит,
Тот пес, что верно служил герою,
С ним на медведя ходил порою.

65 То к господину он прыгнет вдруг,
То скачет, весел, носясь вкруг.
Вот мчится конь,—молока белее,
С ногами лани, с лебяжьей шеей,
Со золотом в гриве,—спешит на брег;

70 Знаком герою красавца бег!
Он ржет приветно, трясет он гривой,
И хлеба просит скакун ретивый.
Но бедный Фритьоф,—он их бедней,
Чем оделит он своих друзей?

75 На почве предков, среди развалин,
Без крова Фритьоф стоит, печален;

- И старый Хильдинг с главою седой
Идет к питомцу на брег пустой.
„Тому, что вижу, дивлюсь едва ли:
80 Орел умчался—гнездо сломали.
Вот мирный подвиг для короля!
Врагом быть людям, богов хваля—
Такую клятву хранит он свято,
Огонь и смерть—его эриксгата.
85 Моей печали мой гнев сильней;
По где же Ингборг, что случилось с ней?“
„От слов моих,—так старик ответил,—
Боюсь, что взор твой не станет светел.
Едва отплыл ты,—нам Ринг грозит,
90 С пятью щитами на каждый щит.
И в Дисардале был бой жестокий,
Зарделась кровью вода потока.
Смеялся Хальдан и все шутил,
Но и врагов он как муж разил.
95 Я щит пред юным держал героем,
Его доволен я первым боем.
Не долго тешились мы игрой:
Бежал наш Хельге—был кончен бой.
Когда бежал он, высокий родом,
100 Поджег твой Фрамнес он мимоходом.
Условье братьям такое шлют:
Пусть Рингу в жены сестру дадут,—
То будет выкуп за оскорбленье,—
Иль край с венцом он возьмет в отмщенье.
105 О мире весть понеслась с гонцом;
И Ринг невесту увез в свой дом“.

„О дева, дева!—сказал угрюмо
Тут Фритьоф.—Первой у Локе думой
Явилась ложь; и он лжи своей

- 110 Дал женский облик среди людей.
Ложь с ясным взором притворно плачет,
И нас чарует, и нас дурачит,
Ложь с пышной грудью, чей лик цветет,
Верна как ветер, как вешний лед.
- 115 В тщеславном сердце обман таится,
И вероломство в устах резвится.
И все ж, как сердцу она была
Всегда мила,—и теперь мила!
Дня, помню, в детстве не проходило,
- 120 Чтоб не играл я с подругой милой;
И каждый подвиг, в мечте моей,
Ее наградой имел своей.
Когда два дерева срастутся тесно,—
В одно ударит огонь небесный,
- 125 Другое вянет; одно с листвою,
Дает побеги и ствол другой.
Так с ней я радость делил и горе,
Не знал, что буду один я вскоре.
И вот один я. Ты, Вар, с резцом
- 130 Обходишь землю и на златом
Ты диске пишешь слова обета,—
Покончи с глупой забавой этой!
Ты ложь врезаешь в свой диск златой,
Поруган верный металл тобой.
- 135 О Нанне песню я вспоминаю,
Но правды в сердце людском не знаю.
И верность в людях ужель найдешь,
Коль в голос Ингборг проникла ложь—
Как арфа Браге тот голос чистый,
Как вешний ветер в траве душистой!
- 140 Как буду слушать я арфу вновь,
Забуду к лживой мою любовь.
Где буря пляшет, помчусь туда я,

- Кровь пить ты будешь, волна морская!
145 Везде, где жатва лишь есть мечу,—
В горах, в долинах,—там быть хочу.
Коль встречу я с королем средь боя,
Увидишь ты, пощажу ль его я!
Коль встречу в битве с младым бойцом,
150 Чья грудь любовью полна, с глупцом,
Что верит в верность и в слово чести,—
Его мечом уложу на месте,
Из состраданья, чтоб не был он,
Как я, поруган, в обман введен“.—
155 „Как кровь вскипает того, кто молод,—
Промолвил Хильдинг,—как часто холод
Ей снега нужен, что годы шлют;
О благородной неправ твой суд.
Упреки деве твои напрасны,
160 На порну сетуй, над чьим не властны
Мы жребьем гневным; из облаков,
Как гром, разит он земли сынов.
Никто не знал, как она страдала;
Как Видар в саге, она молчала.
165 Так в чаще леса, под сенью лип,
Грустит голубка, чей друг погиб.
Прекрасной сердце лишь мне открылось,
Печаль в глубинах его таилась.
Морскую птицу ты ранишь в грудь—
170 Она глубоко спешит нырнуть;—
Чтоб день не видел, как кровь струится,
На дно морское она ложится;—
Так скорбь сокрыла и дочь моя,
О горе сильной узнал лишь я.
175 „За край я жертва,—мне говорила
Она нередко,—цветы могилы
Кладут на жертву, венок сплетен

Для девы мира,—прекрасен он!
И смерть была бы пощадой деве,
180 Но выкуп нужен для бога в гневе:
Нескорой смертью пусть мучусь я,
Пусть кровь, волнуясь, течет моя,
Но слабой скрой ты от всех боренье,
Ничье не нужно мне сожаленье;
185 Дочь Беле в силах всю скорбь снести;
От Ингборг другу скажи „прости!“
Настал день свадьбы,—я б дал не мало,
Его чтоб руна с жезла пропала;—
Тут девы в белом вослед бойцам
190 Чредой неспешной тянулись в храм,
И пел печально певец придворный.
Как бледный призрак на туче черной,
Была невеста бледна лицом,
На черном сидя коне своем.
195 С седла я поднял мою лилею,
Под кров священный вступил я с нею;
Не дрогнул голос, когда она
Пред Лофн поклясться была должна;
Молилась долго она в печали
200 Пред белым богом, и все рыдали.
Вдруг Хельге в гневе кольцо твое,
Заметив, сдернул с руки ее;—
Теперь украшен им Бальдер белый.—
Не справясь с гневом, из ножен смело
205 Надежный вырвал я свой клинок,
Что конунг Хельге тут значить мог!
Но шепчет Ингборг: „Оставь, не надо!
Могла б от брата быть мне пощада,
Но бед избегнем лишь в смертный час,
210 Пусть судит строго Альфадер нас“.

Воскликнул Фритьоф: „Пусть судит строго!
И я хочу посудить немного.
Не солнца ль праздник теперь, отец?
Король поджогов, венчаный жрец,
215 Сестру продавший, ведь в храме бога:
Хочу и я посудить немного“.

ПЕСНЬ 13

Костер Бальдера

Солнце полночи над горой—
Круг кроваво-красный;
Ни свет дневной, ни мрак ночной,
Сумрак был неясный.

- 5 Образ солнца, костер зажжен
Бальдера бога в храме.
Хёдеру будет мир подчинен,
Едва угаснет пламя.

Кру́гом жрецы́ в седых волóсах,
10 Костер шевеля, стояли,
Бледные старцы в жестких руках
Пожи из кремня держали.

Рядом конунг в венце стоит,
Ему заботы много.
15 Чу! Оружье в ночи звенит
В жертвенной роще бога.

„Бьёрн, на страже стой у дверей!
Скрыться никто не сумеет.
Череп тому руби смелей,
20 Двинуться кто посмеет!“

Голос, бледнея, король узнал—
Бури осенней напевы.
Грозно Фритьоф пред ним восстал,
Дух его полон гнева.

25 „С волн закатных, послан тобой,
Дань привез я ныне.
Вот, возьми,—и смертный бой
Начнем мы перед святыней;

На спину щит, открыта грудь,
30 Ничто не помеха бою.
Первый твой удар, не забудь,
Конунг, второй за мною.

Что ты смотришь на дверь? В норе
Пойман лис премудрый,
35 Вспомни Фрамнес, о сестре
Вспомни золотокудрой!“

Так по праву сказал герой,
Кошель из-за пояса вынул,
Конунгу в гневе мощной рукой
40 В лоб его он кинул.

Хлынула кровь из уст ручьем,
Мрак в очах глубокий;
Пал недвижим пред алтарем
Асов родич высокий.

45 „Золота ты снести не умел,
Страны своей жалкий воин?
Ангурвадель для тех, кто смел;
Трус—меча недостоин.

Бледные лунных лучей князя,
50 Старцы,—не шевелиться!
Мог бы и вашей жизнью я
Дать клинку напиться.

Белый Бальдер, гнев умерь,
Взор твой мрачный не страшен.
55 Правду молвить, кольцом, поверь,
Краденым ты украшен.

Не для тебя оно рукой
Волунда сковано было.
Плакала дева—плутни долой!
60 Сила кольцо захватила!“

Тянет он дерзко; рука с кольцом,
Казалось, срослись; но смело
Фритьоф рванул—и в гневе лицом
В пламя падает Белый.

- 65 Зуб золотой взметнув, трещит
Огонь, на кровле блещет.
Бледен Бьёрн в дверях стоит,
Фритьоф смущенный трепещет.
- 70 „Стражи не нужно! Путь открыт!
Настежь двери в храме!
Лейте воду, храм горит,
Лейте все море на пламя!“

- Тотчас связаны берег и храм
Цепью рук сплетенных.
- 75 Быстро волны бегут по рукам,
На брусьях шипят опаленных.

- Фритьоф с балки, как бог дождя,
Потоки воды низвергает.
Всюду слышны слова вождя,
80 Он жаркую смерть презирает.

Тщетно! Огонь в борьбе превозмог,
Вихрем дым клубится,
Плаваются плиты, и на песок
Золото храма струится.

- 85 Гибнет все! Из огня взлетел
Красный петух, как пламя,
Сел на гребень крыши, запел,
Радостно бьет крылами.

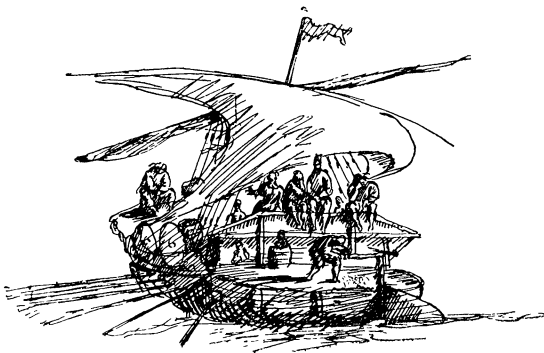
- Веет ветер перед зарей,
90 Огонь полыхает высоко.
Сухо в роще летней порой,
Голодное пламя жестоко.

Мчится огонь, свиреп и скор,
По веткам,—конца не знает.
95 Бальдера грозен, велик костер,
Диким светом сияет.

Слышишь треск могучих корней,
Видишь, пылает вершина!
Что ничтожная сила людей
100 Для Муспеля красного сына!

В роще море огня кипит,
Волны вздымает грядями.
Солнце встанет, но фьорд отразит
Лишь бездны страшное пламя.

105 В пепел скоро храм обращен,
Пепел—роща святая.
Фритьоф прочь идет омрачен,
Плачет, утро встречая.

ПЕСНЬ 14

Фритьоф уходит в изгнание

На корабле
Сидел во мгле
Он скорби полный.
В груди—как волны
5 То грусть, то гнев;
Среди дерев
Пожар дымился
И дым клубился.

10 „О дым, клубись,
Взвивайся ввысь
К Валхалле ясной;

Пусть бог прекрасный,
Услышав весть,
Готовит месть.
15 Поведай смело,
Чтоб все гремело,
Как храм пылал
И пеплом стал,
Как идол в храме
20 Свалился в пламя
И стал золой,
Как ствол лобой,
Как рощу бога,
Куда дорогу
25 Не ведал меч,
Посмел я сжечь,
И гнить святыня
Не будет ныне.
Спеши, взлетай,
30 Все передай,
Ты, вестник мгlistый,
Чтоб Бальдер чистый,
Туманный бог,
Все ведать мог.

35 И пусть великий
Воспет владыка,
Пусть он, кляня,
Изгнал меня,—
В края иные,
40 Где голубые
Валы бегут,
Не медля тут,
Элида, боле,

- Плыви по воле
45 Вслед за волной
На край земной.
Полна отваги
В соленой влаге
Качайся там.
- 50 Пусть по волнам
Кровь за тобою
Бежит струею.
Среди валов
Лишь ты мой кров;
55 Другой, о Белый,
Сжег внук твой смелый.
Ты—край родной,
Ты—Север мой;
Прочь из другого
- 60 Пльву я снова;
Ты мне жена,
Пусть грудь черна;
Забуть о белой
Судьба велела.—
- 65 О вольный вал,
Владык не знал
С причудой злою
Ты над собою!
Тот властелин
- 70 Морских пучин,
Чья кровь играет,
Когда вздымает
Грудь выше скал
Кипящий вал.
- 75 На синем поле
Герою воля.

Киль, словно плуг,
Идет вокруг.
Там дождь кровавый
80 Предвестник славы.
Там за кормой
Посев стальной,
И плод богатый,—
И честь, и золото—
85 Там снят с полей.
Так в путь смелей!
Зеленый гордо
Стоит у фьорда
Близ шумных волн
90 Отцовский холм.
А мой—лазурный,
Весь в пене бурной,
Сквозь океан,
В грозу, в туман,
95 Пусть вечно мчится,
Средь бурь клубится,
Меня влечет
В пучину вод.—
Мне море было
100 Отчизной милой,
Могилой будь,
Морская грудь!“

Так пел мятежный,
И киль надежный
105 От скал отплыл,
Как он, уныл.
Скользит он мерно
Средь шхер, что верно,

- 110 Проход стеснив,
Хранят залив.
Но месть готова:
Король суровый
Драконов строй
Ведет на бой.
- 115 И клик раздался:
„Он пасть собрался,
Дает он бой;
Здесь под луной
Снедает скука
- 120 Валхаллы внука,
И бога кровь
Стремится вновь
Уйти в чертоги,
Где блещут боги“.
- 125 И вот тогда
Врагов суда
Морская сила
За киль схватила.
И в океан
- 130 К коварной Ран
Их увлекает;
Едва всплывает,
Борясь с волной,
Сам Хельге злой.
- 135 А Бьёрн доволен,
Смеяться волен:
„Ты, кровь богов!
Рази врагов!
Игра забавна:
- 140 Я дно исправно

Средь ночи сам
Сверлил судам.
И Ран добычи,
Храня обычай,
145 Уж не вернет;
Но жаль: из вод
Король поднялся
И жив остался“.

Разгневан встал
150 Король меж скал,
Из волн спасенный,
И, разъяренный,
Напряг рукой
Свой лук стальной.
155 Он сталь все боле
Сгибал, доколе
Со звоном вдруг
Не лопнул лук.

А Фритьоф гордый
160 Копье сжал твердо:
„Здесь за крыла
Держу орла,
Взлетит жестокий,—
Ты, трус высокий,
165 Тогда падешь,
Сражен за ложь!
Но будь спокоен,
Презренный воин!
Живи: копье
170 Не пьет мое
Кровь негодяя!
Сталь боевая

Моя чертит
Могил гранит,—
175 Не столб позора,
Где имя вора.—
Честь короля
На дне. Земля
О ней слыхала,
180 О конунг, мало.
Ржа сломит сталь,
Не ты; я вдаль
К высокой цели
Стремлюсь; ужели,
185 Король, с твоей,
Сравниться ей!“

Тогда, суровый,
Он ствол сосновый
Весла берет
190 И прочь гребет.
Гребет он с силой:
Как стебель хилый,
Как хрупкий меч
Средь грозных сеч,
195 Весло сломилось
И расщепилось.

Круг солнца встал
Пад высью скал,
Гора алеет,
200 И ветер веет
С земли; волна,
Озарена,
В лучах струится,
Элида мчится

205 По гребням вод,
Пловец поет:

„Ты, Север гордый,
Героев мать!
На бреге фьорда

210 Мне не стоять.
Чело Вселенной,
Могучий край,
Приют блаженный,
Прощай, прощай!

215 Прощай, Валхаллы
Престол златой,
Ты, солнце,—алый
Зрачок ночной!
На тверди чистой,

220 Звезда, сверкай,
Ты, свод лучистый,
Прощай, прощай!

Прощайте, кручи
Родимых скал,

225 Вас Тор могучий
Для рун избрал.
Ты, шхер опасных
Любимый край
В озерах ясных,

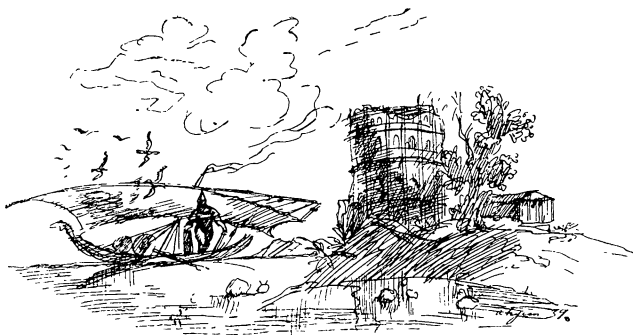
230 Прощай, прощай!

Прощай, у фьорда
Отцов приют;
Над славой гордой
Там Саги суд.

235 Ты, липа, снегом
Холм осыпай,
Цветя над бременем,
Прощай, прощай!

240 Прощай, о чаша,
Зеленый кров,
Напев журчащий
Лесных ручьев,
О том, что было,
Ты вспоминай,
245 Друг детства милый,
Прощай, прощай!

Любовь разбита,
И выжжен двор,
Гоним, плыви ты
250 В морской простор.
Презрен в отчизне,
В морях играй,
Но радость жизни,
Прощай, прощай!“

ПЕСНЬ 15

Устав викинга

Он скитался кругом по пустынным
 морям,—
вольный сокол не знает застав,—
И бойцам на борту он законы писал—
хочешь викинга слышать устав?

„Жить не должно в шатрах, спать не
 должно в доме:
за дверьми лишь врагов мы найдем.
Викинг спит на щите, и в руке его—меч,
небо синее служит шатром.

- 5 Молот Тора могуч—рукоять коротка,
и лишь в локоть у Фрея клинок;
Меч не нужен длинней; есть отвага в груди,
от врага ты не будешь далек.
- Если шторм налетит, паруса поднимай,
веселись над кипящей волной;
Пусть играет гроза: парус спустит лишь
трус,—
лучше гибель в пучине морской.
- Дева радость дает, но на борт не веди;
даже Фрея обманет любя.
- 10 Ямки девичьих щек всех опаснее рвов;
локон вьющийся—сеть для тебя.
- Пьет Вальфадер вино, сладок хмель
и тебе,—
но не будь безрассудно ты пьян:
Упадешь на земле, тотчас встанешь,
а здесь—
упадешь к усыпляющей Ран.
- Проплывет ли купец, охраняй его путь,—
взять со слабого дани не жаль.
- Ты король на волнах; он же прибыл раб,
стоит золота верная сталь.
- 15 На настиле товар жеребьевкой дели,
не завидуй в судьбе никому.
- Сам же конунг морской не бросает костей:
честь победы на долю ему.
- Горячо под щитом, когда с викингом в бой
мы сцепляемся, к краю наш край.
Коль отступишь на шаг—уйди навсегда,
вот закон, а затем выбирай!

Кровь не лей победив: кто, утратя клинок,
молит мира,—не враг он тебе.
20 Дочь Валхаллы мольба, и презрениен боец,
не внимающий робкой мольбе.

Раны викингу честь, украшенья бойцу,
коль на гордом челе иль груди:
Пусть течет из них кровь, если хочешь
быть наш—
через сутки повязку клади“.

Так чертил он закон, и росла с каждым
днем
его слава в далеком краю;
На волнах голубых ему равного нет,
и дружина ликует в бою.
25 По он мрачно сидел одинок у руля
и смотрел на играющий вал:
„Мир, быть может, живет в голубой глу-
бине,
на волнах я его не встречал.

Если Белый разгневан, пусть меч он
юзьмет
и, суровый, меня поразит.
Но он с неба мне думы тяжелые шлет,
неустанно мне душу томит“.

Но орлом отдохнувшим взлетает могуч
его дух, когда близится бой.
30 С просветлевшим челом, как сверкающий
Тор,
он дружину ведет за собой.

Так он плыл по могиле из пенистых волн
от победы к победам иным—

И до южного моря, до греческих шхер
он доплыл, среди волн невредим.

И когда он увидел кругом острова,
зелень рощ и разрушенный храм,
Что он думал, понятно, о вы, кто любил,
только Фрее, и скальду, и вам!

35 „Здесь мы жили бы с ней; по рассказам
отца
южных рощ мне знакома страна.

К этим шхерам, сюда, я любимую звал,—
не покинула Север она.

Память прошлого скрыта меж белых колонн,
мир и радость в долинах живут,
И как шопот влюбленных журчанье ручьев,
песню брачную птицы поют.

Где жестокая ныне? Забыла ль меня
для увядших седин короля?

40 Я забыть не могу. Чтоб увидеть ее,
жизнь ненужную отдал бы я.

Я три года не видел родимой страны—
королевского зала бойцов.

В небо высятся ль скалы попрежнему там,
есть ли зелень в долине отцов?

И жива ль еще липа, что я посадил
на холм, где отец мой лежит?

Дай ей соков, земля, дай ей, небо, росы!
Ныне нежную кто охранит?

45 Что же медлю я доле на чуждых волнах,
дань беру, убиваю людей?
Жалкий золота блеск презирает мой дух;
а славы—нет равной моей.

Флаг на мачте на Север назад устремлен,
там любимую вижу страну;
Я по воле небесных ветров поплыву,
я на Север мой руль поверну“.

ПЕСНЬ 16

Фритьоф и Бьёрн

Ф р и т ь о ф

Бьёрн! Мне наскучил мятежный вал;
Море и волны покоя не знают.
С силой чудесной мой дух привлекают
Выси любимые северных скал.
5 Счастлив, кто в мире с родною страню,
Кто не в разлуке с курганом отцов!
Долго я, долго не ведал покою,
Мира лишенный, средь бурных валов,

Б ь ё р н

- Море прекрасно, упрек незаслужен:
10 В море свобода и радость живут,
Весело вместе с волной бегут,—
Вольному жалкий покой не нужен.
Старым я стану,—тогда прирасту
Крепко к земле я, как травка лесная,
15 Ныне ж рубиться и пить на борту
Буду, заботы и горя не зная.

Ф р и т ь о ф

- В бухту глухую мы загнаны льдом,
Мертвые волны вокруг кили ложатся.
На зиму здесь не хочу я остаться,—
20 Берег пустынен, лишь камни кругом.
С Севером вместе отпраздную Зиму,
Ринга и милую я посетю;
Раз еще видеть кудри любимой,
Голос похищенной слышать хочу.

Б ь ё р н

- 25 Понял тебя я: конунг увидит,—
Викинга месть никого не щадит;
Двор подожжем мы, старик сгорит,
Фритьоф прекрасную в полночь похитит.
Иль короля поединком с собой
30 Викинг, быть может, почтить намерен;
Или на льду ты назначишь бой,—
Как ни решишь ты, во мне будь уверен.

Ф р и т ь о ф

- Не говори об огне и войне;
К конунгу ныне иду я без гнева:
35 Он без вины, без вины королева,—
Грозные боги отмстили мне.
Нет на земле у меня надежды;
С той, что мила мне, я только прошусь
Ныне навеки; и вешней одежды
40 Лес не наденет,—я к вам вернусь.

Б ь ё р н

- Фриттьоф! На глупость твою негодую:
Стоит ли женщина грусти твоей!
Мир ими полон, к досаде моей.
Тысячью новых заменишь любовью.
45 Хочешь, чтоб целый корабль привез
Этого груза я с жаркого Юга?—
Тише овечек, румянее роз!
Мы в дележе не обидим друг друга.

Ф р и т ь о ф

- Бьёрн, ты, как Фрей, безмятежен всегда:
50 Храбрый в бою, помогаешь советом,
Тора и Одина верен заветам,—
Нежная Фрея тебе чужда.
Спорить о власти богов безрассудно;
Гнева богини, шутя, не буди!
55 Дремлющей искре проснуться не трудно
Рано иль поздно во всякой груди.

Бьёрн

В путь ты не должен один пускаться.

Фритьоф

Но не один я,—мой меч со мной.

Бьёрн

Помнишь, повешен был Хагбарт молодой?

Фритьоф

60 Петли достоин, кто может сдаться.

Бьёрн

Брат, коль падешь, и врагу не уйти:
Врежу убийце орла я в отмщенье.

Фритьоф

Незачем, Бьёрн! Петушиного пенья
Он без меня не услышит. Прости!

ПЕСНЬ 17

Фритьоф приходит к королю Рингу

Справляя Зиму, весел король на пир глядит,
Румяная, как роза, супруга с ним сидит.
Казалось—рядом осень и свежая весна,
Он—осенью увядшей, весной была она.

- 5 Но вот в палаты Ринга старик чужой
вступил,
И с ног до головы он закутан в шкуру был.
И сгорбившись вошел он, держа в руке
клюку,
Однакож уступали все ростом старику.

Он сел внизу у двери, потупив молча
взгляд,
10 Как прежде, так и ныне, там бедные сидят.
И тотчас шум поднялся, хохочут все кругом
На гостя указуют косматого перстом.

Сверкнул очами грозно тогда старик чужой,
И дерзкого юнца он схватил одной рукой.
15 Кружить его он начал, не делая вреда,
Притихли все; мы тоже умолкли бы тогда.

„Кто смел затеять ссору за пиршеством
моим?
Поди сюда ты, старый, давай поговорим.
Как звать тебя? И кто ты? Сюда пришел
отколь?“
20 Так молвил гневно старцу смиренному ко-
роль.

„Спросил ты много, конунг, но дам ответ
тебе.
Я имени не выдам, храню его себе.
В Раскаяньи я вскормлен, мой отчий дом—
Нужда,
Расставшись с Волком, ныне я путь держал
сюда.

25 Во дни былые верный носил меня дракон,
Летал, веселья полон, на крыльях мощ-
ных он.
Лежит, замерзнув, ныне без сил он на
снегу,
Я старым стал, и соль я варю на берегу.

Твою увидеть мудрость я шел в твой край,
30 Насмешками был встречен,—для них не со-
здан я;
Кружить я начал дурня и в воздухе трясти,
Но цел и невредим он: меня, король,
прости“.

„Не плохо,—молвил конунг,—ты речь свою
повел,
Я старых почитаю: садись со мной за стол.
35 Нам радость здесь любезна—пусть твой на-
ряд спадет:
В чужом обличье радость привольно не
цветет“.

И вот с главы прищельда медвежий мех
упал,
Не старец пред гостями, но юноша стоял.
К плечам его могучим с высокого чела
40 Волна кудрей спадала, как золото, светла.

Окутан темносиним он бархатным плащом,
Был пояс со зверями серебряный на нем.
Чеканил мастер славный зверей в былые
дни,
Вкруг стана чужеземца игру вели они.

45 Златым была запястьем украшена рука,
И молнией застывшей казалась сталь
клинка.
Герой стоял средь зала, подняв спокойный
взор,
Как Бальдер, был прекрасен, могуч, как
Аса-Тор.

Король со смехом молвил: „Хоть дерзок
твой язык,
70 Но речь вольна в чертогах у Северных
владык.
Пришельцу, королева, полнее рог налей.
Надеюсь, прогостит он у нас до вешних
дней“.

И тотчас королева глубокий рог берет,
Со лба у зубра сломан был рог бесценный
тот,
75 Отделан серебром он и золотом обвит,
Картинами бывшего и рунами покрыт.

Потуив очи, гостю подносит рог она,
Дрожит рука, и капли бегут по ней виша.
И, темные, на белой руке горят они—
80 На лилиях так блещут закатные огни.

И рог у благородной принять пришелец
рад;
Из нынешних и двое его не осушат;
Но, теща королеву, не напрягая сил,
Его единым духом могучий осушил.

85 И скальд под звуки арфы стал песни петь
свои
О Хагбарте и Сигне, о Северной любви;
Глубок и нежен голос седого был певца,
И под броней смягчались суровые сердца.

О Вáлхале запел он, награде для бойцов,
90 О подвигах бесстрашных прославленных
отцов.

И все за меч хватались, и взор сверкал
огнем,
Кругом гулял усердней глубокий рог с
вином.

И крепко пили в зале, и Зимний пир
шумел,

И скоро хмель великий бойцами овладел.
95 Затем легли беспечно все гости на покой,
И с Ингеборг прекрасной уснул король
седой.

ПЕСНЬ 18

Поездка по льду

На пиршество конунг с супругой спешит,
На море зеркальный лед блестит.

Сказал чужеземец: „Непрочен лед,
Король, берегись холодных вод“.

⁵ „Не мне,—молвил Ринг,—тонуть подо льдом,
Тот, кто боится, пусть едет кругом“.

С угрозою мрачной гость взглянул,
К ноге он быстро конек пристегнул.

Вот конь рванулся, могуч и рад,
10 И брызги огня из ноздрей летят.

Король воскликнул: „Мой конь, вперед,
Не Слейшера ль кровь в тебе течет!“

И вот—словно буря идет по морям.
Старик не внемлет супруги мольбам.

15 Но мчится и гость быстрее и быстрее,
Легко он скользит вокруг саней.

И чертит руны конька острее,
Ингеборг едет чрез имя свое.

Спешат они гладкой дорогой вперед,
20 Внизу же коварно их Ран стережет.

Она пробивает покров изо льда,
И плещет вокруг саней вода.

Ланиты Ингеборг снега белей,
Но мчится, как вихрь, чужеземец к ней.

25 Он в лед вонзает конек стальной,
Хватает коня за гриву рукой.

И взмахом легким—одним скачком—
На лед поднимает сани с конем.

30 „Я хватке мощной хвалу воздам,
Не сделал бы лучше и Фритьоф сам“.

Тогда повернули к усадьбе своей,
Там жил чужеземец до вешних дней.

ПЕСНЬ 19

Искушение Фритьофа

Солнце светит, в роше зелень, в небе
вешнем птичий гам,
И поток свободный с песнью к морю
мчится по камням.
Рдея, как ланиты Фрей, почка розы
расцвела,
В сердце вновь проснулась радость и
надежда ожила.

5 Старый конунг с королевой на охоту едет
в бор,
И толпится, собираясь, в пестром блеске
пышный двор.
Кони землю бьют копытом, лук звенит,
колчан гремит,
В колпачке узорном сокол хищно рвется и
кричит.

На коне молочно-белом—бедный Фритьоф,
не гляди!—
10 Как звезда на вешнем небе, королева
впереди.
То ли Фрея, то ли Рота, но прекрасней
их двоих,
На кудрях убор пурпурный в перьях
темноглубых.

Не любуйся златокудрой, не гляди в
лазурь очей!
Берегись, нет гибче стана, где найдется
грудь пышней!
15 Роз и лилий на ланитах не любуйся ты
игрой
И не слушай милый голос, что поет, как
ветр весной.

В сборе все. Вперед! Охота вольный бег
среди гор стремится,
Рог трубит, и взвился сокол, к залам Одина
летит.
В страхе жители лесные ищут логово свое,
20 Но Валькирия несется по следам, подняв
копье.

Старый конунг не догонит быстро скачущих
ловцов,
Только Фритьоф едет рядом и безмолвен,
и суров.
Думой мрачной и унылой непрестанно
угнетен,
И измученного сердца слышит жалобный
он стон.

25 „О, зачем себе на горе я покинул вал
морской,
В море скорбь недолговечна, ветер умчит
ее с собой.
Грустен викинг—бой нагрянул, буйной
пляской захватил,
Мысли мрачные исчезли, блеск мечей их
ослепил.

Здесь не то; брожу уныло, как во сне я,
глядя вдаль,
30 Вкруг чела крылами плещет несказанная
печаль.
Не могу забыть обета—в мирной роще
страстных слов—
Ею не был он нарушен,—волей злобною
богов.

Род людской им ненавистен, с гневом видят
счастья дни,
И на грудь зимы суровой розу бросили
они.
35 Что, зиме цветок прекрасный? Прелесть
розы не поймет,
Лишь холодное дыханье одеваает почку,
в лед“.

- Фритьоф слышит: чу! Запела птица белая
с ветвей:
„Видит Один нас повсюду, где не видит
взор ничей;
55 Трус, ты сон убить задумал? Старца слабого
сразить?
Все добудешь, только славы не сумеешь
ты добыть“.
- Так поют они; и Фритьоф вынул меч свой
боевой,
Бросил в ужасе далеко в дикий лес,
объятый тьмой.
Птица черная, как уголь, в Наstrandной
полет стремит.
60 И, звеня, как арфа, к солнцу белоснежная
летит.
- Тотчас конунг пробудился. „Я забылся
славным сном,
Сладко спится, если храбрый охраняет сон
мечом.
Но скажи, пришелец, где он? молний брат,
где твой клинок?
Кто доселе неразлучных разлучить друг
с другом мог?“
- 65 „Нужды нет,—ответил Фритьоф.—Много
есть других клинков;
Злобно, конунг, жало стали и не знает
мирных слов.
Мрачных духов Нифельхема обиталище
она,
Сон вблизи от них неверен, дразнит духов
седина“.

„Знай, о юноша, не спал я, испытаньем
был мой сон,
70 Мудрый—свой клинок проверит, и
проверит друга он,
Фритьоф ты, тебя узнал я, на порог лишь
ты ступил,
Старый Ринг давно проведal то, что
мудрый гость таил.

Имя скрыв, лицо закутав, ты зачем пришел
как тать?
Не невесту ли задумал ты у старого
отнять?
75 Честь, о Фритьоф, меж гостями
безыменной не сидит,
Светел щит ее, как солнце, смелый лик
ее открыт.

Некий Фритьоф мне известен—ужас
смертных и богов,—
Щит разбить и храм поджечь он с равной
дерзостью готов.
Думал я, ко мне придет он, щит подъявля
боевой.
80 Он пришел—закутан в ветошь, с жалкой
нищенской клюкой.

Почему ты взор потупил? Разве старым
был я век?
Жизнь—сраженье с колыбели, юность—
берсерка набег.
Должно сжать ее щитами, чтоб иссякло
буйство сил;
Испытав, тебя простил я, пожалел я и
забыл.

Видишь, дряхлым стал я. Скоро в холм
могильный скроюсь я,
Край возьми и королеву ты тогда, она
твоя.
Сыном будь моим доголе; меч утративший
боец
Будет верной мне защитой,—и былой
вражде конец“.

- „Нет,—ответил Фритьоф мрачно.—Я не
шел к тебе как тать,
90 Взять хотел бы королеву, кто бы мог мне
помешать?
Но лишь раз мою невесту вновь увидеть
я желал.
О глупец! Полупотухший пламень снова
запылал.
Слишком долго гостем, конунг, я в дому
твоём живу!
Гнев богов непримиренных тяготит мою
голову.
95 Кроток Бальдер светлокудрый, каждый
смертный им любим,—
Я лишь богу ненавистен, я один отвержен
им!
Да, я сжег его святыню. Волком храма
наречен,
Слыша имя, плачут дети, пир веселый
омрачен.
И отвержен сын погибший гневной родиной
своей,
100 Мира нет в краю родимом, мира нет в
груди моей.

На земле зеленой больше Фритьоф мира
 не найдет,
 Под ногой пылает почва, роща тени не
 дает.
 Ингборг я мою утратил, старый Ринг ее
 супруг,
 И погасло солнце жизни, беспросветный
 мрак вокруг.

105 Что ж! К волнам родимым снова! В путь,
 дракон мой, в даль стремись!
 Вновь, ликуя, в вал соленый черной грудью
 окунись;
 Разрежь с шипеньем волны, крылья к
 тучам взвей! Вперед!
 Звезды путь тебе укажут, вал покорный
 понесет!

Буду слушать голос грома, буду слушать
 бури вой,
 110 И когда кругом грохочет, в сердце
 Фритьофа покой.
 Ливень стрел, щитов бряцанье! В битве
 радостно паду,
 И к богам я примиренным светел духом
 отойду“.

ПЕСНЬ 20

Смерть короля Ринга

Конь златогривый
Ввысь увлекает
Солнце из волн на сияющий круг.
Дважды красивый
5 В зале играет
Утренний луч; у дверей слышен стук.

С скорбною думой
Фритьоф вступает;
Бледен король, и вздымается грудь
10 Ингеборг юной.
Гость запеваёт
Песню раздуки. Далека его путь.

„Конь окрыленный
К морю стремится,
15 Рвется он вдаль от прибрежной волны.
Гость омраченный
Должен проститься
С другом любимым приветной страны.

Память былого
20 Пусть обитает
Верно в запыстье; возьми же его,
Ингеборг, снова.
Фритьоф прощает,
Друга не встретишь ты вновь своего.

Року покорный
25 Больше отныне,
Северный дым, не увижу тебя.
Властвуют норны;
Моря пустыня—
30. Вотчина там и могила моя.

С Ингеборг к морю,
Ринг, не ходи ты
В час, когда звезды свой свет разольют.
Может быть, вскоре
35 Волны сердито
Кости изгнанника к берегу прибьют“.

Внемлет ответу:
„Тяжко мне слушать
Жалобы мужа, как девичий стон.
40 Песня пропета
Смерти грядущей,—
Что ж? Кто родился, на смерть обречен.

Споры напрасны
С неотвратимым,
45 Норны не внемлют покорным мольбам.
Будь же прекрасной
Мужем любимым,
Край мой для сына тебе передам.

Часто сидел я
50 В зале с друзьями.
Мир золотой я любил и искал.
Но не бледнел я
В битве с врагами,
В долах, на море щиты их ломал.

55 Ныне мне время
Вычертить руны.
Жалок удел на соломе уснуть.
Подвига бремя
Тяжко ль норманну?
60 Смерть не труднее, чем жизненный путь“.

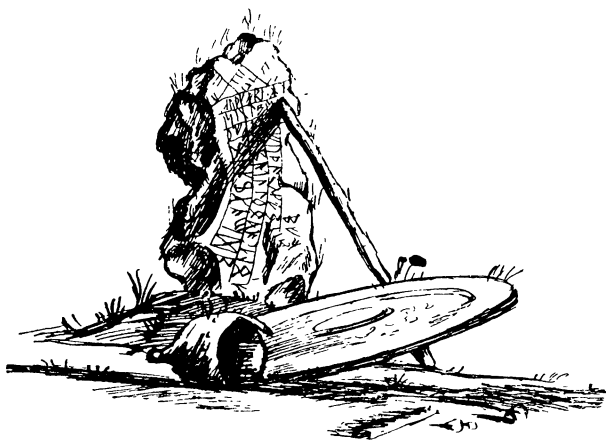
Резал он смело
Руны глубоко,
Смертные Одина руны копьем.
И заблестела
65 Алым потоком
Кровь на груди меж волос серебром,

„Слабнет мой голос...
Север свободный!
Рог поднимаю во славу тебе.
70 Спеющий колос,
Дух благородный,
Ласковый мир я любил на земле.

Меж беззаконных
Конунгов диких
75 Тщетно искать его: прочь он бежит;
Ныне ж у трона
Асов великих
Сын родового кургана стоит.

Вáлхаллы боги!
80 Честь вам и слава!
Скрылась земля, и на праздник трубит
К асам в чертоги
Рог величавый;
Гостя блаженство, как шлем, осенит“.

85 Ингеборг милой
С ласковым словом,
Сыну и другу он руку пожал.
Очи смежила
Смерть, и суровый
90 Дух королевский Альфадер приял.

ПЕСНЬ 21

Драпа Ринга

Спит под курганом
Славный властитель,
Сталью доспехов
Стан облечен.

5 Конь его ратный
Ржет, замурован,
Землю скребет он
Златом копыт.

Путь совершает
10. По мосту конунг,
Время колеблет
Бифроста свод.
В выси отверзлись
Валхаллы двери,
15. Приняли Ринга
Руки богов.

Аса-Тор бьется
В битве далеко.
Вальфадер кличет
20. Кубок подать.
Вьет вокруг короны
Конунга колос
Фрей, и влетает
Фригга цветы.

25. Браге же старый
Струны настроил,
Тише, чем прежде,
Песню запел.
Ванадис внемлет,
30. Взор загорелся,
Ниже склонилась
Нежная грудь:

„Песнь непрестанна
Стали на шлемах,
35. Вольные волны
Вечно в крови.
Бьется, как берсерк,
Буйствует сила—
Дар благодатный
40. Добрых богов.

Доблестный был нам
Дорог владыка—
Мощный хранитель
Мирных полей.
45 Образ высокий
Силы разумной,
Днесь он, как жертвы
Дым, воспарил.

Вильфадер молвит
50 Меткое слово,
Сидя у Саги
В славном дворце.
Мимера светлым
Струям подобна,
55 Равно звучала
Рингова речь.

Мирно Форсёте
Судит высокий
Распри близ Урды
60 Резвой волны.
Так же у камня
Конунг судил нас,
К милости руку
Мести склонял.

65 Скуп не был конунг,
Сышал вокруг он
Ложе драконов,
Карликов свет.
Радостен дар был
70 Рук бескорыстных,
Слез утешенье—
Слово его.

Мир тебе, вещей
Вáлхалы воин!
75 Имя прославит
Север твое!
Радостно Браге
Рог осушает:
Мира несешь ты
80 С Севера весть!“

ПЕСНЬ 22

Избрание короля

Обходит жезл кругом страны,
На тинг! На тинг!
Мы выбрать конунга должны,
В могиле Ринг.

5 И верный бонд тогда берет
Свой меч стальной,
И он по лезвию ведет
Слегка рукой.

И мальчик смотрит, как огнем
10 Горит клинок,
Едва подняли меч вдвоем:
Один не мог.

А дочь до блеска чистит шлем
Перед окном,
15 Краснеет, образ свой затем
Увидя в нем.

Багряный на руку надет
Округлый щит.
Железный бонд, тебе привет,
20 Твой дух открыт!

Из сердца вольного растет
Вся честь страны.
Ты разум края—и оплот
Во дни войны.

25 Под звон мечей и стук щитов
Спешит народ
На тинг открытый, там, где кров—
Небесный свод.

На камне тинга Фритьоф ждал,
30 И с золотым
Венцом волос малыш стоял,
Сын Ринга, с ним.

„Он мал!—тогда слова бегут:—
Не может он
35 Вести войска и править суд,
Хранить закон!“

Но поднял на щитѣ своем
Его герой.
40 „Народ! Страны надежда в нем,
Вот конунг твой!

Сверкает в новой красоте
В нем асов род.
Как рыбка в море, на щите
Он чужд забот.

45 Клянусь страну его мечом
Я охранять
И золотым отца венцом
Его венчать.

50 Форсете мудрый речь мою
Да сохранит!
И если клятве изменю,
Меня сразит!“

Как конунг, мальчик восседал,
Взнесен на щит.
55 На солнце так с высоких скал
Орел глядит.

Но ожиданья долг срок,
Играет кровь.
60 И прыгнул он—вождя прыжок!—
На землю вновь.

И клики огласили тинг,
Кругом летя:
„Ты избран нами, будь, как Ринг,
Щита дитя!“

65 И словом будет управлять
Пусть ярл твоим.
Ярл Фритъоф, мы младенца мать
Тебе дадим!“

Но мрачен тот: „Вождя избрать
70 Лишь должно нам;
Не свадьба здесь; невесту взять
Сумею сам.

В священный Бальдера приют
Направлюсь я
75 К условной встрече; норны ждут
Давно меня.

Я должен слово молвить им,
Носящим щит.
80 Судьбы завет лишь им одним
В веках открыт.

И светлый бог не примирен,
Разгневан ждет.
Невесту сердца отнял он,
Лишь он вернет“.

85 Он молодого короля
Поцеловал
И тихо, вереск шевеля,
В дали пропал.

ПЕСНЬ 23

Фритьоф на кургане отца

„Как солнца луч смеющийся прекрасен,
Листы дерев ласкающий в игре,
Как взор Альфадера и чист, и ясен—
И в море, и в росинках на заре!
5 Как свет вечерний на утесах красен!
Пред Бальдером то кровь на алтаре!
Уснет земля под сводом ночи вскорее,
Ты, солнце, щит златой, потонешь в море.

- Но прежде дай взглянуть на дол любимый,
10 На друга детских лет, что сердцу мил.
Ах, те ж цветы цветут в стране родимой,
Лес тех же птиц под сенью приютил.
Шумит, как прежде, вал неутомимый,—
О, счастлив тот, кого он не носил!
15 Твердит о славе лживый и веселый,
Но вдаль влечет он от родного дола.

- Знаком ты мне, поток, где, чужд печали,
Пловец скользил с отвагой детских лет.
Знаком ты мне, о дол, где клятву дали
20 Мы верности, которой в мире нет.
И вы, березы, в чью кору вращали
Две руны,—их вы сохранили след,—
Стоите белые, в родной долине;
Все, как и встарь, лишь я не прежний
ныне.

- 25 Все, как и встарь? Но где же Фрамнес
милый?
Где храм, что осенял священный брег?
Ах, радостно в долинах детства было,
Но вот огонь свершил сюда набег,
И страннику вещает брег унылый,
30 Как в гневѣ мстит и бог, и человек.
Пусть странники святыни здесь не ищут,—
Ведь в роще Бальдера лишь звери рыщут.

- Есть искусситель злобный во вселенной,
Коварный Нидхёгт,—мрак его вскормил.
35 Он ненавидит асов блеск священный,
Что взор и меч героя озарил.

И все то зло, что гнев свершил мгновенный,
То он внушил, то дань для темных сил.
Он рад, когда пожар пылает в храме,
40 В веселье бьет он черными руками.

Ужели нет, Валхалла, примиренья?
О, синеокий Бальдер, ты ль суров?
Родне за павших платят в искупленье
И жертвой отвращают гнев богов.
45 Лишь повели, и все без сожаленья,
О кроткий бог, я в жертву дать готов.
Твой храм спалил без умысла я злого,
Пусть незапятнан щит мой блещет снова.

Пусть не владеет мрак душой моею,
50 Сними твой гнет, под ним герой поник;
Раскаяньем и славной жизнью всею
Дай искупить один преступный миг!
Я пред разящим Тором не бледнею
И Хель бестрепетно я вижу лик.
55 Ты, бог благой, чей взор, как месяц,
блещет,—
Лишь пред тобой мой гордый дух трепещет.

Вот холм отца могильный. Спит воитель?
Ах, безвозвратный путь им совершен.
Вся в звездах, говорят, его обитель,
60 Там пьет он мед, щитов он слышит звон.
Свой взор склони ко мне, Валхаллы житель,
Услышь ты сына, Торстен Викингссон!
Я рун не режу, не пою, колдуя,
Но научи, чем Бальдера смягчу я.

- 65 Безмолвна ль смерть? Чтоб меч вернуть,
в кургане
Очнулся Ангантир—и мог вещать.
Но стоит ли меч Тирфинг заклинаний
Пред тем, что я прошу,—не мне взывать,
Прозя меча: клинок возьму я в брани,—
70 Мне асов мир ты должен ниспослать.
Для мысли смутной я прошу намека,
Гнев Бальдера гнетет мой дух жестоко.

- Молчишь, отец? Внемли, струи морские
Рокочут нежно,—с ними голос слей!
75 С крылами бури мчись в края земные
И, пролетая, мне шепнуть успей!
Украсят запад кольца золотые,—
Одно из них гонцом пошли скорей!..
Ни откликом, ни знаком сон могильный
80 Ты не прервешь, отец! Как смерть
бессильна!“

-
- Вот гаснет солнце; ветер, усыпляя
Детей земли, им нежно песнь поет;
Въезжает колесница огневая
Зари вечерней на небесный свод,—
85 Средь синих гор, Валхаллу отражая,
Над синим долом свой стремит полет.
И вот несется из страны заката
Видение из пламени и злата.

- То—марево, мы говорим о чуде,—
90 В Валхалле имя лучшее дано.
Как золотой венец на изумруде,
Над рошей Бальдера парит оно.

Привет вам, звезды, шествуйте в молчанье!
Отрадны снова ваши мне лучи.
Привет тебе, о Севера сиянье!
Пожаром мне казалось ты в ночи.
125 Цвети, курган, и моря рокотанье,
Как прежде, песнью чудною звучи!
Здесь на щите засну я, чужд тревоги,
Мне сниться будет, как прощают боги“.

- Подобное Упсалы храму, где свою
 10 Валхаллу видел Север в образе земном.
 На круче высился он гордо, и чело
 Высокое его вал светлый отражал,
 Вокруг же, словно чудный пояс из цветов,
 Лежала Бальдера долина, мирный край,
 15 Где слышно пенье птиц и шелест рощ
 густых.
 Из меди дверь высокая была, внутри
 Ряды столбов легко держали на плечах
 Могучих круглый свод—прекрасен, словно
 шит,
 Блестящий, выпуклый, висел над храмом
 он.
 20 Там жертвенник стоял. Он в северных
 горах
 Был вырублен из мраморной скалы, вокруг
 Змей извивался, в рунах, в мудрых
 письменах
 Из „Слов Высокого“ и „Валы“. А в стене
 Над змеем было углубленье в золотых
 25 Звездах на темной синеве: там восседал
 Серебряный бог милосердья, кроток, тих,
 Как месяц серебристый в синих небесах.
 Таков был храм. И вот, в серебряный
 покров
 Облачены, в него двенадцать юных дев
 30 Вступили по-двое; и на ланитах их,
 И в сердце чистом—розы. Окружив алтарь
 Святой, перед богом танцовали девы; так
 Весенний ветерок танцует над ручьем,
 В траве высокой так танцуют эльфы в час,
 35 Когда блестит на ней роса в лучах зари.
 Священную они танцую пели песнь

- О кротком Бальдере, о том, как был любим
Он всем живым, как пал от Хёдера стрелы,
И небо плакало, и море, и земля.
- 40 Не из людской груди та песнь, казалось,
шла—
Лилась, как звук из Брейдаблика, как
мечта
- О милом девы одинокой в тишине,
Когда средь мирной ночи перепел поет
И месяц Севера березы озарил.
- 45 На меч опершись, Фритьоф восхищен
смотрел
На дев; воспоминанья детских дней пред
ним
Теснились радостной, невинною толпой.
С очами, голубыми, словно небеса,
С волнами золота кудрявого, они
- 50 Приветливо кивали другу юных дней.
И погрузилась в ночь кровавой тенью
жизнь
Былая викинга с тревогой битв и бурь,
И думалось ему, на их могиле сам,
Как камень, убранный цветами, он стоит.
- 55 И песнь росла, и к Валаскьяльфу ввысь
взлетал
Из низменной земной юдоли дух его;
И тихо таяли и ненависть, и месть,
Как на груди утеса тает панцырь льда
В лучах весны; и хлынули, как море, в
грудь
- 60 Героя безмятежный мир, немой восторг.
Ему казалось, бьется в сердце у него
Природы сердце, в умиленье он желал
Всю землю в братские объятья заключить,

- Пред богом примириться вновь со всем
 живым.
- 65 И вот явился Бальдера верховный жрец,
 Не юн и не прекрасен словно бог, но лик
 Был величав и кроток, и струилась вниз,
 До пояса, серебряная борода.
 Благоговеньем непривычным гордый дух
- 70 Объят был, и склонились низко два крыла
 Орлиные на шлеме; старец молвил так:
 „Привет, о Фритьоф! Ждал тебя я здесь
 давно:
 Так сила буйствует по землям и морям
 Подобна берсерку, что бледен впился
 в щит,
- 75 Но истощась, она спешит в родимый
 дом.
 Сам Тор не раз ходил на Йотунхейм—
 в стальных
 Был рукавицах, в поясе богов, а все ж
 Утгарда-Локе трон досель неколебим.
 Не отступает перед силой зло, само
- 80 Являясь силою. Лишь детская игра
 Без силы кротость, луч на Эгира груди,
 Неверный, беглый блик, поднявшийся
 с волной
 И с ней поникший вновь: основы он
 лишен.
- 85 Но сила, кротости чужда, сама себя,
 Как меч в кургане, разъедает: жизни
 хмель
 Она, но нас забвенья дапля сторожит
 Над рогом, и стыдится пьяный пробудясь.
 Родится мощь от тела Имера—земли,
 Потоки дикие и воды—кровь ее,

- 90 А сухожилья выкованы из руды.
 Но пусто все, бесплодно на земле, доколь
 Не блещет солнце—кротость неба. Зеленеть
 Тогда начнет трава, зардеет ткань цветов,
 И дерево в листву плод золотой влетет,
- 95 И человек и зверь прильнут к родной
 груди.
 Таков и Аска род. Альфадер положил
 Две тяжести на чаши жизненных весов;
 Их равен вес, когда весы верны; зовут
 Их кротостью небесной, силою земной.
- 100 Могуч, бесспорно, Тор, когда разит, стянув
 Свой Менингьярд на бедрах, крепких, как
 скала,
 И Один мудр, когда в серебряный глядит
 Источник Урды и несет отцу людей
 И асов птица вести, землю облетев.
- 105 Но побледили оба, их корон угас
 Наполовину блеск, лишь Бальдер, кроткий
 бог,
 Сражен был; ибо он богов соединял.
 Тогда поблек венец на дереве времен,
 И Нидхёт корни грыз, и вырвались тогда
- 110 Все силы древней ночи. Иормунганд
 взметнул
 Свой хвост, от яда вспухший, к небу,
 Фенрис выл,
 И Суртра огненный клинок тогда сверкал.
 И с той поры сквозь жизнь, подъявля щит,
 борьба
 Идет: в Валхалле с гребнем золотым петух
- 115 Поет, петух кроваво-красный на земле
 И под землей зовет на бой. Дотоль был
 мир

- Не только в залах асов, но и на земле;
 Был мир в груди людей, как и в груди
 богов
 Высоких. Ибо все, что здесь бывает, там
 120 В размере большем было: жизнь людская—
 лишь
 Валхаллы отблеск, и небесный свет в щите,
 Покрытом рунами, у Саги отражен.
 Свой Бальдер в каждом сердце есть. Ты
 помнишь дни,
 Когда в груди твоей цвел мир и жизнь
 была
- 125 Тиха и радостна, как певчей птицы сон,
 Когда кольшет ветер ночной ее постель
 Из листьев и головки дремлющих цветов?
 В то время Бальдер жил еще в душе твоей,
 Ты, образ Валхаллы бродящий, асов сын!
 130 Бог для детей не мертв, и возвращает Хель
 Добычу каждый раз, как человек рожден.
 Но рядом с Бальдером растет в душе
 и брат
 Его слепой и мрачный—Хёдер, ибо зло
 Рождается слепым, как род медвежий;
 ночь—
- 135 Его покров, Добро же в свет облечено.
 Усерден искуститель Локе, руку он
 Слепого направляет, и легит копьё
 В грудь Бальдера младого, радости богов.
 Тогда Насилье хищно рвет добычу, Волк
- 140 Меча голодный рыщет по горам, плывут
 Драконы дикие среди кровавых волн,
 А Кротость чистая, как немощная тень,
 Средь мертвых мертвая—во власти бледной
 Хель,

- И Бальдера священный дом испепелен:
145 Так асов жизнь высокая прообраз есть
Для низшей жизни человека: обе—лишь
Мысль неизменная Альфадера. Все то,
Что было и что будет, знает Валу песнь,
Песнь колыбельная времен и драпа их.
150 Ее напев звучит в былых делах земли,
И собственную сагу слышат люди в ней.
„Поймете ль весть мою?“—так Вала го-
ворит.
Ты примиренья ищешь? Посмотри в глаза
Мне, юноша, и не бледней. По всей земле
155 Проходит примиритель, он зовется—
Смерть.
Земное время—вечности осадок, жизнь
Земная—отпадение от отца богов,
Тот примирится, кто очищен ввысь к нему
Вернется. Сами асы пали; Рагнарёк—
160 День искупленья их, кровавый день, среди
Равнин стомильных Вигрида: они падут,
Но неотмщенными не будут, ибо зло
Навеки сгинет, и для высшей жизни вновь
Очищенным добро восстанет из огня.
165 Пусть упадет с чела небес венец светил
Поблекших, пусть земля потонет среди вод,—
Она прекрасней возродится и из волн
Поднимет радостно цветущую главу;
И звезды юные над сотворенной вновь
170 В божественном сиянии тихо поплывут.
А на холмах зеленых будет Бальдер сам
Людей и асов возрожденных направлять.
Скрижали с рунами золотые, на заре
Времен утраченные, вновь в траве тогда
175 Валхаллы дети примиренные найдут.

- Так гибель падшего добра есть для него
 Лишь искус огненный и искупление, лишь
 Рождение к лучшей жизни; в отчий край оно
 Омытое вернется, как дитя, резвясь.
- 180 Увы! Прекрасного обитель—за холмом
 Могильным, в залах Гимле, и нечисто все,
 И низменно, что здесь, под звездами, живет.
 Но есть и в жизни примирение свое,
 Начало слабое великого. Так скальд
- 185 По арфе пальцами искусными скользит
 И согласует звуки, пробуя напев,
 Доколе не ударит мощною рукой
 По золоту струны—и встанут из могил
 Дела великие минувших дней, и блеск
- 190 Валхаллы лица восхищенных озарит.
 Земля есть только тень небес, и жизнь
 земли—
 Преддверье бальдерова храма в вышине.
 Для асов проливают кровь, коня ведут
 В златом седле, с уздой пурпурной в жер-
 тву им.
- 195 То некий знак с глубоким смыслом, ибо
 кровь—
 Дня примиренья каждого зря. Но знак
 Не дело, примиренья он не даст. Твоей
 Вины не искупить другому. Мертвый—мир
 На благостной груди Альфадера найдет,
 200 Живой—в душе своей. Иная жертва есть,
 Она милей богам, чем благовонный дым
 Из чаш на алтаре: пожертвуй мстью им
 И дикой ненавистью сердца своего.
 Коль меч вражды не можешь укротить,
 простить
- 205 Не можешь, юноша,—чего ты хочешь здесь,

В жилище Бальдера? Зачем воздвиг ты
храм?

Камнями Бальдера не примиришь: живет
Там примиренье лишь, где мир живет.

С врагом
Своим, с самим собою примиришь, тогда
210 И с богом светлокудрым будешь прими-
рен.—

На Юге славен некий Бальдер, девы сын.
Его послал Альфадер руны на щите
У норн, неясные досель, истолковать.
И мир был кличем боевым его, любовь—
215 Мечом, невинность, словно голубь, шлем
его

Серебряный венчала. Кротко жил, учил
И умер он простив. Среди дальних пальм,
в лучах,

Его могила, и идет из дола в дол
Его ученье, жесткие сердца смягчит,
220 Соединяет руки, поселяет мир.
С ним мало я знаком, но смутно все ж его
Предчувствовал я в лучшие мои часы.
И сердце каждое, как и мое, порой
Его предчувствует. И день придет: оно
225 Крылами белыми, как голубь, осенит
Весь Север. Но не будет Севера тогда
Для нас, и над холмом забытых тихо дуб
Зашелестит. О вы, кому дано в те дни
Из чаши блещущей пить новый свет,—
привет!

230 Вы счастливы: все облака рассеет он,
Окутавшие солнце жизни. Но и нас
Не презирайте: луч божественный его,

Не отвращая взор, искали мы! Един
Альфадер, вестники бесчисленны его.

- 235 Ты ненавидишь Беле сыновей. За что?
Потому бонда вольного они сестру
Отдать не захотели: Семинга в ней кровь,
Прославленного сына Одина; их род
Восходит к Вáлхалле—и тем они горды.
- 240 Но не заслуга род, а счастье, скажешь ты.
Заслугою, о юноша, никто не горд,
Но только счастьем; ибо лучшее есть дар
Благих богов. И не гордишься ли ты сам
Геройством подвигов, могуществом своим?
- 245 Ты сам ли силу дал себе? Не Тор ли
сплел,
Как ветви дуба, крепко мышцы рук твоих?
Не Тора ль мужество в груди твоей кру-
той—
- Ограде из щитов—ликует? Не его ль
Сверкает молния в огне твоих очей?
- 250 Уже у колыбели пели норны песнь
Высокую твоей судьбы. Заслуга то
Твоя не более, чем конунгов—их род.
Не осуждай другого гордости,—твоей
Да не осудят. Ныне конунг Хельге пал“.
- 255 Прервал тут Фритьоф: „Хельге пал? Когда
и где?“
„Ты знаешь сам, меж тем, как строил ты,
в горах
У финнов воевал он. На скале нагой
Там древний храм в честь бога Юмалы
стоял.
Он заперт был и брошен с давних пор.
И лишь

- 260 Чудовищный, старинный бога лик еще
Висел, обрушиться готовый, над дверьми.
Никто не смел приблизиться: из рода
в род
Преданье шло в народе: первый, кто дерз-
нет
В святилище вступить, тот Юмалу узрит.
- 265 То Хельге услышал, и в ярости слепой
Он к богу ненавистному наверх полез
Тропами дикими, чтобы низвергнуть храм.
Дверь замкнута была, и ключ заржавел
в ней.
- 270 Тогда, схватившись за столбы дверные, он
Гнилые косяки потряс: и с треском страш-
ным бог
Низринулся с дверей и, падая, убил
Валхаллы сына; так он Юмалу узрел.
К нам ночью весть о том пришла. Один
теперь
На троне Беле Хальвдан; руку протяни
- 275 Ему, богам пожертвуй мщением своим:
Сам Бальдер жертвы ждет, я жду, его
слуга,
Как знак, что не осмеян мирный бог
тобой,
Коль ты откажешься—напрасно создан
храм,
Напрасна речь моя“.
- 280 Тогда переступил
Порог, обитый медью, Хальвдан; молча он
От страшного поодаль с робким взором
стал.
И Фритьоф щит златой приставил к ал-
тарю,

А Б С Е Л Ь

Перевод О. Б. Румера

- Мне любви Карла времена—
Пора блестящей славы шведа;
Она отважна, как победа,
Как совесть чистая—ясна.
- 5 Те годы отсветом закатным
Над горизонтом необъятным
На Севере еще горят,
И воинов могучих ряд
Маячит синевой кафтанов.
- 10 Я чту вас, славных ветеранов,
Чей с желтой перевязью меч—
Участник незабвенных сеч!
- Ребенком одного такого
Героя-карловца я знал;
- 15 Он на земле еще стоял,
Как столп среди руин былого.

- Все серебро, что он имел,
На голове его сверкало,
И рунами рубцов вещало
20 Чело о шуме бранных дел.
Он беден был, но о богатой
Не грезил жизни никогда;
В нужде не видел он вреда,
Своей лесной доволен хатой
25 И всю свою любовь дела
Меж библией, души опорой,
И старой шпагой, на которой
Блестело имя короля.
Как в урнах в вековом кургане
30 Хранится прах героев брани,
Так в памяти своей старик
Хранил все Карловы деянья,—
Те, про которые сказанья
Прочтешь ты ныне в сотне книг.
35 Когда он шведскую дружину
В борьбе с бедой изображал,
Как гордо голову держал,
Как выпрямлял он сразу спину!
В глазах его горел пожар,
40 В словах звучал меча удар.
Бывало он, хоть полночь било,
Все вел про старину рассказ,
Снимая шляпу всякий раз,
Как речь о Карле заходила.
45 Я, стоя у его колен,
Взирал на старца с восхищеньем;
Мой дух геройским поколеньем
Уж с детства был захвачен в плен.
С тех пор живут в душе преданья;
50 Их сокровенно прозябанье,

Как ириса, чьи семена
Скрывает снега пелена.

Старик, уж ты давно в могиле;
Мир праху твоему! Тебе
55 Рассказ об Акселя судьбе
Принадлежит; я грустной были
Лишь рифмы придал. Над судьбой
Героя плачь, мой край, со мной!

Карл с войском зимовал в Бендерах.
60 Уж вороны в туманах серых
Кружили над его землей;
Насмешки яд вкусил герой;
Народ уж чуял смерти тени
И бился, павши на колени,
65 Из-за щита. Но, ах, в успех
Кто верил? Карл, один из всех.
В терзавшем землю урагане
Стоял спокойно он, как свод,
Который пушка не берет,
70 Среди пальбой сожженных зданий,
Как в море яростном утес,
Как над могилой муж без слез.

Раз вечером, письмо вручая,
Он Акселю сказал: „Большая
75 Тебе дорога предстоит;
Пусть конь тебя в Стокгольм домчит,
Скачи и день и ночь,—в Совете
Оставь письмо, да о привете
Горам родимым не забудь.
80 Не мешкай, Аксель; с богом, в путь!“

Тот, рад исполнить порученье,
Письмо зашить в кушак спешит.
С тех пор, как был отец убит
В день головчинского сраженья,
85 Рос Аксель под военный гром,
Как дома, в лагере родном.
Был этот северянин-воин—
Таких теперь уж не найдешь!—
На розу свежестью похож
90 И, как сосна, высок и строен.
Чело, как ясный небосвод,
Покою чистоты дышало,
И черт лица не искажала
Тень мелких суетных забот.
95 Казалось, взор его с рожденья
Был создан так, чтобы уметь
С доверьем детским вверх смотреть,
Благого чтя отца вселенной,
И без боязни вниз взирать
100 На преисподней злую рать.
Он принят был в число отборных
Телохранителей придворных;
Всего их было семь, как звезд
В Большой Медведице, иль девять,
105 Как муз,—не больше, да не все ведь
Такой занять способны пост.
Они прошли огонь и воду,
Им нипочем был зной и лед,
Изобличал их обиход
110 Суровых викингов породу.
Им всем постель была чужда;
Какие б ветры ни гуляли,
Они плащи лишь подстилали
И спали на земле всегда;

- 115 Сгибалась в их руках подкова,
И вой бурана снегового .
Не гнал их к очагу; они
Охотней у костров сидели,
В которых ядра ярко рдели,
120 Как алых зимних зорь огни.
В бою как бы законом было,
Чтоб отступал любой из них
Лишь под напором семерых,
И то не обратив к ним тыла.
125 К тому ж обет на них лежал,
Быть может, тяжкий наиболее:
Девичьих ласк бежать, доколе
Себе невесты Карл не взял.
Как ярко очи ни сверкали б,
130 Как нежно губы ни шептали б,
Как ни вздымала б две волны
Младая грудь,—они должны
Закрывать глаза иль скрыться были:
Ведь их со шпагой обручили.
- 135 В путь Аксель собрался, и зот
Он скачет сутки напролет.
Уж вдоль украинской границы
Несется он, как—глядь!—светится
От пик и сабель бор, и вдруг
140 Сверкающий замкнулся круг.
„Куда несешься так ретиво?
Давай сюда письмо, да живо!
Письмо иль жизнь!“ Бандиту швед
Мечом достойный дал ответ,
145 И тот, как будто пристыженный,
Склонился вдруг, окровавленный.
Тогда потеха началась:

Наш витязь, к дубу прислонясь,
Удар наносит за ударом;
150 Меч, что ни свистнет, то не даром:
Предсмертный вторит стон мечу.
Не семь врагов, а два десятка
Пред Акселем; такая схватка
Была б лишь Краке по плечу.
155 Увы! Надежды нет отбиться,
Лишь спутников набрать стремится
В могилу он. На Страшный суд
Уста кровавых ран зовут.
Кровь стынет в жилах, и немеет
160 Рука, что держит меч; темнеет,
Как будто ночь пришла, в глазах,—
И Аксель падает во прах.

Чу! Загудела чаща бора:
За дичью псов несется свора,
165 И с криком соколы летят;
Вскачь выехал нестройный ряд
Охотников, и первой слева,
С румянцем чудным на лице,
Верхом на пегом жеребце,
170 Прелестная, как утро, дева.
Бандитов гонит в бегство страх,
По чует конь кровавый прах,
И всадница в одно мгновенье
Соскакивает наземь. Он,
175 Как дуб, что бурей сражен,
Лежит пред нею без движенья.
Как дивен раненого вид!
Склонившись, на него глядит
Мария, как во время оно
180 Глядела на Эндимиона

Диана, лук свой опустив
И про охоту позабыв.
Сраженный витязь красотою
Был равен древнему герою.
185 В его рассеченной груди,
По счастью, искра жизни тлела,
И вот израненное тело
Они, с Марией впереди,
К ней в дом относят на зеленых
190 Побеггах, наскоро сплетенных.

У ложа Акселя она
Теперь, не отходя, сидела
И на бескровный лик смотрела,
Участья нежного полна.
195 Так рядом с статуей лежащей
Геракла средь зеленой чаши
Увидеть розу мог бы ты
В Элладе, царстве красоты.
Однажды Аксель, на мгновенье
200 Очнувшись, в страшном возбуждены
Заговорил; в его глазах
Горел огонь, внушавший страх.
„Ах, где я? Дева, ты откуда?
Быть рядом с женщиною худо
205 Тому, кто Карлу дал обет.
И слезы лить тебе не след
На эти раны,—мой родитель
(Живет под снегом он) слышал,
Как Карлу я обет давал.
210 Но как прекрасен искуситель!
Прочь, сатана! Где пояс мой
С письмом, что собственной рукой
Писал король? Мой меч отцовский

- Еще остер, народ московский!
215 Как было весело рубить!
Эх, Карлу бы при этом быть!
Враги, как под серпом колосья,
Клонились под мечом. Авось я
Не ранен сам! В Стокгольм мой путь,
220 Там можно будет отдохнуть.
Минуты дороги! Скорее!“
Так бредит он; потом, бледнея,
Свою главу сражений друг
К подушке мирной клонит вдруг.
- 225 И смерть и жизнь боролись обе
За юношу; но жизнь взяла
Над смертью верх, и та ушла,
В бессильной содрогающейся злобе.
Все чаще свой оживший взор
230 Стал Аксель устремлять с тех пор
На молодую деву с ложа.
Была Мария непохожа
На светлокудрых героинь
Слезливо-темной пасторали,
235 Что при лучах луны печали
Вкушают горькую полынь.
Она была дитя Востока:
Вздымалась грудь ее высоко,
Исполненная юных сил.
- 240 Подобен стану ореады
Был стройный стан; глазам услодой
Походки легкой танец был;
Как на картине у Авроры,
Летящей в звездные просторы,
245 В кудрях сиял Марии лик—
Сверкающий в ночи цветник.

Вся соткана из роз и лилий,
Она была, как юный сад,
Где чары лета аромат
250 И солнца золото разлили.
С рожденья пламенной она
Была душой наделена.
Все время за ресниц завесой
Огонь небесный и земной
255 Боролись. Взор ее порой
Был горд, как у орла Зевеса,
Порой же нежен и глубок,
Как твой, Венерин голубок.

О Аксель, скоро ранам время
260 Зарубцеваться, скоро грудь
Без боли сможет вновь вздохнуть,
Но с сердца сбросишь ли ты бремя?
Ах, не гляди с такой тоской
В глаза сиделки молодой,
265 Не пожимай с улыбкой нежной
Руки прелестной, белоснежной!
Она опасней во сто крат
Турецких рук, чьи ятаганы
Намедни нанесли те раны,
270 Что на тебе еще горят.
Слова надежды, и участия
Из уст румяных лишь несчастье
Тебе сулят; ужасный гром
Тебе бы лучше слышать снова,
275 Что под Полтавой рать Петрова
Немолчным подняла огнем.
Когда на солнышко к воротам
Выходишь, бледный и худой,
На меч ты опирайся свой,

280 А не на руку, что Эротом—
Затем, что так кругла она—
Для изголовья избрана.

Любовь! Земным отрада чадам!
Ты дуновением с небес
285 Юдольный освежаешь лес,
Удушливым застланный чадом.
Природы сердце, ты и нам
На благо бьешься, и богам!
Друг друга капли ищут в море,
290 Вкруг солнца в мировом просторе
От века брачный хоровод
Сонм звезд бесчисленных ведет.
Для смертного ты—полыханье
Закатное, воспоминанье
295 О лучших и счастливых днях,
Когда на отчих он руках
В чертогах голубых небесных
При трепете лампад чудесных
В беспечный погружался сон,
300 Игрой и пляской утомлен.
Тогда он был ключом богатым
Благочестивых всех отрад,
Общался, словно с братом брат,
Он с каждым ангелом крылатым.
305 Но, ах, в мир дольний он упал
И крылья дивные сломал
Своей любви. Но у любимой
Черты друзей из той, родимой
Отчизны вновь он узнает;
310 Их голос для него поет
В ручьях весны, в словах поэта.
Так уроженец южных гор,

Рожков пастушьих слыша хор,
Младые вспоминает лета.

- 315 Был вечер. Уж пучина снов
Усталый Веспер поглотила,
И тихо двинулись светила,
Как сонм египетских жрецов.
Земля стояла под лучистым
320 Покровом ночи, как стоит
Невеста, чье лицо горит
Румянцем радостным и чистым.
От игр дневных еще горя,
Наяда сладостно дремала,
325 И на груди ее сверкала
Роскошной розою заря.
Амуры, взяв колчан и стрелы
И оседлав лучи луны,
Носились, радости полны,
330 Что ночь пришла, ватагой целой
Над рощей; были уж видны
В ней светлые гонцы весны.
Далекий шокот соловьиный
Звучал над сонною долиной;
335 Так нежен был он, чист и тих,
Как нашего Францена стих.
Природа музыке молчанья
Внимала, затаив дыханье;
Биенье сердца кто б из нас
340 В ней не услышал в этот час?

В очарованьи беспечальном
Бродил с Марией юный швед,
Воспоминая детских лет,
Подобно кольцам обручальным,

345 Они друг другу передать
Спешили оба. Он про мать
Свою рассказывал, про милый
Сосновый дом средь мшистых скал,
Где он в кругу сестер играл,
350 И братьев, отнятых могилой.
Он ей рассказывал о том,
Как часто старьей, в коже, том,
Хранивший северные саги,
В нем пробуждал порыв отваги,
355 Как часто он себя во сне
В кольчуге видел, на коне,
Подобно Сигурду летящим
К объятой пламенем кипящим
Лавровой роще, где стоял,
360 Скалою к небу вознесенный,
Чертог Брюнхильды усыпленной
И в свете месяца пылал.
И дома жизнь казалась скучной,
И вот он из-под крыши душевной
365 Скорей бежал в дремучий лес
И там к орлиным гнездам лез,
Где ветер бушевал сердитый
И освежал ему ланиты.
О если б с облачной ладьей,
370 Плывающей мимо, в край иной
Уплыть, в далекий мир прекрасный,
Где слава ждет с улыбкой ясной
И радостной победы звон,
И где король (ведь старше он
375 Едва на восемь лет!) снимает
Венцы державные мечом
И тем, с кого их снял, потом
Великодушно возвращает.

„Пятнадцатый мне минул год,
380 И мать была не в силах больше
Меня удерживать; для Польши
Оставил я свой дом, и вот
С тех пор, знаменам Карла верен,
Я жил средь войск его затерян.
385 Но стоило увидеть мне,
Как мать в гнезде птенцов ласкает
Иль как у ручейка играет
Дитя на травке по весне,
Я забывал грозу сражений,
390 И мирных образов чреда
В душе вставала вдруг: стада,
Нив золото, дубравы сени
И дева юная в дверях
Избушки скромной; луч заката
395 Ласкал лицо ее, когда-то
Уж мною виденное в снах.
Ах, эти грезы днем и ночью
Меня томят с недавних пор;
Напрасно закрываю взор,
400 Я вижу все как бы воочью.
О деве же моей мечты
Скажу: Мария, это—ты!“

Смутясь, Мария отвечала:
„Мужчина счастлив; свой удел
405 Он сам кует, силен и смел,
Свободен с самого начала.
Ему принадлежит весь мир,
На жизненный он призван пир.
А женской доли смысл единый—
410 Быть частью, спаянной с мужчиной.
Повязка мы для ваших ран,

Что—лишь срослись они—забыта;
Вы—жертвенный огонь, а мы-то,
Мы—те, кто жертвой пал, заклан.
415 Отец мой был убит в походе,
Мать еле помню я свою,
Росла я здесь, в степном краю,
Среди рабов, что о свободе
Не мыслят даже; прихоть бар
420 Для них не зло, а божий дар.
Мне этот жалкий дух смиренья
Внушал одно лишь омерзенье.
Пересекая ширь степей,
Встречал ли ты табун коней,
425 Прекрасный, легконогий, вольный?
Он лишь себе принадлежит;
То, словно вкопанный, стоит
И ухом ловит ветр окольный,
То вдруг, подняв густую пыль,
430 Стрелой несется чрез ковыль,
Никем не взнуздан, не подкован,
Своей свободой очарован.
„О вольный, непокорный род!
Как чудно жизнь твоя течет!
435 Да подожди же!“—так взывала
Я всякий раз, когда меня
Бег рабский моего коня
К ним приближал. Но не желала
Нас вольница степная знать
440 И продолжала вдаль скакать.
Я тяготилась жизнью праздной,
Бездейственной, однообразной
В тиши усадьбы. Сколько раз,
О подвиге отважном бредя,
445 Я в лес ходила на медведя,

Глядела в бездну волчьих глаз!
Но, женщина, в твоей ли воле
Свою природу превозмочь?
Царя иль дровосека дочь,
450 Ты только женщина, не боле.
Сравниться можешь ты с лозой,
Что засыхает без опоры;
Тебе нет радости, которой
С тобой не разделил другой.
455 Я чувствую в душе томленье,
Непостижимое стремленье
Куда, не знаю, но оно,
Хоть мучит, сладости полно.
То словно если б я летела
460 Из тленного земли предела
На легких крыльях к небесам,
К живущим среди звезд богам.
А то, как будто вдруг на землю
Я падаю и снова внемлю
465 Журчанью милому ручья
И вижу холм, с которым я
Сдружилась с детства, и дубраву.
Я лишь теперь могу по праву
Природу всю назвать родной.
470 К себе я холодней одной,
Себя не так люблю, другие
Волнуют чувства грудь мою,
С тех пор, как я...⁴⁴ Тут речь свою,
Зардевшись, прервала Мария,
475 И недосказанное вдруг
Дополнил тихий вдоха звук.

Песнь соловья в лесу звенела,
Свет лунный лил потоки струй,

И долгий, нежный поцелуй—
480 Как смерть, не знающий предела,—
Спаял уста и души им
Одним блаженством неземным.
Так могут только целоваться
Два пламени на алтаре,
485 Чтоб, ярче запылав, горе
Столпом единым подыматься.
Весь мир кругом исчез для них,
И времени поток затих.
О боги, временем вы мерьте
490 Все миги жизни; миг один—
Безмерен; вечности он сын:
То поцелуй любви и смерти.
Счастливы! Если б шар земной
Внезапно охватило пламя
495 И небо рухнуло над вами,
Вы поцелуй продлили б свой!
Устами слились гений Юга
И гений Севера, и ввысь
Их души тихо вознеслись,
500 Не отрываясь друг от друга.

Расстался первый с дивным сном
Наш юный швед. „Моим мечом,
Звезд, наших дружек, вереницей,
Что сквозь листву дерев светится,
505 Землей клянусь и небом я:
Мария, ты навек моя.
О если бы вдвоем с тобою
Мне было суждено судьбою,
От брани отвративши взор,
510 В долине мирной среди гор
Всю жизнь прожить! Но, ах, об этом

Мечтать запрещено обетом,
Который хладною рукой
Разъединяет нас с тобой.
515 Но не тревожься! Обещаю,
Мария, возвратиться к маю,
Исполнив строгий свой обет.
Когда весны роскошный цвет
Покроет землю, будем вместе.
520 Я в тсм тебе, моей невесте,
Клянусь! Теперь же в путь скорей!
Прости, о свет моих очей!“
И с этими словами воин
Свой пояс и свой меч берет
525 И в дальний, страшный свой поход
Идет, отважен и спокоен.
Он днем скрывается в лесах,
А по ночам на небесах
Ему, как маяки, сверкают
530 И путь на север направляют
Звезда полнощная и ты,
Повозка неба золотая,
Что движешься, не отступая
От раз намеченной черты.
535 Опасностями настагаем,
Везде врагом подстерегаем,
В Стокгольм он прибыл, наконец,
И королевское посланье
Совету, на его собраньи,
540 Вручил бестрепетный гонец.

Меж тем по Акселю вздыхает
Мария, день-деньской одна,
И именем его она
Холмы и доли оглашает.

- 545 „Каким обетом связан он?
Ужель с другою обручен
На Севере, в своей отчизне?
Коль это так, вопрос о жизни
И смерти встанет меж тобой,
- 550 Моя соперница, и мной.
Тебя за снежными горами,
За скованными льдом волнами
Найду,—ты умереть должна;
Ведь я на юге рождена!
- 555 Нет, это бред! Прочь, мысль большая!
Ведь Аксель из родного края
Ушел ребенком, и любовь
Бежит боев, где льется кровь.
Да и возможно ль, чтоб лучистый,
- 560 Открытый взор его мне лгал,
Чтоб гордый лоб его скрывал
Какой-то помысел нечистый?
Нет, нет,—душа его ясна,
Мой взор проник в нее до дна.
- 565 Кому ж ты дал обет? Что значит
Внезапный твой уход? Ведь я...
Но никнет жалоба моя—
Вдова, что безутешно плачет
Над гробом, горлица, чей стон
- 570 В поля уносит Аквилон.
Шумят леса, бегут потоки
Меж мною, Аксель, и тобой;
Меня не слышишь ты. Постой!
Я помнить не хочу о сроке.
- 575 Сама к тебе я полечу;
Скрыть, что я женщина, мечу
Я предоставлю и наряду.
Игра со смертью мне мила;

Меня не выбить из седла;
580 Не трачу даром я заряду.
Так решено: к тебе, к тебе!
Бросаю вызов я судьбе.
Тебя разыскивать я буду
На Севере твоём повсюду:
585 В лесах, в долинах и в горах.
Война, возьми меня с собою
И понеси от боя к бою
На окровавленных крылах!“

Неотделимы мысль и дело
590 У женщины. Мария смело
Преображает облик свой.
Скрывает кудри шлем простой,
Покрыт белилами румянец,
Грудь стянута колетом, ранец
595 С губительным свинцом надет,
И, смерти телескоп, мушкет
Висит на перевязи справа.
У пояса, который, право,
С Венериным сравнятся б мог,
600 Сверкает сабля; тенью грубой
Подведены усердно губы—
Под крепом траурным цветок.
Могла бы так Мария, мнится,
С Эротом-воином сравниться,
605 Что украшал, как говорят,
Твой светлый щит, Алкивиад!
„Прощай, мой дом уединенный,
К тебе с душою примиренной
Еще вернусь когда-нибудь.
610 Теперь, о ночь, своим суровым

Ты осени меня покровом:
К любимому держу я путь“.

- В те дни пред Севером дремотным
Уже возник Петровский град,
615 Что нынче красоваться рад
Чужих венцов числом несчетным.
Как новорожденный дракон,
Лежал в своем заливе он.
В змееныше, годами малом,
620 Кто б чудище не отгадал?
Уж яд в зубах его вскипал,
Расщепленным шипел он жалом.
Там против мирных свейских вод
Снастили смертоносный флот;
625 Туда направилась Мария.
Проникнув сквозь ряды густые
Знамен и пик, на борт судна
В матросы просится она.
Дивясь чертам ее прекрасным,
630 Воскликнул капитан: „Опасным
Я б счел тебя не для вояк,
А для девиц. Тебе, брат, враг
Не сможет в бороду вцепиться.
Но если хочешь научиться
635 Войне,—тебя научит швед;
Да, у него пощады нет.
Но не робей! Храни нас, боже,
И Николай угодник тоже“.
- И ветер к северу погнал
640 Суда державного пирата,
И скоро в пламени заката
Всплыла громада шведских скал,—

Скал, что противятся доньне
И волн и времени пучине.
645 Сошли на берег там, где ввысь
Утесы Соты поднялись,
Той шхеры, шведским сердцем чтимой,
Где Яльмар с Ингеборг навек
Расстались и где рок пресек
650 Ей жизни нить, когда любимый
Ушел к Одину. Там, полна
Страданья горького, она,
Бесплотный дух, сидит и ныне.
О шхера! В имени твоём
655 Скальд слышит вновь рассказ о том,
О чем рассказано в былине.

Но уж охвачены огнем
Селенья мирные кругом,
И плачут женщины и дети.
660 Колокола в багровом свете
И днем и ночью бьют в набат.
Увы, усилья их напрасны:
Могилы глухи. Край несчастный,
Твои бойцы в земле лежат!
665 Но есть мечи, что в дни Густава
Бессмертная покрыла слава;
Есть бердыши, что нашу честь
За льдами Бельта защищали,
Заржавленные есть пищали,
670 Есть отроки, и старцы есть!
Из них отважные дружины—
Отчизна, твой оплот единый—
Образовались в миг, и вот
Они готовы к грозной встрече,
675 За родину в неравной сече

Готовы положить живот.
Но враг не хочет рукопашной;
Он тучей огненной и страшной
Навис над побережьем с гор.
680 Как туче этой дать отпор?
Ряды защитников редеют,
Над ними смерть, как коршун, реет.
Но вот в сверкающей броне
На поле, где дружина тает,
685 Как Тор разгневанный, влетает
Внезапно Аксель на коне.
Он кличет вслед толпе бегущей,
Он здесь и там в кровавой гуще;
Повсюду, где разит огонь,
690 Его отважный виден конь.
„Врагу не уступайте, шведы!
Добиться вы должны победы;
Со мной вам шлет привет король.
„Господь и Карл“,— вот наш пароль!“
695 „Господь и Карл“,— гремит дружина,
И эхом вторит ей долина,
И приступом внезапным взят
Утесов неприступных ряд.
И сразу, грозные дотоле,
700 немеют пушки, сразу поле
Покрыто трупами врагов,
Меч рубит спины беглецов,
И варвары, с судьбой не споря,
Спешат уйти обратно в море.
705 Как зверь насытившийся, спит
На поле бранном бой жестокий,
И с неба месяц светлоокый
На груду мертвых тел глядит.

- Меж них, вдоль тихого залива,
710 Блуждает Аксель молчаливо.
Все парами они лежат,
И враг врагом к груди прижат.
Объятий крепче мир не знает.
С улыбкой нежной обнимает
715 Любовник милую свою,
Но тем, кто обнялись в бою,
Не до улыбки: в смертной муке
Враждебные застыли руки.
Любви и ликованья хмель,
720 Ты вероломен, как апрель!
А ненависть, страданье, злоба—
Те не изменят нам до гроба.
Так размышляет Аксель. Вдруг
Он слышит тихое стенанье:
725 „Воды дай, Аксель! На прощанье
Приди! Я умираю, друг!“
На голос этот, столь знакомый,
Бежит он, ужасом влекомый,
И видит: кровью весь залит,
730 У камня юноша лежит.
Но луч вдруг падает на бледный
Бескровный лик, и Аксель бедный
Кричит, от боли сам не свой:
„Мария, ты ли? Боже мой!“
735 Да, то была она. Он слышит
Чуть внятный голос: „Руку дай
И здравствуй, Аксель! Нет, прощай:
Ведь смерть уже в лицо мне дышит.
Как я попала в этот бой?
740 Моя любовь тому виной.
Когда стоишь перед могилой,

- Земная жизнь уж не мила;
Земные кажутся дела
Одной лишь суетой постылой.
- 745 Ах, что б оплакивала я,
Когда бы не любовь моя?
Обета тайну роковую
Теперь на небесах прочту я,
Чтоб убедиться, что душой
- 750 Ты, Аксель, чист передо мной.
За ту слезу, что над могилой
Моей прольешь, прости мне, милый!
Я знаю: по моей вине
С тобой расстаться надо мне.
- 755 Ты и отца, и мать, и брата
Мне заменил; клянись же свято
В своей любви; клянись, что я—
Невеста вечная твоя.
Поклялся ты? Тогда чего же
- 760 Еще мне в жизни ждать, мой боже?
В моей руке твоя рука,
И смерть мне кажется легка.
Навек останется хранимым
Мой прах в краю твоём родимом.
- 765 Смотри, там облачко плывет:
Оно рассеется,—и вот
Я, духом сделавшись бесплотным,
Небесных глаз числом несчетным
Взгляну на землю, где с тобой
- 770 Мы были связаны судьбой.
Украшь могилу розой с юга,
Когда ж ее схоронит вьюга,
Ты вспомни, что покрыл навек
Твою невесту хладный снег.
- 775 Она цвела на свете мало,—

Но глянь, уж облачка не стало...
Прощай, прощай!“—И в этот миг
Навек замолк ее язык.

780 Тогда из ада в серном дыме
Поднялся смерти брат, чье имя
Безумие, вокруг чьих висков—
Венок из маковых цветов.
С слезой в полупотухшем взоре,
С застывшим смехом на губах,
785 Глядит он пристально то в прах,
То в пламенеющие зори.
Над Акселем витает он,
И тот, навек заморожен,
Все ходит, ходит вокруг могилы,
790 Как тот мертвец, что, говорят,
Оберегал свой скрытый клад...
И берег слышит стон унылый:

„Волна морская, замолчи!
И днем шумишь ты и в ночи,
795 Мои ты спугиваешь грезы.
Я не люблю тебя: мне слезы
И кровь приносишь ты с собой.
Здесь отшумел недавно бой,
Здесь юноша лежал наместни
800 И вздох свой испустил последний!
Как был он на нее похож!
Мне говорят,—но это ложь!—
Что под землей моя невеста.
Нет, с этого я видел места:
805 Она сидела на скале,
И месяц на ее челе
Ткал бледные свои узоры,

И ветер бушевал, который
Ей леденил лицо и грудь.
810 Я к ней приблизился чуть-чуть
И попросил побыть со мною;
Она же до меня рукою
Дотронулась, и стало мне
Светло, легко, как в дивном сне.
815 Огни я вижу на востоке:
То дней, которые далеки,
Пленительная череда.
Как счастлив Аксель был тогда!
Я помню дом на теплом юге;
820 Туда меня, к моей подруге,
Снесли разбитого, в крови.
Я ожил от ее любви.
Она мне сердце подарила,
Которое теперь могила,
825 Увы, сокрыла навсегда.
Пора и мне сойти туда.
О звезды, что вверху висите,
Свой свет ненужный погасите!
Моя уже зашла звезда
830 В потоках крови навсегда.
Все пахнет этой кровью алой
На берегу—песок и скалы“.

Так стонет он средь Сотских скал.
Он там, чуть утра час настал;
835 Спустилась ночь, он не уходит:
Все вокруг могилы с плачем бродит.
Однажды прекратился стон,
И мертвым там был найден он
С слезами на худых ланитах,
840 Страданьем горестным изрытых.

К могиле руки он простер,
К могиле обращен был взор.

Вот что я слышал в детстве нежном.
С тех пор сочувствием безбрежным
845 К тебе, сказанье, я согрет,
Хотя прошло уж тридцать лет.
Все детские воспоминанья,
Вдавлив неизгладимый знак,
850 Живут в душе поэта так,
Как Аслэг в арфе, по преданью,
Жила, пока не пробил час
Ей, выступив, сияньем глаз
И царственностью поведенья
Открыть свое происхождение.
855 Ах, для ребенка весь наш мир
Исполнен музыкою лир,
И то, что в замысле высоком
Поэта расцветет порой,
Когда-то большей красотой
860 Сверкало перед детским оком.
Весной, когда перепела
Кричат, что их пора пришла,
И месяц—ясный, но унылый,
Как призрак, вставший из могилы,—
865 Свой мертвенный бросает свет
На гладь долин, на гор хребет,
Передо мною, как живые,
Опять и Аксель, и Мария.
Я их судьбу и их любовь
Душой переживаю вновь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Э. ТЕГНЕР

Письмо о „Фритъофсаге“

В то время, когда я писал „Фритъофсагу“, шведские литераторы—для примера довольно назвать одного Леопольда—были уверены, что так называемая готическая поэзия, какой бы талант ни взялся за нее, ошибочна в самом начале своем. Утверждали, что она основывается на нравах и понятиях столь грубых и на общественном порядке столь несовершенном, что с ними невозможно согласовать поэзию настоящего времени. Последнюю считали по справедливости дочерью новейшего просвещения, в которой наш век узнает свои собственные черты, но только украшенными, идеализированными. И точно, всякая поэзия должна выражать дух своей эпохи и степень ее образованности; од-

накож есть общие отношения и страсти человеческие, которые во все времена должны оставаться неизменными и могут быть названы основным капиталом поэзии. Еще Линг I, хотя не всегда с одинаковым успехом, пользовался северными преданиями, по большей части для драм. Было замечено, что в высоком даровании его лирическое настроение преобладает над драматическим и что он внешнюю природу лучше изображает, нежели внутреннюю со всеми ее оттенками. Что тем не менее северная сага может быть удачно облакаема даже в драматическую форму,—доказывают трагедии Эленшлегера, и я должен сознаться, что первоначальную идею „Фритьофа“ подал мне его „Хельге“.

Цель моя в этой поэме состояла, однакож, не в том—как многие повидимому думают,—чтобы переложить сагу в стихи. Самое беглое сравнение могло бы удостоверить всякого, что не только развязка совершенно другая в саге и в поэме, но даже многие отделы, например II, III, V, XV, XXI, XXIII, XXIV, не имеют никакого или почти никакого основания в саге. Нет, не в этой именно, но в разных исландских сагах, вместе взятых, можно бы найти источник развитых мною подробностей. Я хотел создать поэтическую картину геройской жизни древнего скандинавского севера. Не Фритьофа самого по себе хотел я изобразить, но тот век, представителем которого он может быть назван. В этом отношении я, конечно, сохранил остов или существенное очертание саги, но в то же время счел себя вправе дополнять и сокращать ее

согласно с моею целью. Это, казалось мне, принадлежит к той поэтической свободе, без которой в области искусства нельзя произвести ничего самобытного.

В саге встречается много такого, что во все времена останется величественным и героическим; но вместе с тем иное отзывается в ней невежеством, дикостью, варварством: все это надлежало или совершенно устранить, или по крайней мере смягчить. Итак, в некоторой степени необходимо было примениться к духу новейшего времени; но здесь предстояла большая трудность в соблюдении настоящей меры. С одной стороны, поэма не должна была слишком оскорблять наших более утонченных нравов и менее суровых понятий; но с другой—не следовало жертвовать ничем национальным, животрепещущим, верным природе. Поэму должен был проникать холодный зимний воздух, свежий северный ветер (ибо таковы и климат и характер севера), но не с такою силой, чтобы самая ртуть замерзала и все нежнейшие ощущения сердца пропадали.

Эту задачу старался я разрешить собственно в развитии характера Фритьофа. Без сомнения, он непременно должен был соединять в себе благородство, величие души, храбрость, как существенные черты всякого героизма, и элементы для того находятся как в этой, так и во многих других сагах. Но сверх такого общего геройства старался я придать характеру Фритьофа кое-что исключительно скандинавское: эту жизненную свежесть, эту отвагу, эту дерзость, которые принадлежат или, по крайней мере, некогда принад-

лежали к национальному духу. *Ингеборг* говорит о *Фритьофе*:

Как весел, дерзок, как надежды полн!
Он гордо держит острие меча
Пред грудью норны, говоря: уступишь!

(Песнь 8)

Эти строки носят в себе ключ к характеру *Фритьофа* и даже к целой поэме. Сам кроткий, миролюбивый, богатый друзьями старый конунг Ринг не отрицает собою этой национальной особенности, по крайней мере по избранному им роду смерти; не без причины заставил я его „чертиться копьём“,—обычай, без сомнения, варварский, но резко обозначающий дух времени и народа.

Другую особенность жителей севера составляет некоторое расположение к унынию и задумчивости, более или менее свойственное всякому глубокому характеру. Оно, как основной элегический тон, проникает все старинные наши национальные мелодии и вообще все существенное в наших бытописаниях, потому что мы носим это расположение в самой глубине души. Я где-то сказал о Бельмане*, самом национальном поэте нашем:

Заметьте на лице уныния черту,
Знак северных певцов,— печаль на алом поле!

* К. М. Бельман (1740—1795) — крупнейший шведский поэт, типичный представитель поднимающейся буржуазии, отразивший в своей поэзии дух городских разночинцев, по праву называемый шведским Беранже.

Ибо это уныние, вовсе не убивая жизненной веселости и свежести в характере, только придает ему более внутренней силы и упругости. Есть веселость (и в этом общее мнение укоряет французов), которая проистекает из легкомыслия; напротив, веселость северная основывается на степенности. Вот почему я старался обозначить и в *Фритьофе* эту задумчивую тоску. Его раскаяние в неумышленном сожжении храма, терзающий его страх мести Бальдера, который

...с неба мне думы тяжелые шлет,
неустанно мне душу томит,

его пламенное стремление к окончательному примирению и душевному покою доказывают не только религиозную потребность, но еще более свойственную всем умам степенным, по крайней мере на скандинавском севере, склонность к унынию.

Меня упрекали (кажется, неосновательно) в том, что я любви *Фритьофа* и *Ингеборг* придал (например в „*Прощании*“) характер слишком мечтательно-нежный, принадлежащий собственно нашему времени. Против этого я должен заметить, что племена германские с незапамятных времен и задолго до распространения христианства уважали женщину. Оттого легкомысленное, чувственное понятие о любви, существовавшее даже у просвещеннейших народов древности, было чуждо скандинавам. Предания наполнены были рассказами о романической любви на нашем севере намного раньше, чем рыцарство обратило женщину в предмет обожания на юге.

Итак, мне кажется, что любовь *Фритьофа* и *Ингеборг* утверждается на достаточном историческом основании, если не в их собственном лице, то, по крайней мере, в нравах и понятиях века. Тонкое чувство обязанности, с каким *Ингеборг* отказывается последовать за своим возлюбленным и хочет скорее пожертвовать страстью, нежели выйти самовольно из-под власти своего брата-опекуна,—это чувство, по моему мнению, удовлетворительно объясняется свойствами женщины возвышенной, которые во все времена неизменны.

Особенность, заключающаяся, таким образом, и в самих характерах, предписывала, или, по крайней мере, допускала отступление от обыкновенного эпического однообразия в изложении. Всего удобнее казалось мне разбить эпическую форму на непринужденные лирические романсы. Я видел перед собою пример Эленшлегера в „Хельге“, а впоследствии нашел, что многие воспользовались тем же приемом. С ним соединена та выгода, что можно изменять размер сообразно с содержанием, и я сомневаюсь, чтобы, например, *Плач Ингеборг* (Песнь 9) можно было на каком бы то ни было языке удачно передать гекзаметром или пятистопным ямбом с рифмами или без рифм. Знаю, что такая форма, по мнению многих, противоречит эпическому единству, которое, впрочем, так легко переходит в однообразие, но полагаю, что здесь единство с лихвою вознаграждается простором и разнообразием. Только правильное употребление этой свободы требует особенного старания, ума и вкуса, потому что надобно заботиться

о приискании для каждого отдела пригодной формы, не всегда уже готовой в языке. Оттого я сделал опыт (с большим или меньшим успехом) ввести в мою поэму некоторые чужие, особенно древние размеры. Таковы пятистопный ямб с лишним в третьей стопе слогами (II), ямб двустопный (XIV'), Аристофановы анапесты (XV'), дактило-трохеический тетраметр (XVI) и трагический сенарий (XXIV'), которые до меня или вовсе не были известны, или мало употреблялись в шведской поэзии.

Что касается самого языка, то древность содержания побуждала меня пользоваться по временам архаизмами, преимущественно такими, которые, не будучи непонятны, казались мне особенно выразительными,—труд, во всяком случае потерянный для иностранцев, а иногда и для самих соотечественников. Он требует однакож большой осторожности, ибо существенной формой новейшего произведения, как само собою разумеется, должен все-таки оставаться язык общеупотребительный, хотя он в известных случаях и может приближаться к устарелому.

**ДРЕВНЕ-ИСЛАНДСКАЯ САГА
О ФРИТЬОФЕ СМЕЛОМ***

ГЛАВА I

**О смерти конунга Беле и Торстена
Викингссона и их детях**

Так начинают эту сагу: Беле конунг правил Сигнафильке. У него было трое детей. Хельге звали одного сына, другого—Хальвдан, а дочь—Ингеборг. Ингеборг была хороша собой и разумна. Она была лучшее дитя конунга.

Вдоль фьорда по западной стороне тянулся берег**. Там было большое селение. Это селение

* См. Примечания, стр. 318.

** Чтобы понять это выражение, надо представить себе, что Согнефьорд шел от запада к востоку; в восточном углу от него отделялся маленький залив к северу; по западной стороне этого-то внутреннего залива и тянулся берег, о котором идет речь.

называлось Бальдерсхаге*. Там было мирное убежище и обширный храм и высокий тын вокруг. Там было много богов, всех же более чтили Бальдера. Язычники так уважали святость этого места, что там нельзя было причинять вреда ни животным, ни людям. Никаких сношений не смели мужчины иметь там с женщинами.

Сирстрандом** назывался участок, которым владел конунг, а по ту сторону фьорда стояло селение и называлось оно Фрамнес***. Там жил муж, которого звали Торстен, и был он сыном Викинга. Его селение стояло против конунгова. Торстен от жены своей имел сына, которого звали Фритьоф. Он был из всех мужей самый рослый и сильный и был хорошо подготовлен к доблестным делам уже в юности. Его прозвали Фритьофом Смелым. Он был так любим, что все желали ему добра.

Дети конунга были еще малолетни, когда скончалась их мать. Хильдингом звали доброго бонда в Согне. Он вызвался взять на воспитание дочь конунга. Была она воспитана у него хорошо и заботливо. Ее прозвали Ингеборг Прекрасной. Фритьоф был также на воспитании у бонда Хильдинга, и стал он (по воспитанию) побратимом дочери конунга, и выделялись они из всех детей.

У конунга Беле стало убывать движимое добро, потому что он состарился. Торстен имел в своем

* Baldershage; hage — роща.

** К югу от Бальдерсхаге, на том же берегу.

*** Framnäs — передовой, выдающийся мыс.

ведении треть государства, и был он главною опорой конунга. Торстен давал конунгу роскошный пир каждый третий год, а конунг давал пир Торстену каждые два года. Хельге Беласон * рано сделался великим жрецом. Не были он и брат его любимы народом.

У Торстена был корабль, который звали Эллидой. Там гребли пятнадцать человек на каждом борту. У него были круто выгнутые штевни, и был он крепок, как морское судно. Борт был обит железом. Так силен был Фритьоф, что он греб двумя веслами на носу Эллиды, а каждое было длиною в тринадцать локтей; а за каждое из прочих весел бралось по два человека. Фритьоф считался первым из молодых мужей того времени. Завидовали сыновья конунга, что его хвалили более их.

Вот Беле конунг занемог, и когда стал терять силы, призвал он сыновей своих и молвил им: „От этой болезни будет мне смерть. А потому прошу вас, сохраняйте дружбу с теми, кто были мне друзьями, потому что мне кажется, что отец с сыном, Торстен и Фритьоф, будут вам нужны и для совета, и для дела. Курган должны вы насыпать надо мной“. После того Беле умер.

После этого занемог Торстен. Тогда он молвил Фритьофу, сыну своему: „Прошу тебя, оказывай покорность сыновьям конунга, так как это подобает их сану; впрочем, я предчувствую, что ты будешь счастлив. Желая, чтоб меня похоронили против самого кургана Беле, по сию сто-

* Сын Беле.

рону фьорда, у моря. Будет нам тогда привольно перекликаться о предстоящих событиях“.

Бьёрном и Асмундом звали побратимов Фритьофа. Они были рослые мужи и сильные.

Вскоре Торстен скончался. Он был похоронен, как он приказал, а Фритьоф наследовал его землю и движимость.

ГЛАВА II

Фритьоф сватается за Ингеборг, сестру конунгов

Фритьоф стал знаменитейшим мужем и вел себя храбро во всех воинских делах. Бьёрн, побратим его, был ему особенно дорог; Асмунд же служил им обоим. Корабль Эллида был лучшим сокровищем, доставшимся ему после отца, и вторым сокровищем было золотое кольцо. Не было другого дороже в Норвегии.

Фритьоф был так щедр, что большинство людей ставило его не ниже обоих братьев, находя, что ему недоставало только сана конунга. За это Хельге и Хальвдан прониклись ненавистью и враждой к Фритьофу и досадовали, что молва отдавала ему преимущество перед ними; притом же казалось им, что Ингеборг, сестра их, и Фритьоф имели склонность друг к другу.

Случилось, что конунги поехали на пир к Фритьофу во Фрамнес, и он, по обыкновению, угостил их лучше, чем они были достойны. Ингеборг также была там, и Фритьоф долго

разговаривал с нею. Дочь конунга молвила ему: „Ты имеешь хорошее золотое кольцо“.—„Верно это“,—сказал Фритьоф. После того братья отправились домой, и росла их зависть к Фритьофу.

Вскоре Фритьоф стал очень грустен. Бьёрн, побратим его, спросил, какая тому причина. Он сказал, что у него на сердце разыгралось желание свататься за Ингеборг; „хотя я и ниже по званию, чем братья ее, все же мне кажется, что я не ниже по достоинству“. Бьёрн сказал: „Сделаем так!“ Потом поехал Фритьоф с несколькими из своих мужей к братьям. Конунги сидели на кургане своего отца. Фритьоф приветствовал их учтиво и потом высказал свою просьбу, сватался за сестру их Ингеборг. Конунги отвечают: „Неразумно ты требуешь, чтоб мы выдали ее за незнатного мужа, отказываем мы в этом решительно“. Фритьоф отвечает: „В таком случае скоро сделано мое дело. Но это отплатится тем, что я никогда уже не окажу вам помощи, хотя бы вы в ней и нуждались“. Они сказали, что не будут тужить о том. Поехал Фритьоф домой, после этого и стал снова весел.

ГЛАВА III

Конунг Ринг объявляет войну сыновьям Беле

Рингом звали одного конунга. Он правил Рингарике; это было в Норвегии. Он был могущественный областной конунг и доблестный

муж, к тому времени достигший уже преклонного возраста. Он молвил своим мужам: „Я слышал, что сыновья конунга Беле поссорились с Фритьофом, одним из славнейших мужей. Теперь хочу отправить послов к конунгам и объявить им, что или они должны покориться мне и платить дань, или я пойду на них войною. И это будет мне легко, так как они не могут сравниться со мною ни числом войска, ни разумом. Все же мне было бы великою славою на старости лет победить их“. После того отправились послы конунга Ринга к братьям и сказали так: „Ринг конунг велит вам объявить, чтобы вы прислали ему дань, а не то он опустошит ваше государство“. Они отвечали, что не намерены в молодые годы учиться тому, чего не желают знать в старости,—позорно служить ему. „Нужно ныне собрать рать, какую можем добыть“. Так и было сделано. Но когда им показалось, что рать их мала, послали они воспитателя Хильдинга к Фритьофу, и должен он был просить его приехать на помощь к конунгам.

Фритьоф сидел за игральной доской, когда Хильдинг вошел. Он молвил так: „Конунги наши шлют тебе поклон и хотят твоей помощи в войне против Ринга конунга, который хочет нагло и несправедливо вторгнуться в их государство“. Фритьоф не отвечает ему ничего и молвил Бьёрну, с которым играл: „Слабое место вот здесь, побратим! Но ты не переменяй хода. Лучше я нападу на красную шашку и посмотрю, защищена ли она“. Хильдинг молвил тогда снова: „Хельге конунг просил сказать тебе,

Фритьоф, чтоб ты также шел в поход, иначе тебе будет плохо, когда они воротятся“. Бьёрн молвил тогда: „Тут сомнительно, как поступить, побратим! и сыграть можно двойко“. Фритьоф сказал: „Тогда разумнее напасть прежде на главную шашку, и сомнению будет конец“. Не получил Хильдинг иного ответа. Он поспешно поехал назад к конунгам и передал им речи Фритьофа. Они спросили Хильдинга, как он понимает эти слова. Хильдинг сказал: „Говоря про слабое место, он намекал, конечно, на свое неучастие в вашем походе. А когда собирался напасть на красную шашку, то выразил намерение идти к Ингеборг, сестре вашей. Берегите же ее хорошенько. Когда я грозил ему вашим гневом, то Бьёрн увидел в деле сомнение, а Фритьоф сказал, что лучше прежде напасть на главную шашку. Тут он разумел конунга Ринга“.

После того они стали снаряжаться и велели заблаговременно отправить Ингеборг с восемью девушками в Бальдерсхаге. Сказали, что Фритьоф не может быть таким дерзким, чтобы он поехал туда на свидание с нею: „Ибо нет никого столь дерзкого, чтобы делать там зло“. И братья отправились на юг к Ядару и нашли Ринга конунга в Сокнарсунде *. Конунг же Ринг был особенно раздражен тем, что братья сказали, что им казалось позорным сражаться с таким старым человеком, который не может сесть верхом на лошадь, если его не подсаживают.

* Ядар (пыне (Jaederen) — береговая полоса земли, ныне часть Ставангерского округа. Сокнарсунд (теперь Sokkensund) — пролив недалеко от Ставангера.

ГЛАВА IV

Поездки Фритьофа в Бальдерсхаге

Только что конунги отправились, Фритьоф надел свое парадное платье, а на руку свое доброе золотое кольцо. Потом побратимы пошли к морю и спустили Эллиду. Бьёрн молвил: „Куда держать путь, побратим?“ Фритьоф молвил: „К Бальдерсхаге, чтоб весело провести время с Ингеборг“. Бьёрн молвил: „Не следует накликать на себя гнев богов“. Фритьоф отвечает: „Отважусь на это; мне важнее ласка Ингеборг, чем гнев Бальдера“. После того они переправились на веслах через фьорд и пошли в Бальдерсхаге в палату Ингеборг. Она сидела там с восемью девушками. Их было тоже восемь. Когда они вошли туда, все было там убрано паволоками и дорогими тканями. Ингеборг встала и молвила: „Как ты столь дерзок, Фритьоф, что приходишь сюда вопреки запрещению моих братьев и тем раздражаешь против себя богов?“ Фритьоф сказал: „Что бы ни случилось, твоя любовь мне важнее, чем гнев богов“. Ингеборг отвечает: „Будь тогда моим дорогим гостем со всеми твоими мужами“. Потом она посадила его возле себя и пила за его здоровье лучшее вино, и так они сидели и весело проводили время. Тут увидела Ингеборг доброе кольцо на руке его и спрашивает, ему ли принадлежит сокровище. Фритьоф сказал, что ему. Она много хвалит кольцо. Фритьоф промолвил: „Я дам тебе кольцо, если ты обещаешь не выпускать его из рук и прислать мне назад,

когда не захочешь более иметь его. И таким образом мы дадим друг другу обет верности“. При этой помолвке они поменялись кольцами. Фритьоф часто бывал по ночам в Бальдерсхаге и между тем ездил туда каждый день и весело проводил время с Ингеборг.

ГЛАВА V.

О Фритьофе и сыновьях Беле

Теперь надо сказать о братьях, что они встретили конунга Ринга и что у него было более войска. Вот стали ходить взад и вперед мужи и старались помирить их, чтоб дело обошлось без войны. Ринг конунг сказал, что он готов на мир, с условием, чтоб конунги покорились и отдали прекрасную Ингеборг, сестру свою, с третьєю частью всего своего имущества. Конунги согласились на это, видя против себя превосходные силы. Примирение было закреплено договором, и свадьбе назначено было быть в Согне, куда приедет Ринг конунг за своей невестой. Едут братья с дружиной своей домой, и были они в большой досаде.

Между тем Фритьоф, догадываясь, что братья скоро воротятся, сказал дочери конунга: „Хорошо и любезно вы нас угощали. Бальдер на нас не гневался. А когда вы узнаете, что конунги возвращаются, то развесьте ваши холсты над палатой Дис*: она здесь в селении всего

* Дисы — богини.

выше. Мы увидим это из своего дома“. Дочь конунга сказала: „Вы поступили не по примеру других мужей; но мы должны были принимать вас как наших друзей, когда вы приходили“.

Потом Фритьоф уехал домой. И на другое утро вышел он рано и, возвратясь к себе, пропел:

„Скажу я нашим мужам, что уж кончены прогулки. Уж воинам не ездить на корабле: ибо холсты выставлены на белильне“.

Они вышли и увидели, что вся палата Дис завешена беленым полотном. Бьёрн молвил тогда: „Теперь конунги, конечно, возвратились, и нам не долго просидеть спокойно; и кажется мне разумным созвать войско“. И так было сделано. Собралось множество мужей.

Братья тотчас узнали о намерениях Фритьофа и о его дружине. Тогда конунг Хельге сказал: „Странно мне, что Бальдер сносит от Фритьофа всякое поругание. Пошлю к нему мужей осведомиться, какое удовлетворение он нам предложит; а не то вышлю его из края, ибо у нас нет достаточной силы, чтобы бороться с ним на этот раз“.

Воспитатель Хильдинг отправился с поручением конунгов к Фритьофу, а с ним были и друзья Фритьофа. Они говорят так: „Того хотят конунги для примирения с тобою, Фритьоф, чтобы ты привез дань с Оркнейских островов, которая не выплачивалась с тех пор, как Беле умер; ибо они нуждаются в деньгах, выдавая сестру свою Ингеборг замуж с

большим приданым“. Фритьоф говорит: „Одно обязывает нас к соблюдению мира—уважение к отшедшим отцам нашим; но братья не исполнят договора. Я ставлю условием, чтобы все наше имущество было неприкосновенно, пока я буду в отсутствии“. Это было обещано и утверждено клятвою.

Вот Фритьоф пускается в путь, выбрав себе в помощь храбрых и сильных мужей. Всех вместе их было восемнадцать. Они, его мужи, спросили Фритьофа, не хочет ли он прежде заехать к конунгу Хельге и примириться с ним и отмотить от себя гнев Бальдера. Фритьоф молвил: „Клянусь никогда не просить мира у конунга Хельге“. После того он взошел на Эллиду, и они пустились вдоль по фьорду Согн.

По отъезде Фритьофа Хальвдан сказал брату своему Хельге: „Было бы справедливее как-нибудь наказать Фритьофа за его преступление. Сожжем его двор и подыдем на него и на людей его такую бурю, чтоб им никогда не справиться“. Хельге сказал, что это следует сделать. Тогда они сожгли все строения во Фрамнесе и расхитили все имущество. Потом послали они за двумя колдуньями, Хейд и Хамгламой, и дали им денег, с тем, чтобы они накликали на Фритьофа и мужей его такую непогоду, от которой бы все погибли в море. Они изготовили чары и взошли на подмости с колдовством и заклинаниями.

ГЛАВА VI

Плавание Фритьофа к Орнейским островам

Только что Фритьоф со своими людьми вышел из Согна, посвежел ветер и сделалась сильная буря. Поднялась тогда большая волна. Понесся корабль очень быстро, ибо он был легок на ходу и лучшего не могло быть на море. Тогда Фритьоф запел песню:

„Я выпустил из Согна,—а девы пили мед среди Бальдерсхаге,—осмоленного коня ветров. Теперь крепче стала буря; добрый день невестам, которые ласковы к нам, хотя бы Элида и пошла ко дну!“

Бьёрн промолвил: „Лучше бы тебе заняться другим делом, чем петь о девах Бальдерсхаге“.— „От того не стало бы тише“,—сказал Фритьоф. Вот их понесло на север к проливу между островами, которые называются Солундами. Был тогда ветер всего сильнее. Тогда запел Фритьоф:

„Море начинает высоко вздыматься, так что оно ударяет о тучи; старые заклинанья вызывают то, что воды сдвигаются с места. Не стану я с Эгиром в непогоду бороться; пусть Солунды льдистые защитят мужей“.

Они пристали к Солундским островам и решились там обождать, и тогда погода утихла. Тогда они переменили намерение и отчалили от острова. Плавание казалось им приятным,

ибо ветер сначала был попутный. Но вот ветер стал крепчать. Тогда зашел Фритьоф:

„Бывало, во Фрамнесе, ездил я на веслах в гости к Ингеборг; ныне на парусах надо плыть при свежем ветре, заставляя проворно бежать водяного зверя“.

И когда они отплыли далеко от земли, море во второй раз сильно взволновалось, и сделалась великая буря с такою снежною метелью, что от одного штевня не виден был другой. И так стало заливать корабль, что нужно было беспрестанно черпать воду. Тогда зашел Фритьоф:

„Из-за колдовской бури не видать людей; мы попали в бурун, славные дружинники. Скрылись Солунды; и все восемнадцать мужей воду черпают, спасая Эллиду“.

Бьёрн молвил: „Многое увидит, кто далеко поедет“.— „Правда, побратим“,—сказал Фритьоф и зашел:

„Хельге—виновник того, что вырастают волны инеегривые. Это не то, что в Бальдерсхаге целовать лучезарную невесту. Не одинаково меня любит Ингеборг и конунг; лучше хотел бы я ей поручить мое счастье“.

„Может быть,—говорит Бьёрн,—она желает, чтоб тебе было лучше теперешнего. Все же и это теперь неплохо изведать“. Фритьоф сказал, что представился случай испытать добрых спутников, хотя приятнее было бы в Бальдерсхаге. Они принялись за работу бойко, ибо тут со-

шлись все могучие мужи, и корабль был из лучших, какие виданы в северных странах. Фритьоф запел песню:

„Весь Эгир * кажется мне таким, как будто сеет кто глеющий пепел. Низвергаются высокие волны, насыпают курган лебединые взлеты. Вот вскинута Эллида на крутой волне“.

Тут налетели огромные валы, так что все люди качают воду. Фритьоф запел песню:

„Сильно окатило меня. Дева будет плакать,—там, где холсты белились,—если придется мне погрузиться в лебединый холм: Эллида полна воды“.

Бьёрн молвил: „Не думаешь ли ты, что согнские девы много роняют слез по тебе?“ Фритьоф сказал: „Конечно, мне приходит это на мысль“. Потом волны так ударили в передний конец, что они полились водопадами; но к счастью корабль был крепок и на борту были надежные спутники. Тогда Бьёрн пропел песню:

„Тут не так, как если бы дева пила за твое здоровье, как если бы убранныя кольцами подзывала тебя к себе; солонья глаза, омоченные морскою водою, крепкие руки изнурены, болят мои веки“.

Асмунд отвечает: „Не беда, что вам пришлось испытать силу рук, ибо вы не жалели о нас, когда мы протирали себе глаза, в то время как

* Эгир здесь — море.

вы так рано вставали в Бальдерсхаге“.—„Но что ж ты не поешь, Асмунд?“—говорит Фритъоф.—„За этим дело не станет“,—сказал Асмунд и запел песню:

„Здесь была тревога у мачты, когда море обрушилось на корабль; я должен был работать на нем за восьмерых. Веселее было носить завтрак в девичий терем, нежели вычерпывать воду из Элиды на крутой волне“.

„Ты не низко ценишь свою помощь,—сказал Фритъоф и улыбнулся.—Однакож ты уподобляешься рабскому племени, желая заняться приготовлением кушанья“. Тут ветер снова так усилился, что волны, которые со всех сторон рухали на корабль, казались бывшим на нем похожими на утесы и скалы. Тогда запел Фритъоф:

„Сидел я на перине в Бальдерсхаге, пел, как мог, перед дочерью конунга; теперь неизбежно взойду я на ложе Ран*, и другой—на ложе Ингеборг“.

Бьёрн сказал: „Горький раздается плач, побратим, и уныние слышится в твоих словах; жаль такого доброго молодца“. Фритъоф сказал: „Это не уныние и не плач, хоть я и пою о наших любовных поездках; но может статься, об них говорено более, чем следовало. Однакож большей части людей смерть казалась бы вер-

* Богиня моря, жена Эгира. Ложе Ран — дно морское.

нее жизни, если б с ними случилось то, что с нами; но я тебе еще что-то скажу“. И запел:

„Искупил я ту мою поездку*: ко мне, а не к тебе, с восемью прислужниками выходила беседовать Ингеборг; мы с нею в Бальдерсхаге поменялись испытанными в огне кольцами, недалеко был тогда страж** земель Хальвдана“.

Бьёрн сказал: „Будем, побратим, довольны тем, что случилось“.

Вдруг вал обрушился на корабль с такой силой, что клампы и оба галса были оторваны и за борт выброшены четыре человека, которые все и потонули. Тогда Фритьоф запел:

„Оба галса порвались при великом волнении моря; погрузились четыре товарища в пучину бездонную“.

„Теперь похоже на то,—сказал Фритьоф,— что некоторые из наших людей отправляются к Ран. Но наше появление не покажется приличным, если мы придем туда, не снарядившись как подобает храбрым. Мне сдается, что каждому из мужей следовало бы иметь при себе несколько золота“. И он разрубил на части кольцо Ингеборг и роздал куски своим людям, и запел песню:

„Червленное кольцо, некогда принадлежавшее богатому родителю Хальвдана, надо разрубить, прежде нежели нас погубит

* Посещение Ингеборг в Бальдерсхаге.

** Вероятно,— Бальдер.

Эгир. Пусть на гостях увидят золото,—это прилично могучим воителям, если нам нужно будет угощение в палатах Раг“.

Бьёрн сказал: „Это еще не верно, хотя и вероятно“. Тогда Фритьоф и люди его заметили, что корабль унесло далеко вперед; но они не знали куда, ибо их отовсюду окружала мгла, так что ничего не было видно между кормой и носом за волнением и бурей, туманом и снегом и страшной стужей. Вот Фритьоф взлез на мачту и сказал своим товарищам, когда спустился: „Я видел чудное зрелище: огромный кит лег кольцом вокруг корабля; догадываюсь, что мы приблизились к какой-то земле и что он хочет помешать нам пристать; мне сдается, что конунг Хельге поступает с нами не дружески и посылает нам что-то недоброе. Вижу двух женщин на хребте кита, и они-то, конечно, вызвали эту грозную бурю своими злыми чарами и заклинаниями. Теперь мы испытаем, что сильнее—наше счастье или их колдовство; вы правьте прямо на них, а я острогами задам этим чудовищам“.—И пропел песню:

„Вижу двух колдуний на волне; их при-
слал сюда Хельге, им спину разрежет по-
полам Эллида, прежде нежели уйдет с
моря“.

Говорят, что заклинаниями была придана Эллиде чудесная способность понимать человеческую речь. Вот Бьёрн сказал: „Теперь мы увидим, каково расположение к нам братьев“,— и он бросился к рулю, Фритьоф же схватил

рогатину и побежал к носу корабля и пропел песню:

„Добро, Элида! Беги по волнам! Разбей колдуньям зубы и лоб, скулы и челости злым бабам; переломи ногу или обе этим чудовищам“.

Тут он пустил рогатиной в одну из колдуний-оборотней; передний же конец Элиды попал в спину другой, и у обеих переломан был хребет; кит же пошел поспешно ко дну, и его более не видали. Тогда ветер стал утихать, но корабль был уже полон воды. Фритьоф кликнул своих людей и велел им отливать корабль. Бьёрн заметил, что это бесполезный труд. „Берегитесь отчаиваться, побратим! — сказал Фритьоф.—Прежде водилось у храбрых людей помогать, пока есть силы, что бы потом ни случилось“. Фритьоф пропел песню:

„Нечего, храбрые мужи, опасаться смерти. Будьте веселы, дружинники мои! Мне сны предвещают, что Ингеборг будет моею“.

Между тем они отлили корабль и подошли близко к берегу, но вдруг против них опять поднялась буря. Тогда Фритьоф схватил два весла в передней части судна и стал грести ими во всю мочь.

Вот погода прояснилась, и они увидели, что приблыли к Эфьесунду, и причалили. Слутники страшно устали; но Фритьоф был так бодр, что перенес на берег восемь человек, а Бьёрн двоих, Асмунд одного. Тогда зашел Фритьоф:

„Я перенес к огню изнуренных непогодой восьмерых храбрых мужей; я сложил парус на песок, не легко бороться с морскою силою“.

ГЛАВА VII

Фритьоф у Ангантира

Ангантир был в Эфье, когда Фритьоф и его люди пристали к берегу. У Ангантира был обычай, что пока он пировал с друзьями, у окна пиршественного зала должен был сидеть один из мужей его—наблюдать погоду и быть на страже. Он должен был пить из звериного рога, и наполняли ему другой, как только один бывал выпит. Хальваром звали мужа, бывшего на страже, когда прибыл Фритьоф. Хальвар увидел прибытие Фритьофа и людей его и запел песню:

„Вижу, как в бурю мужи на Эллиде черпают воду; их шестеро, а семеро гребут; тот, который у штевня наваливается на весла, похож на смелого Фритьофа“.

И осушив рог, он бросил его в палату через окно и сказал женщине, наливавшей ему питье:

„Женщина с красивой походкой, подыми с пола выпуклый рог, опорожненный мною. Я вижу на море людей, утомленных ненастием, которым может понадобиться помощь, прежде чем достигнут гавани“.

Услышав слова, произнесенные Хальваром, ярл спросил, что случилось. Хальвар отвечал:

„Сюда прибыли какие-то люди; они очень устали, а кажется, это добрые бойцы; один из них так силен, что переносит остальных на берег“. Ярл сказал: „Подите к ним навстречу и примите их с честью, если это Фритьоф, сын Торстена херсира*, моего друга, знаменитого всякими подвигами“. Тогда заговорил муж, по имени Атле, великий викинг: „Теперь окажется, справедлива ли молва, будто Фритьоф поклялся никогда прежде другого не просить мира“.—Их было вместе десять человек, злобных и алчных берсерков; сошедшись теперь с Фритьофом и людьми его, они взялись за оружие, и Атле сказал: „Тебе, Фритьоф, лучше всего обратиться на нас: ведь, повернувшись один к другому, орлы дерутся. Вот, Фритьоф, тебе случай сдержать свое слово и не заговаривать ранее других о мире“. Фритьоф устроился на них и зашел:

„Где вам, бородатые трусы-островитяне, справиться с нами.

Чем мне просить мира, пойду один на десятерых“.

Тогда пришел Хальвар и молвил: „Ярл хочет, чтобы вы все были приняты у него с приветом, и никто не должен нападать на вас“. Фритьоф отвечает, что он охотно принимает это, но готов и на другое. После того идут они к ярлу, и принял он Фритьофа и всех людей его хорошо, и остались они у него на зиму и были хорошо почтены ярлом. Он часто рас-

* Херсир (hersir) — правитель округа.

спрашивал о их странствованиях. Бьёрн пропел песню:

„Воду отливали мы, веселые мужи, восемнадцать дней, между тем как холодные брызги обдавали нас через оба борта“.

Ярл сказал: „Конунг Хельге строил вам козни, и беда иметь дело с такими конунгами, которые только и умеют губить людей колдовством. Знаю также,—сказал Ангантир,—какое поручение дано тебе, Фритьоф: ты прислан сюда за данью, и я коротко тебе отвечу: Хельге конунг от меня дани не получит. Но у тебя будет столько денег и всякого добра, сколько тебе угодно, и ты можешь, если пожелаешь, назвать эту данью или как тебе вздумается“. Фритьоф сказал, что он готов принять деньги.

ГЛАВА VIII

Конунг Ринг получает Ингеборг

Теперь нужно сказать о том, что происходило в Норвегии после отъезда Фритьофа. Братья велели сжечь все строения во Фрамнесе; между тем колдовавшие сестры свалились с колдовских подмостков и обе переломили себе спину. В ту осень конунг Ринг приехал на север в Согн, чтобы жениться, и был великолепный пир, когда он праздновал свою свадьбу с Ингеборг. Он спрашивает Ингеборг: „Как тебе досталось доброе кольцо, что у тебя на руке?“ Она сказала, что оно прежде принадлежало отцу ее. Конунг сказал: „Это дар Фритьофа, и ты его сейчас же

сними с руки: у тебя не будет недостатка в золоте, когда ты приедешь в Альфхейм“. Тогда она отдала кольцо жене Хельге и просила передать его Фритьофу, когда он воротится. Ринг конунг отправился тогда домой с женою своею и очень полюбил ее.

ГЛАВА IX

Фритьоф возвращается с данью

Следующею весною уехал Фритьоф с Оркнейских островов, и расстались они с Ангангиром в дружбе. Хальвар отправился с Фритьофом. А когда они прибыли в Норвегию, узнал он, что жилище его сожжено, и когда он прибыл во Фрамнес, молвил Фритьоф: „Почернело мое жилище здесь, и не друзья побывали здесь“,— и он пропел песню:

„Пили раньше во Фрамнесе смелые мужи
с отцом моим. Ныне вижу я тот дом сож-
женным; я должен владыкам отплатить за
зло“.

Тогда он стал советоваться со своими мужами, что ему предпринять; но они просили, чтоб он сам подумал о том. Он сказал, что прежде всего хочет вручить дань. Они поплыли на веслах через фьорд в Сирстранд. Там услышали они, что конунги в Бальдерсхаге при жертвоприношении Дисам. Фритьоф отправился туда с Бьёрном, Хальвару же и Асмунду поручил потопить между тем все суда, большие и малые, стоявшие

поблизости; так они и сделали. Потом Фритьоф и Бьёрн пошли к воротам Бальдерсхаге. Фритьоф хотел войти. Бьёрн просил его поступать осторожно, когда он захотел войти один. Фритьоф попросил его остаться перед входом на страже и зашел:

„Один войду я в храм; не нужно мне товарищей, чтобы отыскать конунгов. Подожгите их дом, если я не возвращусь нынче вечером“.

Бьёрн отвечал: „Хорошо сказано!“ Затем Фритьоф вошел и увидел, что в палате Дис не много народу. Конунги были при жертвоприношении Дисам, сидели и пили. На полу был разложен огонь, а перед огнем сидели женщины и грели богов; другие мазали их и тканями вытирали. Фритьоф подошел к конунгу Хельге и сказал: „Теперь ты, конечно, желаешь получить дань“. Тут он замахнулся кошельком, в котором было серебро, и ударил конунга по носу так сильно, что у него вывалилось изо рта два зуба, а сам он упал с сидалища в беспомощности. Хальвдан подхватил его так, что он не упал в огонь. Тогда Фритьоф пропел песню:

„Возьми ты дань, вождь бойцов, передними зубами, если ничего лучшего не требуешь; серебро лежит на дне этого кошелька, который мы с Бьёрном вместе добыли“.

В той палате было не много людей, потому что пили в другом месте. Отходя от стола, Фритьоф увидел дорогое кольцо на руке у жены Хельге, которая грела Бальдера перед огнем.

Фритьоф схватил кольцо, но оно крепко держалось у нее на руке, и он потянул ее по полу к двери; тогда Бальдер упал в огонь. Жена Хальвдана быстро схватила ее, и тогда бог, которого она грела, также упал в огонь. Пламя охватило обоих богов, перед тем обмазанных, и потом ударило в крышу, так что весь дом запылал. Фритьоф завладел кольцом, прежде чем он вышел. Тогда Бьёрн спросил его, что случилось при нем в храме, а Фритьоф поднял кольцо и пропел песню:

„Хельге получил удар, кошелек полетел ему в лицо, брат Хальвдана свалился с почетного места. Бальдер начал гореть, но кольцо я наперед взял. Потом выгацил я, нагнувшись, быстро сгорающую головню из огня“.

Люди говорят, что Фритьоф закинул горящую головню на покрытую берестой кровлю, так что зал (храм) запылал весь. И он запел песню:

„Поспешим к берегу, потом великое предпримем; синее пламя распространяется по Бальдерсхаге“.

Затем они пошли к морю.

ГЛАВА X

Бегство Фритьофа из отечества

Только что конунг Хельге опомнился, послал он погоню за Фритьофом и велел убить его со всеми его спутниками: „Тот заслужил смерть,

кто не чтит никакой святыни“. Трубою созвана была придворная челядь *. Когда они выходили из палаты, то увидели, что вся она пылала. Конунг Хальвдан отправился туда с частью войска, а конунг Хельге пустился за Фритьофом и его спутниками; но те были уже на корабле, который качался, отплывая. Тут конунг Хельге и мужи его заметили, что все их суда повреждены; они должны были возвратиться к берегу и потеряли несколько человек. Конунг Хельге был так разгневан, что пришел в бешенство. Он стал натягивать свой лук и, положив стрелу на тетиву, хотел выстрелить в Фритьофа, но так напрягал силы, что обе дуги разлетелись в куски. Увидев это, Фритьоф схватил два весла на Эллиде и принялся грести с таким напряжением, что оба они также переломились, и он запел песню:

„Я деловал молодую Ингеборг, дочь Беле,
в Бальдерсхаге; весла на Эллиде переломились
точно так же, как лук Хельге“.

После того подул ветер с земли вдоль фьорда; они подняли паруса и поплыли; Фритьоф сказал им, чтоб они постарались не слишком долго пробыть там. Они поплыли вдоль Согнского залива, и Фритьоф пропел песню:

„Плыли мы из Согна. Так ехали мы
прошлый раз. Тогда разыгрался огонь в усадьбе
нашей, а теперь разгорается костер по-

* Hird — гридь, двор конунгов, дружина.

среди роши Бальдера. За это буду волком *, верно; знаю, так будет провозглашено“.

Бьёрн сказал Фритьофу: „Что теперь предпримем, побратим?“—„Не останусь я здесь в Норвегии. Хочу я испытать образ жизни воителей и плавать викингом“. После того они летом посетили острова и шхеры и добыли себе много имущества и славы; осенью же отправились они на Оркнейские острова, и Ангантир принял их хорошо, и они там зимовали.

Когда Фритьоф уехал из Норвегии, конунги держали тинг и объявили его изгнанным из всех своих владений и присвоили себе всю его собственность. Хальвдан конунг поселился во Фрамнесе и снова выстроил двор на место сожженного. И таким образом они все восстановили в Бальдерсхаге; но много прошло времени, прежде нежели огонь был потушен. Хельге конунгу было всего большее, что боги сгорели. Много стоило издержек, чтобы храм Бальдера возобновить совершенно в прежнем виде. Конунг Хельге стал жить в Сирстранде.

ГЛАВА XI

Фритьоф у конунга Ринга и Ингеборг

Фритьофу легко доставались богатство и почет, куда он ни ездил. Убивал злодеев и свирепых викингов, но бондов и купцов он оставлял

* *Vargr i veum* — так назывался осквернивший святыню храма.

в покое. Был он тогда снова прозван Фритьофом Смелым. У него собралась большая надежная дружина, и стал Фритьоф очень богат движимым имуществом. А когда Фритьоф проплавал четыре зимы викингом, отправился он на восток и остановился в Вике*. Тогда сказал Фритьоф, что он собирается выйти на сушу, „а вы отправляйтесь в поход на зиму, так как мне начинают надоедать походы. Поеду я в Уплэнд и повидаюсь с конунгом Рингом. А вы встречайте меня здесь к легу, а я приеду сюда в первый летний день“. Бьёрн промолвил: „Это намерение неразумно, но все же поступай по своей воле. Хотел бы я, чтобы мы отправились на север в Согн и убили обоих конунгов, Хельге и Хальвдана“. Фритьоф ответил: „Ни к чему это, и хочу я более поехать и навестить Ринга конунга и Ингеборг“. Бьёрн сказал: „Не расположен я к тому, чтобы ты подвергался опасности, один попавши в его власть, так как Ринг умен и знатен родом, хотя он и довольно стар“. Фритьоф сказал, что он позаботится о себе, „а ты, Бьёрн, позаботься между тем о людях“. Они сделали, как он приказал.

Осенью Фритьоф поехал в Уплэнд, так как он хотел увидеть любовь Ринга конунга и Ингеборг. Перед приездом туда он надел сверх платья широкую шубу и был весь космат; у него были две палки в руках, а на лице маска, и он притворился очень старым. Потом встретил он мальчиков-пастухов, приблизился нерешительно

* Vik — взморье перед Осло. Впрочем, так назывались и некоторые другие места в южной Норвегии.

и спрашивает: „Откуда вы?“ Они ответили: „Мы живем в Стрейталанде, близ конунгова жилища“. Старик спрашивает: „Что, Ринг—могущественный конунг?“ Они отвечали: „Нам кажется, ты уже так стар, что мог бы и сам знать все, что касается конунга Ринга“. Старик сказал, что он более заботится о выварке соли, чем о делах конунгов. Потом он отправился к палате и под вечер вошел в палату и представился очень жалким и, заняв место у двери, надвинул кашпо на голову и спрятался под ним. Ринг конунг молвил Ингеборг: „Там вошел в палату человек, ростом гораздо выше других“. Королева отвечает: „Тут нет ничего необыкновенного“. Тогда конунг сказал молодому служителю, стоявшему у стола: „Поди спроси, кто этот человек в шубе, откуда он и какого он рода“. Юноша побежал к прищельцу и сказал: „Как тебя зовут, старик? Где ты ночевал, откуда ты родом?“ Человек в шубе отвечал: „Много зараз ты спрашиваешь, юноша, но сумеешь ли отдать отчет во всем, что я тебе скажу?“—„Сумею“,—отвечал тот. Человек в шубе сказал: „Тьофом (Вором) меня зовут; у Волка был я этой ночью, а в Скорби был я вскормлен“. Слуга побежал к конунгу и передал ему ответ прищельца. Конунг сказал: „Ты хорошо понял, юноша! Я знаю округ, который зовут Скорбь, возможно также, что этому человеку невесело жить на свете. Он, наверное, умный человек и мне нравится“. Королева сказала, что странен такой обычай, „что ты столь охотно разговариваешь со всяким, кто сюда придет. Чего же в этом человеке хорошего?“ Конунг молвил:

„Тебе это не лучше известно. Я вижу, что он думает про себя более, чем говорит, и зорко осматривается кругом“. После того конунг велел подозвать его к себе, и человек в шубе приблизился к конунгу, совершенно сгорбившись, и приветствовал его тихим голосом. Конунг сказал: „Как зовут тебя, великий муж?“ Человек в шубе в ответ процел песню:

„Меня звали Фритьофом—когда я ездил с викингами; Хертьофом*—когда я огорчал вдов; Гейртьофом—когда метал копьа; Гунтьофом—когда ходил в бой; Эйтьофом—когда опустошал острова; Хельтьофом—когда хватал младенцев; Вальтьофом—когда побеждал мужей. После того скитался я с соловарами, нуждаясь в помощи перед приходом сюда“.

Конунг молвил: „От многого принял ты название вора (тьофа), но где ты ночевал и где твое жилище? где ты вскормлен и что привело тебя сюда?“ Человек в шубе отвечает: „В Скорби я вскормлен, у Волка я ночевал, желание привело меня сюда, жилища не имею“. Конунг ответил: „Может быть, ты несколько времени питался в Скорби, но возможно также, что ты родился в Мире**. Ты должен был ночевать

* Здесь следует целый ряд имен, составленных из слова Тьоф (thiofr) и другого, намекающего на воинственный характер викинга: Herthjofr, Geirthjofr, Gunthjofr, Eythjofr, Helthjofr, Valthjofr. Вот значение первой половины этих имен: her — рать, geir — копье, gunn — битва, ey — остров, Hel — богиня смерти, val — павшие в битве.

** Fridh — мир.

в лесу, ибо здесь поблизости нет поселянина, которого звали бы Волком. А что ты говоришь, будто у тебя нет жилища, так это, может быть, потому, что оно для тебя мало имеет цены в сравнении с желанием, привлечшим тебя сюда“. Тогда промолвила Ингеборг: „Поди, Тьоф, на другое угощение или в людскую“*. Конунг сказал: „Я уж достиг таких лет, что сам могу назначать место своим гостям. Скинь с себя шубу, пришелец, и садись по другую сторону возле меня“. Королева отвечает: „Да ты от старости впал в детство, что сажаешь нищих подле себя“. Тьоф молвил: „Не подобает, государь; лучше сделать так, как говорит королева, ибо я более привык варить соль, нежели сидеть у вождей“. Конунг сказал: „Сделай, как я приказываю, ибо хочу поставить на своем“. Тьоф сбросил с себя шубу, и был под нею темносиний кафтан, и на руке доброе кольцо; стан был обтянут тяжелым серебряным поясом, за которым был большой кошель с светлыми серебряными деньгами, а на бедре висел меч. На голове он носил большую меховую шапку; у него были очень глубокие глаза и все лицо обросло волосами. „Вот так лучше,— говорит конунг.—Ты, королева, припаси ему хороший и приличный плащ“. Королева сказала: „Ваша воля, государь! а мне дела нет до этого Тьофа(вора)“. Потом ему принесли прекрасный плащ и посадили его на почетное место возле конунга. Королева покраснела как кровь, когда увидела доброе кольцо; однакож

*. Gestaskali — особое строение, бывшее у богатых людей, куда отсылались незначительные гости, которых не принимали в главной палате.

не захотела ни единым словом обменяться с гостем. Конунг же был очень ласков к нему и молвил: „У тебя на руке доброе кольцо, и, конечно, ты долго варил соль, чтобы добыть его“. Тот отвечал: „Это—все мое наследство после отца“.—„Может быть,—сказал конунг,—у тебя не более этого, но я думаю, что мало равных тебе соловаров, если только старость не слишком затемняет глаза“.

Тьоф прожил там всю зиму и был радушно угощаем и всеми любим; он был ласков и весел со всеми. Королева редко с ним говорила, но конунг всегда был к нему приветлив.

ГЛАВА XII

Конунг Ринг едет в гости

Случилось однажды, что Ринг конунг собрался ехать на пир, а также и королева, со многими мужами. Конунг сказал Тьофу: „Хочешь ли ты ехать с нами или останешься дома?“ Тот отвечал, что лучше поедет. „Это мне более нравится“,—сказал конунг. Они отправились и в одном месте должны были ехать по льду. Тьоф сказал конунгу: „Лед кажется мне ненадежен, и мы здесь неосторожно поехали“. Конунг сказал: „Часто бывает видно, что ты о нас заботишься“. Вскоре лёд под ними проломился. Тьоф подбежал и рванул к себе повозку со всем, что было на ней и внутри ее. Конунг и королева сидели в ней оба; все это и лошадей, запряженных в повозку, он вытащил на лед. Ринг

конунг сказал: „Ты славно вытащил нас, и сам Фритьоф Смелый не сильнее потянул бы, если б он был здесь; вот каково иметь удалых спутников“. Приехали они на пир; там ничего особенного не случилось, и конунг отправился домой с почетными дарами.

ГЛАВА XIII

Конунг Ринг в лесу

Проходит зима, и когда наступает весна, погода начинает улучшаться и лес зеленеть, а трава расти, и корабли могут ходить между странами.

Однажды конунг Ринг говорит своим людям: „Желаю, чтобы вы сегодня поехали со мною в лес погулять и полюбоваться прекрасными местами“. Так и сделали; множество людей отправилось с конунгом в лес. Случилось, что конунг и Фритьоф очутились вместе в лесу вдали от других мужей. Конунг говорит, что чувствует усталость: „Хочу соснуть“. Тьоф отвечает: „Поезжайте домой, государь! это знатному мужу приличнее, чем лежать под открытым небом“. Конунг молвил: „Этого бы мне не хотелось“. Потом он лег на землю и крепко уснул и громко захрапел. Тьоф сидел около него и вынул меч из ножен и бросил его далеко прочь от себя. Через несколько мгновений конунг приподнялся и сказал: „Не правда ли, Фритьоф, что многое приходило тебе на ум, против чего ты однакож устоял? За это будет тебе у нас большой почет.

Я тотчас же узнал тебя в первый вечер, когда ты вошел в нашу палату, и мы не скоро тебя отпустим; может быть, тебе предстоит здесь что-нибудь великое“. Фритьоф сказал: „Угощали вы меня, государь, хорошо и приветливо, а теперь мне в путь пора скорее, так как дружина моя придет вскоре ко мне навстречу, как я раньше распорядился“. Затем они верхом поехали домой из лесу. К ним присоединилась челядь конунга, и они возвратились в палату и пировали вечером. Тогда народу стало известно, что Фритьоф Смелый прогостил у них зиму.

ГЛАВА XIV

Фритьоф получает Ингеборг

Однажды рано утром послышался стук в дверь палаты, где спали конунг и королева и многие другие мужи. Конунг спросил, кто там стучится. Сказал тот, кто был снаружи: „Это Фритьоф; и готов я к отъезду“. Тогда дверь отворили и вошел Фритьоф и пропел песню:

„Теперь поблагодарю тебя, ты щедро угощал кормящего орлов*; храбрый муж собрался в дорогу. Буду помнить Ингеборг, покуда оба мы живы; пусть здравствует она! вместо поцелуя дать сокровище—так ков наш жребий“.

* „Кормящий орлов“ (ara nistir) — воин.

Тогда он бросил Ингеборг доброе кольцо и просил ее принять его. Конунг улыбнулся этой песне и сказал: „Так вот ее благодарят за зимовку более, нежели меня, хотя она и не была к тебе ласковее, чем я“. После того конунг послал своих служителей за напитками и яствами и сказал, чтобы все ели и пили перед отъездом Фритьофа. „Сядь и ты, королева,—сказал он Ингеборг,—и будь весела“. Она возразила, что не может есть так рано. Конунг сказал: „Мы все вместе будем теперь есть“. Так и сделали. Когда они попили несколько времени, тогда молвил Ринг конунг: „Я бы желал, чтоб ты здесь остался, Фритьоф, потому что мои сыновья по возрасту еще дети, а я уже стар и не в состоянии защищать страну, если б кто пошел на нее войною“. Фритьоф сказал: „Тотчас должен я ехать, государь“, и запел песню:

„Живи ты, конунг Ринг, счастливо и долго,
славнейший владыка под покровом вселенной*.
Храни, вождь, супругу и край; мне
с Ингеборг уже не видаться“.

Тогда запел Ринг конунг:

„Не уезжай так отсюда, Фритьоф, дорогой
воитель, с мрачной душою. Я воздам
тебе за твои дары лучше, нежели ты сам
ожидаеть“.

И еще пропел он:

„Я отдаю славному Фритьофу жену, а с
нею и все мое имущество“.

* Т. е. под небом.

Фритьоф подхватил и зашел:

„Я не приму твоих даров, если у тебя, властитель, нет смертельной болезни“.

Конунг сказал: „Я бы тебе не предлагал того, если б не чувствовал, что это так. Я болен и тебе предпочтительно предоставляю эти дары, потому что ты лучше всех мужей в Норвегии. Передаю тебе также и имя конунга, потому что братья ее не предоставят тебе такой чести и не дадут тебе такой жены, как я“. Фритьоф сказал: „Великая благодарность вам, государь, за ваше благодеяние, которое более, чем я ожидал. Но я удовольствуюсь именем ярла, высшего сана не желаю“. Тогда конунг Ринг, ударив по рукам, передал Фритьофу господство над страной, которою он владел, а с тем вместе и имя ярла: Фритьоф должен был править, пока сыновья конунга Ринга достигнут совершеннолетия и будут способны сами управлять своею областью.

Ринг конунг лежал недолго, и когда он скончался, был великий плач по нем в государстве. Потом был насыпан курган над ним, и много имущества было положено туда по его повелению. Потом Фритьоф устроил роскошный пир, когда прибыли мужи его. Тут отпраздновали разом и тризну Ринга, и свадьбу Фритьофа с Ингеборг. После этого Фритьоф сел там править государством и стал знаменитым мужем. Они с Ингеборг имели много детей.

ГЛАВА XV

О Фритьофе и братьях Хельге и Хальвдане

Согнские конунги, братья Ингеборг, услышали весть, что Фритьоф имел власть конунга в Рингарике и женился на Ингеборг, их сестре. Хельге сказал Хальвдану, брату своему, что это необычайное и дерзкое дело, что она досталась сыну херсира. Они собирают большую рать и идут с нею в Рингарике и намереваются убить Фритьофа и покорить его государство. Узнав это, Фритьоф собрал войско и сказал королеве: „Новая война посетила наше государство; чем бы она ни кончилась, мы не желаем видеть вас недовольною“. Она отвечает: „Допло до того, что мы желаем тебе первенства (победы)“. Тогда Бьёрн прибыл с востока на помощь Фритьофу. Потом пошли они на войну. И было попрежнему: Фритьоф был первым в опаснейших схватках. Он держал единоборство с Хельге конунгом, и Фритьоф убил его. Тогда Фритьоф велел выставить щит мира, и война прекратилась. Фритьоф сказал Хальвдану конунгу: „Предлагается тебе одно из двух важных условий: либо все предоставить в мою власть, либо принять смерть, как твой брат; кажется, мне более удачи, нежели вам“. Тогда Хальвдан избрал первое условие: подчинить себя и свое государство Фритьофу. Вот и стал Фритьоф господствовать над Сигнафильке, Хальвдан же должен сделаться херсиром в Согне и платить Фритьофу дань, пока тот управлял Рингарике. Потом

Фритьоф получил имя конунга в Сигнафилькё, после чего он передал Рингарике сыновьям конунга Ринга, а после того покориł себе Хордаланд*. У них (у Фритьофа с Ингеборг) было двое сыновей, Гунтьоф и Хунтьоф. Стали оба они знаменитыми мужами. И здесь заканчивают ныне сагу о Фритьофе Смелом.

* Землю к югу от Согна.

КОММЕНТАРИИ

От переводчиков „Саги о Фриттофе“

Основная задача, которую ставили себе переводчики „Саги“, заключалась в том, чтобы передать как можно точнее яркие, своеобразные и тонкие образы Тегнера. Большое значение придавали переводчики также и синтаксическому и ритмическому построению стиха, поскольку оно выполняло определенную художественную функцию и являлось, следовательно, элементом образа.

Ради осуществления этой главной задачи приходилось часто жертвовать качеством рифмы—там, разумеется, где не представлялось возможным совместить и то и другое.

Хотя изысканная рифма вообще несвойственна Тегнеру и применение ее, удовлетворяя, быть может, требованиям современного русского поэтического языка, нарушило бы стиль „Саги“, но рифма точная и полная типична для Тегнера и должна была бы, казалось, быть обязательной и для переводчиков. Тем не менее в тех случаях, когда воспроизвести образ можно было, только допуская глагольные и подобные им бедные или неточные рифмы, когда богатая и интересная рифма требовала изменения образа или хотя бы его синтаксической динамики,— переводчики

всегда решали дело в пользу образа, считая, что обеднение рифмы является меньшим злом, чем обеднение образа. (В 20-й песни, например, значительное количество рифм заменено ассонансами.)

Переводчики стремились избежать недостатков перевода Грота (1-е изд. вышло в 1841 г.), который не всегда достаточно бережно относится к образу. Он употребляет, например, то или иное из возможных наименований действующего лица, не считаясь с тем, какое значение в построении образа имеет данное наименование у Тегнера.

Так, в 8-й песни Фритьоф называет Ингеборг то „сестрой Хельге“, то „дочерью Беле“, и этим противопоставлением Тегнер характеризует настроения Фритьофа. Грот сохраняет „сестру Хельге“, но выпускает „дочь Беле“. Или в 17-й песни Тегнер везде именуется Ингеборг „королевой“, „супругой короля“ и т. п. и только в последней строке, называя ее собственным именем — „И с Ингеборг прекрасной уснул король седой“, — напоминает, что жена Рипга — та самая Ингеборг, которую любит Фритьоф.

Художественное значение такого приема очевидно. Грот не учитывает этого и имя Ингеборг употребляет с самого начала, в конце же, как раз там, где существенно другое, называет ее „прекрасною женой“ (ср. также приведенную ниже 1-ю строфу 1-й песни, где Грот предвосхищает противопоставление Ингеборг и Фритьофа как розы и дуба).

Так же обстоит дело у Грота и с синтаксисом. В 16-й песни, например, на жалобы Фритьофа Бьёрн отвечает двумя сильными и краткими фразами: „Море прекрасно, упрек незаслужен...“ (буквальный перевод: „Море хорошо, на него ты не можешь жаловаться...“). Грот же эти две напряженных синтаксических волны сливает в одну растянутую, ослабляя этим их силу, характерную для всего образа Бьёрна: „Нет, ты напрасно на море не сетуй...“

В 19-й песни ответ Фритьофа на упреки Рипга начинается следующей строкой: „Нет,— ответил Фритьоф мрачно,— я не шел к тебе как тать...“ (буквально: „Нет,— отвечает Фритьоф мрачно,— не как вор пришел я к тебе“). Отрицание выдвинуто на первое место, предшествует всему дальнейшему и

отделено от него словами автора; таким образом подчеркивается сила отрицания, оно приобретает особый смысл. Грот не замечает этого: „Не как вор пришел я,— мрачно молвил Фритьоф...“

Подобных примеров можно было бы привести множество.

В настоящем переводе полностью выдержан размер подлинника. Каждая из двадцати четырех песней имеет у Тегнера особую форму, и эту форму, как наиболее совершенно выражающую содержание, переводчики воспроизводили во всех ее элементах.

В песнях, разбитых на строфы, сохранено число строф и число строк в строфе, в песнях сплошных — общее число строк; везде выдержан стихотворный размер строки и ее длина.

Перевод Грота сделан в этом отношении не вполне точно. В нестрофичных песнях он увеличивает количество строк (например, в 8-й песни прибавлено двадцать четыре строки, в 14-й — тринадцать строк), вместе с тем выкидывая отдельные места песни и за их счет растягивая другие (например, в 24-й песни совершенно выпущены пять строк (108—112), в то же время вместо трех с половиною строк (конец 96—99) у Грота пять, и т. д.

Грот часто удлинняет короткие строки — например, в 4-й и 5-й песнях, где они чередуются с длинными: В 4-й песни у Грота:

Но скальдов хваленья (два амфибрахия)
Не слушает Фритьоф, ему не до пеня.

В предлагаемом переводе (в соответствии с подлинником):

Но он похвальной (ямб и амфибрахий)
Не внемлет песни, сидит печальный.

В 5-й песни у Грота:

Страна его рощей святою была,
Где стука оружия не слышно (три амфибрахия).

В предлагаемом переводе:

Был край его рощей, где боги живут,
И меч кровавый... (ямб и амфибрахий).

Такое нарушение общего ритма строфы и самого стихотворного размера строчки проводится у Грота как правило в указанных песнях.

В коротких строчках 10-й песни у Грота часто выпадает важное ударение на 3-м слоге, которое никогда не выпадает у Тегнера, придавая стиху особую динамику:

Пением из волн
Злых чудовищ звал...

В соответствии с подлинником у переводчиков:

Омрачен душой,
Пел и троллей молил.

Не везде сохраняет Грот и характер рифмовки, всегда имеющий свое художественное значение.

В 1-й песни у Тегнера рифмы смежные: две мужских, две женских; Грот дает перекрестные, начиная с женской:

В своей долине Гильдинг честный
Дубок и розу воспитал;
Еще такой четы прелестной
Дотоле Север не видал... (1-я строфа).

В 14-й песни Грот передает белыми стихами заключительное прощанье Фритьофа. Каждая из шести строф этого прощанья заканчивается словами: „Farväl, farväl!“ Тегнер три раза дает рифму väl (хорошо), два раза sjä́l (душа) и один раз skäl (основание). Чтобы передать этот рефрен, переводчики принуждены были четыре раза использовать повелительное наклонение и два раза слово „край“. (Более поэтическое „прости“ сделало бы рифмовку в данном контексте и при данном размере строки невозможной.)

В 15-й песни Грот вводит в строку внутреннюю рифму, отсутствующую у Тегнера и делающую стих грубо разделенным на отдельные отрезки.

В этой песни у Тегнера имеется основная постоянная цезура после четвертой стопы, а в 1-й части песни, где излагается четкий и суровый устав викинга,— и вспомогательная после второй стопы, делающая стих сильным и лаконичным. Во 2-й, лирической, части вспомогательная цезура нередко

отсутствует, чем усиливается контраст двух частей песни.

При переводе 3-й песни переводчики следовали, подобно автору, законам классического гекзаметра и не допускали цезуры на конце стопы. Давая строчки с двумя цезурами (необязательно там, где подобные строки стоят у автора), переводчики считали правильным помещать вспомогательную цезуру и после первого, и после второго слога второй стопы, поскольку именно так поступает Тегнер.

Грот неоднократно ставит основную цезуру после стопы:

Вот под курганы посажены || Бел державный и Тор-
степ...

В песнях, где у Тегнера постоянным является только количество ударений в строке и меняется их место и количество слогов, переводчики не считали себя обязанными точно воспроизводить в каждой своей строке построение соответствующей строки подлинника.

Положив в основу данное количество ударений, переводчики, подобно Тегнеру, свободно обращались с количеством безударных слогов и местом ударений, следя лишь за тем, чтобы сохранялся общий тип строки, употребляемый в соответствующей песни.

Там, где распределение материала по строкам обусловлено художественным замыслом автора и, следовательно, является существенным, переводчики в одну строку русского текста вкладывали содержание одной строки подлинника. Так, например, в 8-й песни есть место, где каждая реплика Ингеборг и Фритьофа (за исключением двух первых) занимает ровно одну строку:

Ингеборг

Должны расстаться мы.

Фритьоф

Зачем должны?

Затем, что ночь без сна твой дух смутила?

Ингеборг

Затем, чтоб честь мою спасти с твоей.

Ф р и т ь о ф

Честь женщины — в любви мужчины верной.

И н г е б о р г

Кратка любовь его без уваженья. (и т. д.)

У Грота не везде выдержано такое распределение реплик:

И н г е б о р г

Должны расстаться.

Ф р и т ь о ф

Почему ж должны?

Не потому ль, что ты бессонной ночью
Расстроена?

И н г е б о р г

Нет, потому, что должно
Нам сохранить достоинство свое.

Ф р и т ь о ф

Вам, женщинам, достоинство дается
Лишь нашею любовью.

И н г е б о р г

Не прочна
И самая любовь без уваженья.

(Далее у Грота правильно.)

В конце 16-й песни так же строго симметрично расположены реплики Фригтьофа и Бьёрна, что опять-таки не вполне передано Гротом.

Что касается языка, то переводчики сознательно употребляли архаизмы, поскольку их употребляет сам Гегнер, но избегали таких слов, как „витязь“, „богатырь“, „молодец“, „царь“ и т. п., которые слишком тесно связаны с русской народной поэзией и потому придали бы „Саге“ несколько фальшивую окраску.

В передаче собственных имен переводчики также старались избегать чрезмерной руссификации. Поэтому в переводе склоняются только те имена, ко-

торые по своему именительному падежу естественно укладываются в русское склонение, т. е. мужские на согласную (как Fritiof — Фритьоф) и женские на а и я (как Freja — Фрея). Такие же имена, как Bele (мужск. р.), Ingeborg (женск. р.), в переводе не склоняются, так как для подведения их под русские типы склонения пришлось бы исказить их, употребляя в именительном падеже (как это делает Грот) Бел вместо Беле, Ингеборга вместо Ингеборг и т. д.

Некоторые имена встречаются у Тегнера в различных вариантах: Ингеборг и Ингборг, Вáлхалла и Валхáлла и т. п., причем употребление того или другого варианта определяется исключительно стихотворной формой. Переводчики считали себя вправе поступать так же, как автор.

В передаче древне-скандинавских мифологических имен Тегнер не придерживается какого-либо определенного принципа: некоторые он берет в их средне-исландской форме, сохраняя окончание именительного падежа — ur во всех падежах (Surtur, Hildur), некоторым же он придает шведский облик (Balder вместо древне-исландского Baldr, позднейшего Baldur). Поэтому переводчики не считали необходимым принять одну определенную систему: в некоторых случаях избранные Тегнером формы удержаны в переводе, в других же они заменены более распространенными или же более близкими к древне-скандинавским (Один вместо Oden, Од вместо Óder).

Песни 1, 2, 3, 5, 6, 7, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 24 переведены Б. Ю. Айхенвальдом, песни 4, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 21, 23 — А. И. Смирницким. Но поскольку общие принципы перевода были выработаны совместно и работа велась в непрерывном контакте (каждая строчка обсуждалась и „утверждалась“ сообща), постольку оба переводчика принимают на себя ответственность за весь перевод в целом.

*Б. Айхенвальд
А. Смирницкий*

„Сага о Фритьофе“

„Сага о Фритьофе“ была закончена Тегнером к 1825 году, когда она и была напечатана впервые полностью: до этого отдельные песни печатались в журнале „Идуна“.

Основным источником поэмы Тегнера является древне-исландская сага о Фритьофе Смелом. Кроме нее, Тегнер использовал отчасти некоторые другие исландские саги, а также и отдельные песни „Эдды“.

Исландская сага о Фритьофе в своей древнейшей, дошедшей до нас, форме сложилась, повидимому, в конце XIII или в начале XIV века. В XV веке она подверглась дальнейшей обработке, в которой и получила наибольшую известность. При ссылках на исландскую сагу здесь и будет иметься в виду эта позднейшая, более полная редакция „Саги о Фритьофе Смелом“ (см. Приложения, стр. 272).

Вопрос о том, имеет ли исландская сага о Фритьофе какую-либо историческую основу или нет, не вполне ясен; скорее всего, ее содержание является чистым вымыслом. Однако место действия обозначено в ней вполне конкретно — область Согн в Норвегии, Оркнейские острова, Рингарике, а некоторые обстоятельства позволяют установить и его время:

с одной стороны, Оркнейские острова уже заселены скандинавами, с другой стороны, в Норвегии еще существуют независимые областные конунги (короли). Так как скандинавы завладели Оркнейскими островами в VIII веке, а областные конунги были подчинены Харальдом Прекрасноволосым (Haraldr Hárfagri) во второй половине IX века, то время жизни Фритьофа следует относить к концу VIII — к началу IX века.

Заглавие

Сага о Фритьофе в шведском подлиннике носит название „Fritiofs Saga (Fritiofssaga)“, т. е. „Сага Фритьофа“: употребление родительного падежа имени главного героя при словах „сага“, „песнь“, и т. п. типично для древне-скандинавской литературы, но сохранить родительный падеж в русском переводе вряд ли было бы возможно, так как он неминуемо воспринимался бы, как имя автора. Исландская сага известна под заглавием „Fridhthjófs saga ins frækna“ (Сага Фритьофа Смелого) или „Saga af Fridhthjófinum frækna“ (Сага о Фритьофе Смелом).

Фритьоф. — Это имя, представляющееся теперь простым, по своему происхождению — сложное: древне-скандинавское (исландск.) Fridhthjófr состоит из двух частей: fridh — „мир“ (покой) и thjófr — „вор“, и таким образом, значит „Вор мира“.

Песнь 1

Этой песни в исландской саге соответствует всего несколько строк, а именно: „Ингеборг была хороша собой и разумна. Она была лучшее дитя конунга*. Торстен от жены своей имел сына, которого звали Фритьоф. Он был из всех мужей самый рослый и сильный и был хорошо подготовлен к доблестным делам уже в юности.— Хильдингом звали доброго бонда (землевладельца) в Согне. Он вызвался взять на

* Конунг — король, см. ниже, 31.

воспитание дочь конунга. Ее прозвали Ингеборг Прекрасной. Фритьоф был также на воспитании у бонда Хильдинга...—...казалось им (сыновьям конунга), что Ингеборг, сестра их, и Фритьоф имели склонность друг к другу“.

2. * *С заботой отчей*...— Богатые и знатные скандинавы нередко отдавали своих детей на воспитание (fóstr) родным или друзьям, обычно стоявшим ниже по своему социальному положению, чем сами родители. Хильдинг и был таким воспитателем (шведск. fostrare), или „отцом по воспитанию“ (fosterfader) Фритьофа и Ингеборг. Связь между воспитателем и его питомцем часто сохранялась на всю жизнь. Подобрать достаточно подходящее слово для перевода fostrare, fosterfader не представлялось возможным.

22. *Фрея* (древне-исландск. Freya) — богиня плодородия, любви и красоты, принадлежащая к особому племени богов — ванов, — дочь Ньорда и сестра бога *Фрея* (см. прим. к Песни 2-й, 156). Она — прекраснейшая из богинь, и ее называют „Блестанием моря“ (Mardöll). Ее красота делается еще более ослепительной благодаря сверкающему ожерелью Брисингов (Brisingamen), которое выковали для нее искусные карлы. Фрея обитает в Фолькванге. Она выезжает верхом на чудесном вепре. *Один* (см. ниже, 125) уступает ей половину бойцов, павших на поле битвы, которых она принимает в своем чертоге. Там же пребывают после смерти и благородные, высокодобродетельные женщины. Фрея — обладательница соколиного облачения, в котором она летает по воздуху. Разыскивая своего возлюбленного Ода (древне-исландск. Odhr), облетала она на крыльях сокола всю вселенную, плача в своей скорби золотыми слезами. Фрея известна только скандинавской мифологии. Ее имя значит „госпожа“ (ср. немецк. Frau).

27. *Эльфы* (или *альфы*) — существа, населяющие, по верованию германцев, всю природу. Эльфы обычно разделяются на темных и светлых. Тегнер имеет в виду последних. Светлые эльфы необыкновенно

* Цифры в начале примечаний являются ссылкой на соответствующую строку каждой песни текста.

красивы; они нередко играют на лесных полянах, на берегах рек, в покрытых туманом долинах,— чаще всего ночью, при свете луны, и люди иногда видят их и слышат их чарующие, манящие голоса. Являясь духами природы, светлые эльфы, по скандинавской мифологии, имеют и свой особый мир — Альфхейм. Из всех мифологических существ они наиболее близки богам. К людям они относятся дружелюбно и нередко помогают им.

30. *Руны* — древне-германские письменные знаки. Они возникли, повидимому, из греческих и, отчасти, латинских курсивных букв, с которыми познакомились готы на побережье Черного моря еще во II веке нашей эры. Многие буквы изменились у германцев почти до неузнаваемости, приобретя угловатые, острые формы, и некоторые из них получили новые звуковые значения применительно к звуковым особенностям германских языков. От готов руны быстро распространились на Север. Тогда как у других германцев руны сравнительно рано были вытеснены латинским письмом, у скандинавов они применялись долгое время и после введения латинского алфавита, а в отдельных местностях Скандинавии знание рун сохранялось до нашего времени.

Первоначальный рунический алфавит состоял из двадцати четырех знаков, но к IX веку он сократился в Скандинавии до шестнадцати знаков. Каждая руна имела свое особое название. Руны вырезались на специальных брусках, на оружьи, на украшениях, амулетах, на разного рода домашней утвари, а также высекались на памятниках и на могильных камнях. Сначала они употреблялись для письменных сообщений, а позднее как магические знаки — для ограждения от злых духов, для гадания и т. п. Владение рунами было в значительной мере привилегией военно-землеладельческого класса*, знанию рун придавалось огромное значение, и человек, умевший пользоваться ими, внушал к себе уважение, смешанное со страхом.

31. *Конунг* — король. До 70-х годов IX века каждая небольшая область Норвегии имела своего независи-

* Ср. „Эдда“, Сказание о Риге (Rigsthula).

мого конунга, так называемого филкисконунга (fylkiskonungr), т. е. областного короля. Власть конунга была ограничена собранием свободных землевладельцев, которое и выбирало или, вернее, утверждало нового конунга по предложению родовитых крупных землевладельцев. Фактически власть конунга определялась его богатством и величиной дружины, которую он мог содержать. Могущественному конунгу было нетрудно удержать власть в своем роде; обедневший, слабый конунг мог иметь в своей стране не большее значение, чем иной богатый землевладелец. Во всяком случае, род конунга считался знатнейшим и возводился к какому-либо богу.

67. *Валхалла*, или *Válhalla* („Палаты павших бойцов“) — палаты Одина, где собираются все боги и куда вступают после смерти герои, павшие на поле битвы (см. ниже, 125 — *Один*). Первоначально владения Одина представлялись подобными подземным владениям *Хель* (см. ниже, 90). Они находились в горе, куда Один увлекал свои жертвы. Попасть туда не было особенно заманчивым. Представление о Валхалле, как о месте блаженства, сложилось лишь в эпоху викингов (с VIII века, см. прим. к Песни 3, 33), когда смерть в бою стала „привилегированной“ смертью, требовавшей себе особой награды. Жертвы Одина превратились в его гостей, которых он принимает в роскошном чертоге — Валхалле, расположенном в Гладхейме — „Мире радости“. Валхалла покрыта щитами, опорами для которых служат копы. Пятьсот дверей ведут в отдельные внутренние покои, а всю совокупность зданий замыкают врата Вальгринд и окружает глубокий поток. Посредине возвышается дерево Лерад, побегами которого питается коза, дающая молоко-мед обитателям Валхаллы. Кроме того, там есть вечно возрождающийся вепрь, из мяса которого каждый вечер готовятся яства для пира. Утром герои, обитатели Валхаллы (einherjar), выезжают на широкую равнину, где сражаются друг с другом, а вечером они пируют вместе с богами, во главе с Одином, восседающим на своем высоком престоле, как конунг в пиршественном зале.

73. *Идуна* (древне-исландск. Idhun) — богиня, супруга бога песен Браге (см. прим. к Песни 3, 36), хра-

нительница золотых яблок юности, благодаря которым боги не стареют.

77. *Фригга*, или *Фригг* (древне-исландск. Frigg, древне-немецк. Frīja, англо-саксонск. Frīg) — богиня; супруга и советчица *Одина* (см. ниже, 125). Вместе с ним обозревает она мир с высоты его престола. Она покровительствует браку, семейному очагу, материнству. Вне Скандинавии она была также и богиней любви. Ее имя значило „возлюбленная“. Латинское „dies Veneris“ (день Венеры — пятница) германцы переводили как „день Фрии“, и таким образом ее имя сохранилось до сих пор в английском Friday, немецком Freitag, шведском Fredag. В Скандинавии место Фригги — Фрии как богини любви заняла *Фрея* (ср. выше, 22).

81. *Герда*, или *Герд* (древне-исландск. Gerdhr) — супруга бога *Фрея* (см. прим. к Песни 2, 156), дочь исполина Гимира. Сватовству Фрея к Герде посвящена одна из лучших песен „Эдды“, Fög Skirnis, в переводе Свириденко — „Песнь о Скирнире“. („Эдда“ — скандинавский эпос. „Памятники мировой литературы“, изд. Сабашниковых, Москва, 1917.)

86. *Нанна* — супруга *Бальдера* (см. следующее прим.).

87. *Бальдер* (древне-исландск. Baldr) — бог света и солнца, сын *Одина* и *Фригг*. Вероятно, он был известен только скандинавам. Его образ имеет много общего с образом бога *Фрея* (см. прим. к Песни 2, 156) и возможно, что Бальдер и Фрей некогда представляли собой одно и то же божество. Бальдер считался блистательнейшим из богов; в поэме Тегнера он нередко называется белым богом или просто Белым. Его замок носит название *Брейдаблик* — „Широкооблещущий“. Известные нам мифы о Бальдере ограничиваются рассказом о его смерти и о событиях, с которыми она связана. Наиболее разработанным и тесно примыкающим к „Эдде“, но вместе с тем и испытавшим отчасти влияние христианства, является миф, передаваемый Снорри Стурлусоном (исландским ученым XIII века). Содержание этого мифа сводится к следующему: Бальдера стали тревожить зловещие сны. Тогда Фригг взяла со всех существ и вещей клятву, что они не причинят вреда

Бальдеру. Она не потребовала клятвы только от оме́лы, казавшейся ей совершенно неопасной. После этого боги, играя, стали бросать в Бальдера различными предметами: ничто не могло нанести ему ни малейшего вреда. Коварный *Локе*, увидев эту игру, задумал погубить Бальдера (см. прим. к Песни 12, 108). Он проведал, что оме́ла не дала клятвы, достал росток оме́лы и вручил его ничего не подозревавшему Хёдеру, брату Бальдера, предлагая метнуть им в Бальдера. Так как Хёдер был слеп, Локе сам направил его руку. Бальдер был поражен в грудь и упал мертвым. Когда Бальдера положили на корабль и приготовили ему погребальный костер, у *Наны*, супруги Бальдера, от горя разорвалось сердце, и ее сожгли на одном костре с ним. Боги решили предложить *Хель* (см. ниже, 90) выкуп, чтобы она вернула Бальдера, и сын *Одина* Хермод поехал на коне *Слейпнере* в ее владения (см. ниже, 125—*Один*). Хель обещала, что она вернет Бальдера, если все живое и мертвое будет оплакивать его. С этим обещанием Хермод вернулся к богам, которые разослали по всем мирам гонцов с просьбой, чтобы все плакали о Бальдере. И все стали плакать. Не плакала только одна старая женщина, под видом которой скрывался сам Локе. Итак, Бальдер должен был остаться у Хель.

87. *Скальды* — скандинавские поэты. В скандинавских языках слово *skald* употребляется и теперь для обозначения поэта вообще. В истории же древней скандинавской литературы ему придается более узкое значение: скальдами, в этом значении слова, называют придворных певцов-поэтов, в отличие от певцов, слагавших песни „Эдды“. Придворные скальды обычно принадлежали к свите конунга, которого они прославляли в своих песнях, за что получали от него богатые подарки. Скальды принимали участие в битвах, воодушевляя дружину воинственными песнями, и сами бились в первых рядах, чтобы быть свидетелями подвигов. Звание скальда было весьма почетно. Поэзия скальдов развивалась исключительно в Норвегии и Исландии, и при дворах шведских и датских конунгов скальдами были норвежцы или исландцы. Тогда как творцы „Эдды“ остались для нас безымян-

ными, имена скальдов нам известны. Поэзия скальдов отличается от эддической и по содержанию, и по форме. Мифологические и героические сказания обычно служат ей только для украшения и сравнений при описании событий, связанных с именем воспеваемого конунга; ее стихотворная форма гораздо изысканнее эддической, ее язык изобилует метафорами и вычурными сравнениями.

90. *Хель* — владительница подземной страны мертвых, дочь коварного *Локе* (см. прим. к Песни 12, 108) и великанши *Ангрбоды* („Вредоносной“). Первоначально под словом „Хель“ (древне-исландск. *hel*) понималась самая страна умерших (ср. английск. *hell*, немецк. *Hölle* — „ад“), но позже, и притом — только в Скандинавии, это слово стало именем существа, олицетворявшего собою смерть, а владения смерти получили название *Нифльхель* или *Нифльхейм* („Мир тумана“). *Нифльхейм* окружен потоком, наполненным мечами. Через поток есть мост, по которому умершие вступают к *Хель*; преступники, однако, не имеют права идти по мосту, они должны переходить ужасный поток в брод. Во владения *Хель* попадают все, умершие на суше смертью, не подобающей героям. Сама *Хель* представлялась внушающей ужас одним своим видом. Она исполинского роста, одна половина ее тела черно-синяя, другая — мертвенно-бледная, почему она и называется сине-белой *Хель*. Она обитает под землей на Бреге мертвецов — *Нáстранде*. Ее жилище наполнено ужасами; все в нем приносит страдание и разрушение. Представления о владениях *Хель* развивались, вероятно, в тесной связи с развитием представлений о владениях *Одина* (см. следующее прим.), но в направлении прямо противоположном. Тогда как владения *Одина* превращались в место блаженства (см. выше, 67 — *Валлалла*), владения *Хель* рисовались во все более и более мрачных красках.

125. *Один* (древне-исландск. *Odinn*; древне-немецк. *Wōdan*, *Wōtan*, англо-саксонск. *Wōden*). Первоначально бог ветра и повелитель мертвых (с ним души умерших проносились по воздуху), *Один* стал затем и богом войны, и богом высшего знания и мудрости и занял первое место среди богов. Его имя сохранилось в названии среды — английск. *Wed-*

nesday, скандинавск. Onsdag, так как он был, в своем качестве предводителя умерших, приравнен к Меркурию (среда — dies Mercurii).— Один вызывает и прекращает войны, решает, кому должна достаться победа, кто должен пасть в битве. Он обладает даром провидения, он добывает руны, он знает все заклинания, умеет подчинить себе все тайные силы, может принимать образ любого живого существа. Часто под видом простого путника он пускается в дальние странствования и нередко встречается людям. Помимо своего основного имени, Один имеет и многочисленные другие, из которых в „Саге о Фригьофе“ Тегнера употребляются *Вальфáдер* („Отец павших бойцов“) и *Альфáдер* („Отец всех и всего“). Один сделался излюбленным богом конунгов и вообще знати, а также и придворных поэтов — скальдов. Многие знатные роды считали именно Одина своим родоначальником и покровителем (так и род конунга Беле в „Саге о Фригьофе“). Один представлялся одноглазым стариком с длинной седой бородой. Его обиталище — *Валхалла*, где вместе с ним пребывают сраженные в бою герои. Один питается только вином. Он восседает на высоком престоле, откуда озирает все миры. На его плечах — два ворона, Хуген (Мысль) и Мунен (Память), приносящие ему вести обо всем, происходящем в мире; у его ног — два волка, Фреке и Гере (Хищный и Жадный). Один — обладатель быстрейшего восьминогого коня *Слейпнера*. Неизменным атрибутом Одина является копьё.

136. *Беле*.— Тегнер не указывает, какую именно область владел конунг Беле. В исландской саге сообщается, что „Беле конунг правил Сигнафильке“. Сигнафильке, или Согн,— местность в юго-западной Норвегии по обеим сторонам Согнефьорда, глубоко врезающегося в сушу. (Ср. выше прим. к слову *конунг*.)

139. *Бонд* (скандинавск. bonde) — свободный скандинавский землевладелец незнатного происхождения. Владения бонда могли быть как небольшим земельным участком, который он обрабатывал сам со своей семьей, так и обширными поместьями, где работали на него зависимые от него люди. Бонды владели оружием и, если были богаты, то держали

при себе наемную дружину. Бывая нередко в тесном союзе с копунгом, бонд, однако, считал для себя унизительным находиться в дружине короля. На народное собрание — тинг (см. прим. к Песни 3, 101) бонды являлись всегда с мечом и щитом.

149. Тор (древне-исландск. *Þórr*, древне-немецк. *Donar*, англо-саксонск. *Thuner*) — сын Одина, бог грома и физической силы, защитник богов и людей, неустанно борющийся с враждебными им исполинами и чудовищами. Особо почитался Тор в Норвегии, где он был любимым богом простых свободных земле-владельцев и земледельцев, в противоположность Одину — богу знатных. Здесь Тор считался также покровителем земледелия, властвующим над погодой и ветрами. Его изображение часто вырезалось на главных столбах домов, его имя часто присоединялось к собственному имени человека в знак того, что носитель этого имени посвящает себя ему. Неизменным атрибутом Тора является молот Мьольнер (Дробящий) — его оружие в борьбе с великанами. Молотом Тора освящаются все договоры и начинания, и изображения молота служат амулетами. На руках у Тора — стальные рукавицы, он опоясан чудесным поясом *Мегингьярдом* (Поясом мощи), еще более увеличивающим его огромную силу. У Тора большая рыжая борода. Взгляд его сверкает, голос гремит. Тору ничего не стоит съесть за один присест одного-двух быков и выпить огромное количество меду. У себя дома, в Трудванге, он бывает редко, постоянно предпринимая далекие походы на Восток, в страны великанов, как пешком, так и в своей повозке, запряженной двумя золоторогими козлами.

Имя Тора — Донара, означающее гром, сохранилось в германских названиях четверга, шведск. *Torsdag*, английск. *Thursday*, немецк. *Donnerstag*, так как Тор — Донар был приравнен к Юпитеру, которому был посвящен этот день (латинск. *dies Jovis*).

Песнь 2

Во 2-й Песни Тегнер использовал ряд строк из „Изречений Высокого“ (*Hávamál*), одной из интереснейших песен „Эдды“. Эта песнь, составленная из

нескольких, первоначально самостоятельных, частей, в основном представляет собой собрание поучений, приписываемых *Одину* (Высокому). Древнейшая часть этой песни возникла, повидимому, в Норвегии в IX—X веках. Цитаты из „Эдды“ будут даваться в переводе Свириденко („Эдда“, „Памятники мировой литературы“, изд. Сабашниковых, М. 1917).

Исландская сага дала Тегнеру для 2-й Песни его поэмы очень немного.

Конунг Беле и Торстен Викингссон.— О конунге Беле см. прим. к Песни 1, 31 и 136. Имя *Торстен* значит „Камень Тора“ (см. *Тор*, прим. к Песни 1, 149); *Викингссон* — „Сын Викинга“. Здесь *Викинг* — имя собственное (см. прим. к Песни 3, 33). Употребление такого „отчества“, составленного из родительного падежа имени отца и слова son(r), „сын“, было обычным у древних скандинавов.

3. *Брат Беле по оружию.*— Предполагается, что Торстен и Беле заключили между собой союз кровного братства. Заключившие такой союз должны были хранить вечную верность друг другу, делить все превратности жизни и мстить один за другого. Обряд, скреплявший этот союз, состоял в том, что названные братья надрезали себе руки мечом и смешивали стекающую кровь или в следе, сделанном их ногами, или в роге с медом, который затем и выпивали вместе. При этом они давали друг другу клятву верности и обычно обменивались также ценными подарками (оружием, украшениями).

4. *Словно камень рунный, покрыт рубцами.*— В память умерших воздвигались огромные камни, на которых часто высекались надписи рунами, покрывавшие своими чертами иногда большую поверхность камня. (Ср. *Руны*, прим. к Песни 1, 30.)

12. *Валгалла* (см. прим. к Песни 1, 67).

32. *Копье теряет цену, кольцо теряя.*— Повидимому, имеется в виду кольцо, укрепляющее наконечник на древке копья.

41. *Небесный свод четыре столба несут.*— Четыре сильных карла — Аустре и Вестре, Нордре и Судре (Восток и Запад, Север и Юг) — поддерживают на своих плечах опоры небесного свода.

49. *Знаки у сокола в груди.*— Хотя специального

гадания по внутренностям, предполагаемого Тегнером, скаддинавы, вероятно, не знали, по гадание по крови жертвы и по известным признакам того, как жертва принимается богами, у них существовало.

50. *От руи на брусьях...*— Речь идет о палочках или ветках, в которые врезались определенные руны с целью узнать будущее. Эти веточки высыпались на белый платок, и затем, при соответствующих заклинаниях, гадали по ним, или рассматривая их положения, или поднимая последовательно одну за другой. (Ср. *Руны*, прим. к Песни 1, 30.)

55. *Как розы щиты...*— Щиты нередко богато украшались, как изображениями эпизодов из мифологических и героических сказаний, так и изображениями цветов, животных и т. п.

57—58. *Друзей презрев...* и т. д.— Ср. в „Эдде“:

С дерева лыко сдирают в деревне —
Погибает ободранный ствол:
Таков человек, если всеми покинут,—
Лучше ему и не жить.

(„Изреч. Высокого“, 50).

70. *По слишком мало... совсем не знать.*— Ср. в „Эдде“: „Не сведущ тот, кто ничего не знает“ („Изреч. Высокого“, 74; перевод Свириденко: „Кто не сведущ ни в чем, тот не знает, как часто богатство туманит умы“ — неправилен в своей первой половине).

73—76. *К жилищу друга... недолог путь...* и т. д.— Ср. в „Эдде“:

Путь долог к тому, с кем всегда не в ладах ты,
Хотя бы он под боком жил.
А к другу повсюду дорога короткая,
Как жилье ни далеко его.

(„Изреч. Высокого“, 34).

79. *Один пусть избран будет...* и т. д.— Ср. в „Эдде“:

Одному доверяйся: не двум одновременно.
Что ведают трое — то знает весь свет.

(„Изреч. Высокого“, 63).

87. *Птицы Альфадера* — вороны Хуген и Мунен, приносящие Одину весть о том, что делается в мире (ср. прим. к Песни 1, 125 — *Один*).

93. *Вождю покорствуй...* — В исландской саге Торстен говорит: „Хочу просить тебя о том, чтобы ты преклонял свой нрав перед сынами конунга...“

103—104. *Кто в небе реял...* и т. д. — Ср. в „Эдде“:

Фитйунгра видел сынов я в довольстве:
Ходят по миру ныне они.

(„Изреч. Высокого“, 75).

И далее:

Всходам не радуйся ранним до времени...
Нужно ведро для всходов...

(„Изреч. Высокого“, 88).

105—107. *...день хвали ты, когда закат придет...*
и т. д. — Ср. в „Эдде“:

Дня не хвали раньше вечера...
Оружья, пока не испробовал...
Лед похвали, коль выдержал; пиво, коль выпито.

(„Изреч. Высокого“, 80).

109—112. *Не верь змее уснувшей...* и т. д. — Ср. в „Эдде“:

Девы словам доверять ты не должен,
Женские речи за правду считать.
В колесе было создано женское сердце...

(„Изреч. Высокого“, 83).

И далее:

Льду, что стал за ночь, ползучей змее...

(дается длинный перечень того, на что нельзя полагаться)

Всему этому, помни, нельзя доверять.

(„Изреч. Высокого“, 85—87).

113—115. *Ты сам умрешь...* и т. д.— Ср. в „Эдде“:

Сгинет богатство, умрут твои родичи,
Сам ты умрешь в свой черед;
Только одно будет жить бесконечно —
Память о славных делах.

(Последние строки в подлиннике: „dómr um daudhan hvergr“ — значит собственно: „суд над каждым умершим“, „Изреч. Высокого“, 77.)

118. *Изречения* — в шведском подлиннике — Navamal, т. е. „Изречения Высокого“ из „Эдды“ (см. выше общее примечание к этой песни).

126. *Норна* — дева судьбы. В древне-исландских источниках говорится иногда об одной норне, иногда о многих, причем могут различаться добрые и злые норны, чаще же всего — о трех сестрах, которым позже были даны имена: Урд (Прошедшее), Верданде (Становящееся, т. е. Настоящее) и Скульд (Будущее). Норны считались происходящими из племени великанов. Они обитали у одного из корней мирового ясеня Иггдрасия, где находился источник, называемый, по имени главной норны, источником Урды. Орошая корни ясеня священной влагою, норны тем самым определяли судьбу всего мира. В „Эдде“ („Проридание Провидицы“) говорится, что они „нарезали брусья“, т. е. вырезали руны, определявшие будущее. С появлением норн свобода богов была ограничена: и боги не могли идти против веления норн.

131. *Асы* — боги; скандинавские боги обычно разделяются на два рода или племени — асов и ванов, но нередко слово „асы“ употребляется и для обозначения богов вообще. Из важнейших богов, упоминаемых Тегнером в „Саге о Фритьофе“, к асам принадлежат Один, Тор, Бальдер, Фригга, к ванам — Фрей (см. ниже, 156) и Фрея. (Распространенное раньше мнение, что слово „асы“ связано со словом „Азия“, совершенно неправильно: древнейшая форма первого была ansis.) Внуками асов называются сыновья Беле, так как конунги считали своими родоначальниками богов.

148. *Драпа* — большая, наиболее сложно и искусно построенная, скальдическая песнь, обычно прославляющая деяния конунга, нередко — после его смерти,

почему под драпой часто подразумевается именно погребальная хвалебная песнь (ср. *Скалды*, Песнь 1, 86).

152. *И речи о грядущем вести с тобою.*— В исландской саге имеются подобные же слова, но в позднейшем ее варианте они вложены в уста Торстена.

156. *Фрей* (древне-исландск. Freygr) — бог плодородия, бог весеннего солнца, оплодотворяющего землю; сын Ньорда, брат богини *Фрей* (см. Песнь 1, 22). Он представлялся молодым, полным сил и отваги, воином. Он — обладатель славного меча, который разит сам собою, если его держит рука смелого бойца; он обладатель чудесного корабля, изготовленного карлами, который может складываться и помещаться в кармане. У него есть прекрасный боевой конь. Ему же принадлежит золотой венр Гуллинбурсте (Златошестинный), вокруг которого всегда сияет свет. Обитает Фрей в „Залах на высотах“ (Uppsalar); в его же владении находится Альфхейм — мир светлых эльфов. Фрей особенно почитался в Швеции, откуда его культ распространился и в Норвегию. Главный праздник Фрея приходился на время зимнего солнцестояния, когда солнце возрождалось и начинало вновь подниматься выше (ср. прим. к Песни 3, 24, ...*праздновать Зиму*). Во время этого праздника Фрею посвящался лучший племенной кабан, который и приносился ему в жертву. Прикасаясь к этому кабану, бойцы давали священные обеты совершить те или другие подвиги в данном году. После Одина и Тора, Фрей является наиболее часто упоминаемым богом, особенно при благословении и пожелании счастья. О том, как он полюбил Герду, свою будущую супругу, и послал к ней сватом своего слугу и товарища Скирнера, рассказывается в „Эдде“ (см. выше *Герда*, Песнь 1, 81).

Песнь 3

В исландской саге о наследстве Фритьофа сообщается очень кратко. Больше материала, чем „Сага о Фритьофе Смелом“, дали Тегнеру для этой песни две другие исландские саги — „Сага о Торстене Викингссоне“ созданная несколько позже, чем перво-

начальная сага о Фритьофе, вероятно — в XIV веке, и „Сага о Хромунде Грейссоне“.

6. *Фрамлес* — значит, собственно, „выдающийся вперед гористый мыс“.

22. *Зал для пиршеств*.— Богатый древне-скандинавский дом состоял из нескольких отдельных строений, обнесенных частоколом. Самым обширным из них был обычно пиршественный зал, имевший форму продолговатого прямоугольника с сравнительно невысокими стенами, на которые опиралась очень высокая двускатная крыша, поддерживаемая посредине мощными столбами, считавшимися главной святыней дома. Эти столбы украшались резьбой, обычно с изображениями богов. Вход в зал делался в короткой стене. Вдоль противоположной стены, в которой также имелась дверь, тянулся стол для жещин, а вдоль обеих длинных стен стояли столы для мужчин. За тем и другим из этих столов, посредине их длины, между священными столбами, возвышалось почетное высокое место“; одно занималось хозяином, другое, у противоположной стены,— почетнейшим из гостей. Посредине земляного пола возвышался каменный очаг, дым от которого выходил через отверстие в крыше. Пол устилался соломой, на скамьи почетных гостей клались подушки, столы покрывались вышитыми скатертями, стены увешивались оружием.

23. *...по десять дюжин на сотню*.— Сто двадцать называлось „большой сотней“. Счет дюжинами был в ходу у скандинавов.

24. *...праздновать Зиму*.— Речь идет о большом празднике во время зимнего солнцестояния — исландское jól, шведское julen. Первоначально этот праздник посвящался умершим, а затем также духам и богествам, от которых зависел урожай, почему и был главным праздником *Фрея* (см. Песнь 2, 156). С введением христианства в скандинавских странах этот языческий праздник был подменен христианским рождеством, которое и получило его название.

33. *Викинги* — скандинавские морские разбойники, купцы и завоеватели, плававшие на своих легких, прочных судах по Балтийскому и Северному морям и по Атлантическому океану, нередко проникавшие и в Средиземное море, и в Черное, а по крупным рекам —

и в глубь европейских стран, наводя ужас своими опустошительными набегами. Они заключали союзы на основе выработанных ими самими уставов и строго их придерживались. Такие союзы представляли собой как бы самостоятельные государственные единицы, и их вожди нередко назывались морскими конунгами. Иногда викинги соединяли свои корабли в огромные флоты, устраивали укрепления в устьях рек на чужой территории и начинали настоящее завоевание делой области. В связи с плаваниями викингов произошло заселение норвежцами островов Атлантического океана, в частности — Исландии и Гренландии, а также первое открытие Америки почти за пять веков до Колумба (в 1000 г.). Подчинение новгородских и днепровских славян варягами было также непосредственно связано с походами викингов, в данном случае — шведских, известных у славян под именем *русь* (у греков — *рос*, у арабов — *рус*), которое и перешло затем на восточных славян. Возможно, что это имя находится в связи с названием шведской местности Roslagen (побережье Балтийского моря к северу от Стокгольма). Так называемая „эпоха викингов“ охватывает, примерно, VIII—XI века; следовательно, время жизни Фрितьофа приходится на ее начало.

34. *Гандвик* — Белое море. До нас дошел рассказ англо-саксонского короля Альфреда Великого (IX век) о плавании норвежца Охтхере в Белое море.

Восточное море — Балтийское море.

Западные воды (или *Западное море*) — Северное море и Атлантический океан.

36. *Браге* — бог искусства скальдов, супруг *Идуны*, хранящей яблоки юности. По своему происхождению этот бог, повидимому, не кто иной, как норвежский скальд IX века Браге Болдасон, обожествленный позднейшими скальдами. Таким образом, говоря о божестве Браге, как о существующем в эпоху Фритьофа, Тегнер допускает анахронизм.

38. *Мимер* — таинственный мудрый хранитель глубочайшего источника, омывающего корни мирового ясеня Иггдрасила и заключающего в себе высшую мудрость мира. Рассказывается, что Один, за право почерпнуть мудрость из этого источника, оставил

в нем свой глаз. По другому мифу, Одину дает мудрые советы голова Мимера, убитого ванами.

57. *Ангурвадель*.— В исландской „Саге о Фритьофе“ Ангурвадель не упоминается. О нем говорится в „Саге о Торстене Викингссоне“, на основе которой Тегнер и рассказывает историю меча, изменяя, однако, ее конец: по исландской саге, меч после смерти Торстена достался не Фритьофу, а его сестре.

59. *Карлов огнем закален*.— Карлики, безобразные хитрые существа, обитавшие под землей, где они хранили неисчислимые сокровища, считались искуснейшими кузнецами и ювелирами и им приписывалось изготовление целого ряда драгоценнейших чудесных изделий; так, их произведениями являются молот *Тора*, копьё *Одина*, ожерелье *Фрей* (см. прим. к Песни 1, 149, 125 и 22), вебрь и корабль *Фрея* (см. прим. к Песни 2, 156).

61. *Грёнингасунд* — современный Грёнсунд, пролив между датскими островами Зеландией, Меном и Фальстером.

63. *Уллеркер* — небольшая область в древней Швеции.

69. *Пятнадцать зим*...— Германцы в древности вели счет годам *зимами*.

71. *Тролли* — злые духи природы, воплощенные в образе чудовищ, страшных человекоподобных существ, зверей или птиц; они всячески вредят людям, особенно же часто — посылая непогоду, бурю, град.

76. ...у *солнечных врат*...— на Востоке. Предание о том, что род асов переселился в Скандинавию из других мест, связано, повидимому, с распространением культа Одина, как бога войны, с юга, из Германии; подмена же Германии Востоком основана, вероятно, на созвучии слов „ас“ и „Азия“ (см. прим. к Песни 2, 131, *Асы*). Это предание сообщается исландским ученым Снорри Стурлусоном (1178—1241) в его „Саге об Инглингах“ (Heimskringla: Ynglingasaga).

79. *Хильдур* (или Хильд; древне-исландск. Hildir, позже Hildur) — имя одной из валькирий. Слово „hildir“ значит „битва“. Оно нередко употреблялось, как имя, особенно часто в сложении; напр. Бринхильд (Брунгильда), Хильдебрант (Гильдебрант). Здесь под этим

именем олицетворяется война. (О *валькириях* см. прим. к Песни 7, 80.)

84. *Волунд* — сказочный кузнец-ювелир. О нем имеется песнь „Эдды“ — „*Völundarkviðha*“ („Песнь о Волунде“). В ней рассказывается, как король Нидуд завладел им, и Волунд должен был выковывать для короля драгоценности. Чтобы Волунд не убежал, Нидуд перерезал ему сухожилия колен, почему Волунд и называется хромым. Вскоре Волунд жестоко отомстил Нидуду, умертвив его сыновей и обесчестив его единственную дочь. Сам же он с торжествующим смехом поднялся на воздух и скрылся. (Он смог это сделать, повидимому, потому, что снова овладел чудесным кольцом, похищенным у него ранее.)

86. *Двенадцать замков Бессмертных*. — В песни „Эдды“ „Речи Гримнера“ (*Grimnismál*) перечисляются следующие двенадцать чертогов богов: 1) *Трудхейм* (= Трудванг, см. *Тор*, прим. к Песни 1, 149); 2) *Альфхейм* (см. *Фрей*, прим. к Песни 2, 156); 3) *Валаскьяльф*; 4) *Сёквабек* (см. ниже *Сага*); 5) *Валхалла* (см. прим. к Песни 1, 67); 6) *Тримхейм*; 7) *Брейдаблик* (см. *Бальдер*, 1, 87); 8) *Химинбьёрг*; 9) *Фолькванг* (см. *Фрея*, 1, 22); 10) *Глитнер* (см. ниже *Форсете*); 11) *Нотун*, 12) *Види*. Кроме того, между Трудхеймом и Альфхеймом упоминается Идалер, где живет бог Уль; таким образом получается 13 обиталищ. Названия жилищ снабжены порядковыми числительными только начиная с Валаскьяльфа; поэтому сказать, какое из первых трех является „лишним“, тринадцатым, затруднительно.

90. *Сага* — мудрая богиня предания. Сравнительно поздний, созданный скальдами образ. В чертоге Саги, *Сёквাবেке*, где плещут прохладные волны, *Один* каждодневно пьет с нею из золотого сосуда напиток мудрости.

94. *Бальдер* — см. прим. к Песни 1, 87.

101. *Форсете* — бог правосудия, единственный сын Бальдера и Нанны. „В Глитнере, замке с золотыми опорами и серебряной кровлей, приводит он распри к согласию“, — говорится о нем в „Эдде“ („Речи Гримнера“).

Тинг — собрание бондов — свободных землевладельцев-воинов, разбиравшее тяжбы, судившее за

преступления и принимавшее решения по всем важным вопросам, касавшимся данной общины, данного округа или целой племенной области (fylke), в зависимости от того, какой это был тинг, — местный, окружной или областной (филькетинг). *Осенний тинг* был наиболее важным, — осенью кончался год и начинался новый, осенью были большие праздники, на которые собирались отовсюду для торжественных жертвоприношений. На тинг являлись в полном вооружении. Ведущая роль на тинге принадлежала конунгу, жрецу, вождю данного округа или общины, собрание же обычно только выражало свое одобрение или неодобрение предлагаемым решениям: первое — стуком оружия, второе — ропотом.

109. *Соте-разбойник* — знаменитый морской разбойник с острова Сотхольма. В рассказе о том, как Торстен овладел похищенным запысьем, Тегнер использовал эпизод из исландской саги о Хромунде Грейпссоне (Hrómundar saga Greipssonar).

113. *Дракон* — так называли норманны корабль определенного типа (древне-исландск. dreki, шведск. drake). Корабли меньших размеров и более простого строения назывались snekami, т. е. улитками (шведск. snäcka). Это название было заимствовано славянами и до сих пор сохраняется в русском языке в форме „шнек, шняк“ (у поморов). Названием крепкого морского судна определенного типа было также и слово „эллиде“ (древне-исландск. ellidhi), которое в „Саге о Фритьофе“ употреблено в качестве собственного имени корабля Торстена и Фритьофа (у Тегнера в форме женского рода и с перенесением ударения на средний слог: „Эллида“). Форштевень обычно поднимался высоко, был украшен резьбой и передко заканчивался изображением головы какого-нибудь животного или чудовища. Помимо парусов, которые часто бывали цветными, а также и черными, корабли имели весла. В качестве руля употреблялось кормчее весло, помещавшееся у правого борта (штирборта). Древне-скандинавские корабли довольно хорошо известны нам по раскопкам, изображениям и описаниям. Дальше, в этой же песне, Тегнер дает, в основном вполне правильное, описание корабля-дракона.

140. *Эллида* — см. предыдущее примечание. В исланд-

ской саге дается понятие о размерах судна Фритьофа сообщением, что „там гребли пятнадцать человек на каждом борту“. Весь рассказ о том, как Викинг получил Эллиду, целиком принадлежит самому Тегнеру.

164. *Эгир* — мифическое существо, олицетворявшее собою море. В „Эдде“ говорится о том, что боги приходят на пир к Эгиру, и, таким образом, Эгир находится в известной связи с богами, но он не принадлежит к их числу. Его супруга — Ран, коварная обительница моря, стремящаяся увлечь в свои владения всех пловцов; его девять дочерей — морские девы, играющие в волнах и сами являющиеся олицетворенными волнами.

184. *Бьёрн*. — Имя это, распространенное у скандинавов, значит медведь.

187. *Кровь смешав... и т. д.* — См. прим. к Песни 2, 3 — *Брат Беле по оружию...*

189. *Погребальное пиво* (шведск. *gravöl*) — тризна, справив которую наследник вступал в свои права.

Песнь 4

В исландской саге всей этой песни соответствует очень краткое сообщение о том, как Фритьоф принимал у себя конунгов и Ингеборг, с которой он при этом долго говорил, как он загрустил после их отъезда и, посоветовавшись с Бьёрном, поехал свататься и как конунги отказали ему. Все это занимает около двадцати строк.

17—40. *Они говорили о детской поре... и т. д.* — В исландской саге (в позднейшей ее редакции) весь приводимый разговор сводится к следующему: „Дочь конунга молвила ему: „Ты имеешь хорошее золотое кольцо“. — „Верно это, — сказал Фритьоф“. В более ранней редакции саги этот разговор не так отрывочен; он заканчивается тем, что Фритьоф и Ингеборг обмениваются кольцами.

53—72. *Был Бьёрн недоволен таким житьем... и т. д.* — В исландской саге вся побуждающая к деятельности речь Бьёрна отсутствует. Когда Фритьоф сообщает ему о своем намерении свататься, Бьёрн говорит только: „Сделаем так!“

69. *Смерть на соломе* — смерть от старости или от болезни. Почетной считалась лишь смерть в бою или на море.

69—72. *Себя, как Один, покрою рунми я...* и т. д.— Рассказывается, что Один нанес себе раны (в форме рун) острием копыя, вскрыв таким образом вены, после чего он и возвратился навеки в селения богов. С развитием представлений о *Валхалле*, как месте блаженства для павших в бою героев (см. прим. к Песни 1, 67), стало далеко не безразличным, куда попасть после смерти — в Валхаллу или во владения *Хель* (см. прим. к Песни 1, 90). „Смерть на соломе“ влекла за собой пребывание у *Хель*, и если герой не предвидел возможности пасть достойной смертью, ему не оставалось ничего другого, как последовать примеру Одина и нанести себе смертельные раны острием копыя (*rista, marka sik geirssoddi*), если он во что бы то ни стало хотел попасть в Валхаллу.

89—92. *Хотя не король...* и т. д.— В исландской саге Фритьоф говорит не конунгам, а Бьёрну: „Хотя я и ниже по званию, чем братья ее, все же мне кажется, что я не ниже по достоинству“. Речь Фритьофа перед конунгами в исландской саге не приводится.

89. *Ярл.*— В древнейшие времена слово „ярл“ обозначало знатного человека в противоположность простому свободному землевладельцу. Позже, со времен короля Харальда Прекрасноволосого (IX в.) ярлами стали называть наместников короля, правителей крупных областей.

125. *...рассек он ударом одним щипт Хельге...*— Этого эпизода нет в исландской саге. Там Фритьоф говорит после отказа конунгов: „В таком случае скоро сделано мое дело. Но это отплатится тем, что я никогда уже не окажу вам помощи, хотя бы вы в ней и нуждались“.

132. *Пора нам в дорогу...*— В исландской саге: „Поехал Фритьоф домой после этого и стал снова весел“.

Песнь 5

Конунг Ринг (древне-исландск. Hringr, шведск. Ring — „Кольцо“), по позднейшей редакции исланд-

ской саги, правил в Рингарике в Норвегии, по более старой — в Швеции.

2—30. *Король великий...* и т. д.— В исландской саге сказано только: „Он (Ринг) был могущественный областной конунг и доблестный муж, к тому времени достигший уже преклонного возраста“.

3. *Мимер* — см. прим. к Песни 3, 38.

Бальдер — см. прим. к Песни 1, 87.

16—17. *И черногрудых волны несли улиток крылатых...*— Крылатые улитки — корабли. Ср. прим. к Песни 3, 113 — *Дракон*.

37. *Фрея* — см. прим. к Песни 1, 22.

46. *Гостил у меня конунг Беле седой...* и т. д.— По исландской саге, Ринг ничего не говорит об Ингеборг: он собирается не свататься, а подчинить себе сыновей Беле, воспользовавшись их ссорой с Фритьофом. „Мне было бы великою славой на старости лет победить их“, — говорит он.

81. *Знаки на легких* — см. *Знаки у сокола в груди*, прим. к Песни 2, 49.

88—90. *Седой Бороде... охотно б помог я на лошадь взобраться.*— В исландской саге говорится, что Ринг был более всего разгневан словами братьев, „что им казалось позорным сражаться с таким старым человеком, который не может сесть верхом на лошадь, если его не подсаживают“.

104—105. *Под мирный кров... в храм Бальдера...*— Храм Бальдера был заповедным местом мира (т. наз. *gríðhastadhr*). „...там нельзя было причинять вреда ни животным, ни людям“, — сказано в исландской саге.— „Никаких сношений не смели мужчины иметь там с женщинами“. Это последнее запрещение не связано с понятием „места мира“, но здесь оно имеется в виду, так как Хельге хотел оградить Ингеборг не только от нападения Ринга, но и от возможности встречи ее с Фритьофом. „Сказали (конунги), что Фритьоф не может быть таким дерзким, чтобы он поехал туда на свидание с нею...“, — говорится в исландской саге.

Песнь 6

Шахматы — так игра названа у Тегнера. В исландской саге она называется „*hnefatafl*“. Что это была

за игра, в точности неизвестно. Мы знаем только, что она игралась на доске (tafl), что фигуры были различного достоинства, причем главная фигура называлась „hnefi“, что фигуры были темные и „красивые“, т. е. светлые, и что в этой игре, повидимому, не только делались ходы, но и бросались кости с очками. Игры на досках были одним из любимых развлечений норманнов, о чем свидетельствуют и саги, и археологические находки. По некоторым данным, эта игра имеет связь с распространенной в скандинавских странах игрой „брэдснелъ“, родственной игре в нарды на Востоке.

6. *На почетном сядешь месте...*— см. описание *пиршественного зала* в прим. к Песни 3, 22.

13—32. *Будь на страже неустанной, Бьёрн...* и т. д.—Так же и в исландской саге Фритъоф не дает прямого ответа Хильдингу, а обращается к Бьёрну со словами, относящимися одновременно и к игре, и к тому, что говорит Хильдинг.

39—44. *Мой ответ, отец, ты знаешь...* и т. д.— В исландской саге Фритъоф никак не объясняет своих слов, сказанных за игрой, и Хильдинг сам поясняет их конунгам.

Песнь 7

В исландской саге рассказывается, что конунги отпраздничали на юг, навстречу Рингу, а Фритъоф, как только они уехали, стал плавать со своими мужами в рошу Бальдера, не боясь гнева богов; он был хорошо принят Ингеборг и весело проводил с нею время.

18. *Сын Деллинга* — День. Деллинг — сравнительно поздний мифологический образ, в котором олицетворялись предрассветные сумерки.

47. *Сага* — см. прим. к Песни 3, 90.

53. *Эльф* — см. *Эльфы*, прим. к Песни 1, 27.

80. *Валькирии* (древне-исландск. valkyrior) — прекрасные девы-воительницы, посылаемые Одином на поля сражений, откуда они должны доставлять к нему бойцов, которых он избрал, как достойных вступить в *Валгаллу* (см. прим. к Песни 1, 67). Там, на шпур богов и героев, валькирии разносят роги с медом. Такое представление о валькириях, как о девах

Одина, сложилось у скандинавов в связи с развитием верования в Вальгаллу. Первоначально же валькирии были хищные духи, вредившие человеку и делавшие его неспособным к бою, набрасывавшие на него невидимые дечи. Слово *valkürja* (англо-саксонск. *væl-surge*) значит „избирающая тех, кто падет в бою“.

88. *Нанна* — супруга Бальдера.

105—106. *Когда бойцы на бой помчатся...* — Имеются в виду бойцы, пребывающие после смерти в *Валхалле* (см. прим. к Песни 1, 67).

127. *Браге* — см. прим. к Песни 3, 36.

160. *Рагнарёк* — гибель богов в их последней борьбе с враждебными исполинами, кончина мира. С тех пор, как Тор убил исполина, строителя крепости асов, и этим нарушил данные клятвы, боги обречены на гибель. Смерть Бальдера, появление чудовищ, порча нравов, непрестанные войны — все это предвестники Рагнарёка. Но вот кричит красноперый петух Фьялар у великанов, золотой Гуллинкамбе — у асов, черный петух — у Хель. Вырывается из уз чудовищный волк Фенрир, мировой змей Йормунганд, опоясывающий землю, колеблет море, горами вздымаются волны, мировой ясень Иггдрасиль дрожит — Хеймдалль, страж богов, трубит в рог Гьяллархорн, призывая воинство асов к последней схватке, Один держит совет с мертвой головой *Мимера* (см. прим. к Песни 3, 38). С северо-востока идет рать морозных исполинов, с юго-востока плывут огненные сыны Муспеля, появляется корабль мертвых Нагльфар. Все разрушительные силы объединяются против богов под предводительством огненного великана Суртура — горы рушатся на их пути. На равнине Вигрид начинается последняя битва. Солнце чернеет, небо разрывается. Волк Фенрир побеждает Одина, но сын Одина Видар тотчас мстит за отца. Тор убивает Йормунганда, но сам падает, пораженный его ядовитым дыханьем. Фрей гибнет от руки Суртура. Пламя охватывает жилища богов, земля погружается в море... (Ср. прим. к Песни 24, 162—175—...*Но неотмщенными не будут...*).

Описание кончины мира имеется в „Эдде“, в песне „Прорицание провидицы“ („*Völuspá*“) строфы 42—58. Ср. стихи 100—161 последней песни поэмы Тегнера.

Песнь 8

Этой песни не соответствует ни одно место в исландской саге,— сцены прощания там нет. Только отдельные места в речи Хельге, передаваемой Фригьофом, основаны на словах саги.

27—32. *Высокий Бальдер... мной оскорблен... и т. д.*— Ср. прим. к Песни 5, 104—105 — *Под мирный кров в храм Бальдера...*

35. *Урда* — одна из трех норн (см. прим. к Песни 2, 126).

36. *Гейфюн* — девственная богиня, принимавшая к себе женщин, умиравших девушками (по Снорри Стурлусону). Вместе с тем Гейфюн почиталась, как богиня плодородия почвы,— особенно в Зеландии. С ее культом был связан обряд опаживания поля в начале года молодыми девушками. Рассказывается, что своим плугом Гейфюн отделила остров Зеландию от материка — и на месте борозды, проведенной ею, образовался Зунд.

57. *Бифрост* (древне-исландск. Bifröst — „Колесный участок пути“) — мост, ведущий в мир богов в Вальхаллу. Представление о Бифросте, повидимому, связано с радугой.

65. *Кровь Одина...* и т. д. — Род конунга Беле возводил себя к Одину; Бальдер — сын Одина; следовательно, он родич Ингеборг.

105. *Звон тысячи мечей...* и т. д. — Ср. сказанное в прим. к слову „тинг“, Песнь 3, 101.

147. *Вала* (или вэльва — древне-исландск. völvu) — вещая женщина, провидица. Здесь имеется в виду вала, разбуженная от смертного сна Одним, желавшим узнать, что предвещают тревожные сны Бальдера („Эдла“, „Песнь о Путнике“ — „Vegtams kvíðna“ — или „Сны Бальдера“ — „Baldrs draumar“). В шведском подлиннике эта песнь упомянута — под ее первым названием). О таких вещих женщинах не раз говорится в памятниках древне-скандинавской литературы. Валь ходили по стране с магическим посохом в руке и с набором необходимых для волхования предметов в кошельке на поясе; к валам обращались за предсказаниями вожди и богатые бонды, особенно в случае какого-либо несчастья или затруднения. В „Эдде“

в уста валы вложено все содержание песни „Проридание Провидицы“ („Völuspá“), говорящей о создании и гибели мира.

149. *Горе асов* — смерть Бальдера (ср. предыдущее примечание).

154—158. *На море Западном есть острова...* и т. д.— Западное море — Северное (Немецкое) море и Атлантический океан. По исландской саге, конунги посылают Хильдинга сказать Фритьофу, что „Того хотят конунги для примирения с тобою, Фритьоф, чтобы ты привез дашь с Оркнейских островов, которая не выплачивалась с тех пор, как Беле умер“.

162. *Фафнер-змей* — чудовищный змей с ядовитым дыханием, завладевший несметным сокровищем, на котором он лежал, оберегая его. *Сигурд*, сын Сигмунда из рода Вольсунга, славнейший из героев (Зигфрид немецкой „Песни о Нибелунгах“), убил Фафнера, почему и получил прозвище „Фафнера Убийцы“ (Fáfnisbani). В „Эдде“ имеется целый ряд песен, священных с именем Сигурда; о сокровище Фафнера и убийстве Змея Сигурдом рассказывается в „Reginsmál“ и „Fáfnismál“ („Речи Регина“ и „Речи Фафнера“).

163. *Сигурд Фафнера убийца* — см. предыдущее примечание.

168. *...Ты, Фритьоф, враг, для всех презренный и мира ты навек лишен...*— Объявление „лишennyм мира“ — своего рода объявление вне закона. Лишennyй мира не мог пребывать в населенной местности, никто не давал ему приюта, убийство его не было преступлением — он не признавался принадлежащим к общине, и ему оставалось только бежать со своей родины.

174. *...в реках Настранда...*— см. прим. к Песни 1, 90, *Хель*.

240. *Альфы — эльфы* — см. прим. к Песни 1, 27.

246. *Вингольф* — другое название *Валгаллы* — см. прим. к Песни 1, 67.

267. *Отец мой — Хельге...*— По смерти отца опекуном девушки становился ее старший брат, который и выдавал ее замуж.

440. *Прими мое запястье.*— По исландской саге, Фритьоф и Ингеборг обмениваются кольцами и обе-

щают верность друг другу еще при первом свидании в храме Бальдера.

464. *В узоре твоего кольца...*— См. описание кольца в 3-й песни, 86 и следующие.

Песнь 9

Ничего, соответствующего этой песни, в исландской саге о Фритьофе нет.

32. *Од* (древне-исландск. Odhr, у Тегнера — Öder) — возлюбленный Фрей, покинувший ее. Ср. прим. к Песни 1, 22, *Фрея*.

Песнь 10

О плавании Фритьофа к Ангантиру в исландской саге рассказывается обстоятельно, с введением большого количества прямой речи героев. Описанию этого плавания уделено больше места, чем описанию какого бы то ни было другого отдельного звена из цепи событий, о которых повествуется в саге. Подобно тому, как в 10-й песни поэмы за каждым 12 рифмованными повествовательными стихами (четырёхстишие + восьмистишие) следует нерифмованное восьмистишие, произносимое Фритьофом, — в исландской саге в соответствующем месте за несколькими строками прозы следует строфа из восьми стихов, влагаемая в уста Фритьофа (так называемая *vísa*).

4. *...лел и троллей молл.*— По исландской саге, конунги Хельге и Хальвдан пригласили двух колдуний, Хейд и Хамгламу, и дали им денег, с тем, чтобы те вызвали такую бурю, от которой корабль Фритьофа затонул бы. Хейд — очень распространенное имя колдуний и гадательниц. Хамглама значит, повидимому, „Принимающая обманчивые обличья“, т. е. „Оборотень“ (*hamr* — обличье, образ, под которым является то или другое существо). О *троллах* см. прим. к Песни 3, 71.

23—24. *Хам и Хейд* — см. предыдущее примечание.

41. *Остров Солунд.*— Перед входом в Согнефьорд лежит группа островов под названием Сулен (Sulen), в древности — Солунды (Solunder — множ. число от Solund).

45—52. *Но не знает страха викинг...* и т. д.— По исландской саге, Фритьоф не пренебрегает возможностью укрыться от шторма под защитой островов и пережидает там первый натиск бури. Он оставляет острова при благоприятном ветре, который, однако, вскоре снова превращается в шторм, но тут уже Фритьоф неуклонно продолжает свой путь на запад.

94. *Ран* — супруга *Эгира* (см. прим. к Песни 3, 164). Ср. ниже, 113—120.

95—96. *...но перины, Ингборг, ждут меня твои.*— В исландской саге Фритьоф поет: „...другой (взойдет) на ложе Ингборг“.

107. *Беле дар...*— В исландской саге говорится о кольце, которое Ингборг получила от отца и дала Фритьофу, когда он подарил ей свое (ср. прим. к Песни 8, 440).

113—114. *Золото нам нужно, свататься мы едем...*— В исландской саге смерть в пучине изображается как вступление на ложе Ран, что одновременно обозначает и просто вступление на дно морское, и обладание Ран, как женой. Отправляясь свататься, одевались в лучшие одежды и украшали себя драгоценностями.

134. *...медвежьей лапой.*— Так как имя Бьёрн значит „медведь“, то в подлиннике получается игра слов.

191. *Эфьесунд* — пролив Эфья; Эфья (древнеисландск. Effja, теперь Evie) — местность на одном из Оркнейских островов.

215. *С девами морскими...*— с дочерьми Эгира — волнами (ср. прим. к Песни 3, 164).

217—218. *С ножкой золотую рог...*— Для того, чтобы роги могли стоять, к ним иногда приделывались металлические ножки.

Песнь 11

36. *Берсерк.*— Берсерками называли бойцов, легко приходивших в боевое исступление, в котором они бросались, как разъяренные дикие звери, на всякого, попадавшегося им на пути. Самое слово „берсерк“, вероятно, первоначально обозначало человека, принявшего обличье медведя (надевавшего „рубашку медведя“); затем оно, повидимому, ассоциировалось со

словом *bergr*—„обнаженный“, так как берсерки нередко бросались в бой полуобнаженные, в одной рубашке (*serkr*). В своем неистовстве берсерки „кусают края щитов и наступали на огонь горящий босыми ногами“, и чтобы образумить их, приходилось крепко стискивать их между щитами, пока у них не иссякали силы.

40. *...укрощает меч...*— т. е.: умеет заговаривать меч противника, так что тот не может нанести раны своим мечом.

65—120. *Вот рубятся...* и т. д.— По исландской саге, дело не доходило до боя: Фритьоф принял вызов, но „Тогда пришел Хальвар и молвил: „Ярл хочет, чтобы вы все были приняты у него с приветом, и никто не должен нападать на вас“.

Предполагается, что в своем описании боя между Фритьофом и Атле Тегнер использовал сагу о Сорле Сильном.

133—192. *Не доски там простые...* и т. д.— Описания шришественного зала ярла в исландской саге нет. В своем описании этого зала Тегнер допускает некоторую модернизацию (камин, свечи в канделябрах, окна со стеклами). О самом приеме Фритьофа Ангантиром в саге сказано только: „...принял он Фритьофа и всех людей его хорошо, и остались они у него на зиму и были хорошо почтены ярлом“.

185. *Морвена* — название Горной Шотландии у Оссиана.

188. *Вельский* — кельтский, в данном случае в частности — гальский (горно-шотландский). Германцы очень рано столкнулись с кельтским племенем вольков, имя которых стало затем служить германцам для обозначения и всех других кельтских племен, с какими они встречались, а позже это имя стало применяться и к римлянам. Таким образом, „вельский“ (т. е. „волькский“) могло значить и „римский“, и „кельтский вообще“, и „относящийся к тому или другому определенному кельтскому племени“.

199. *Saga* — см. прим. к Песни 3, 90.

237. *Астрильд* — божок любви, не принадлежащий древне-скандинавской мифологии; его образ создан позднейшими скандинавскими поэтами, как соответствующий образу классического Кушидона.

Песнь 12

Этой песни соответствует в исландской саге несколько отдельных кратких сообщений и одна строфа („виса“) из восьми стихов, произносимая Фритьофом.

1—50. *Синеет небо...* и т. д.— В исландской саге сказано только: „Следующею весной уехал Фритьоф с Оркнейских островов, и расстались они с Ангантиром в дружбе“.

7. *Дщери моря* — волны (в шведском подлиннике — дочери *Эгира*, см. прим. к Песни 3, 164).

54—76. *...не виден Фрамнес его родной* и т. д.— В исландской саге: „А когда они прибыли в Норвегию, узнал он, что жилище его сожжено, и когда он прибыл во Фрамнес, молвил Фритьоф: „Почернело мое жилище здесь, и не друзья побывали здесь...“

77—78. *И старый Хильдинг...* и т. д.— По исландской саге, встречи Фритьофа с Хильдингом не происходит.

84. *Эриксгата*.— Новый конунг в начале своего правления совершал объезд своих владений, выслушивая при этом жалобы, творя суд и давая клятву соблюдать законы и обычаи страны. Такой объезд назывался „риксгата“ — „путь, проезд по государству“, а затем стал называться „эриксгата“ по имени короля Эрика.

89—105. *Едва отплыл ты...* и т. д.— По исландской саге, Хельге и Хальвдан встретили Ринга еще до поездки Фритьофа к Ангантиру. Братья согласились без боя заключить мир, приняв условие Ринга—отдать ему Ингеборг с третью всего их имущества. Фрамнес же сожгли они, как только Фритьоф уехал.

91. *Дисардаль* — Долина дис (божества женского пола); повидимому, имеется в виду та долина, где стоял храм Бальдера.

108. *Локе* — очень сложное и загадочное создание скандинавской мифологии. Повидимому, Локе первоначально имел ближайшее отношение к огню, но богом огня он не был. Наиболее постоянными его чертами являются хитрость, коварство и беспринципность. Наружность Локе рисуется привлекательно; по часто он принимает обличье животных, напр. кобылы, лосося, блохи, или превращается в женщину.

В образе кобылы он родил *Слейпнера* — коня *Одина* (см. прим. к Песни 1, 125 — *Один*); плодом его связи с великаншей Ангрбодой являются *Мировой змей Тормунганд*, волк *Фенрир* (см. прим. к Песни 7, 160 — *Рагнарёк*) и *Хель* (см. прим. к Песни 1, 90). В начале времен Локе вступил в кровное братство с *Одином*. Он помог Тору вернуть его похищенный молот, но вместе с тем начал вредить богам. Он является виновником смерти *Бальдера* (см. прим. к Песни 1, 87), за что он связан богами и посажен в пещеру. В последней битве богов с чудовищами Локе выступает как явный враг асов. Возможно, что противоречия в поведении Локе отражают двойственность роли огня, являющегося то полезным средством, то разрушительной стихией. Возможно также, что отрицательные черты Локе были усилены позже отчасти под влиянием образа христианского дьявола.

129. *Вар* — богиня — хранительница клятв. Сравнительно поздний, созданный скальдами образ.

135. *Нанна* — супруга *Бальдера* (см. прим. к Песни 1, 87).

164. *Видар* — сын *Одина*, молчаливый ас, живущий в густой заросли леса — *Види* (*vidhr* — „лес“). В сказании о *Рагнарёке* он мстит за отца, разрывая пасть волку *Фенриру* (ср. прим. к Песни 7, 160).

188. ...его чтоб руна с жезла пропала.— Для счета времени употреблялись палочки, или жезлы различного вида и размера, на которых нарезались руны, отмечавшие дни.

198. *Лофн* — богиня брачного союза. Сравнительно поздний скальдический образ.

201—203. *Вдруг Хельге в гневе...*— В исландской саге рассказывается, что *Ингеборг*, по настоянию купца *Ринга*, отдала кольцо жене *Хельге* с тем, чтобы та передала его *Фритьофу*.

212. *И я хочу посудить немного.*— В исландской саге *Фритьоф*, после слов, приведенных выше в примечании к ст. ст. 54—76, поёт „вису“:

„Пили раньше во *Фрамнесе* смелые мужи с отцом моим. Ныне вижу я тот дом сожженным; я должен владыкам отплатить за зло“.

Песнь 13

1. *Солнце полночи...*—Тегнер предполагает, по-видимому, что в местности, где происходит события его „Саги о Фритьофе“, летом бывает незаходящее солнце. Область Согн, которая в исландской саге указывается как место действия, лежит южнее полярного круга; там бывают белые ночи, но солнце всегда заходит.

7. *Хёдер*—слепой бог, от руки которого пал *Бальдер* (см. прим. к Песни 1, 87).

12. *Пожги из кремня*.—Каменные орудия долгое время сохранялись в употреблении как священные орудия при выполнении ритуальных действий.

55—64. *...кольцом, поверь, краденым ты украшен* и т. д.—По исландской саге, кольцо было не у *Бальдера*, но у жены *Хельге*, которая грела изображение *Бальдера* перед огнем. *Фритьоф*, стаскивая с ее руки кольцо, потащил ее к двери, и тогда она уронила идола в огонь.

68—84. *Фритьоф смущенный трепещет* и т. д.—По исландской саге: „*Фритьоф* завладел кольцом, прежде чем он вышел.—Люди говорят, что *Фритьоф* закинул горящую головню на покрытую берестой кровлю, так что зал (храм) запылал весь...“—Пожар тушил не *Фритьоф*, но *Хальвдан* с дружиной.

100. *Для Муспеля красного сына*—для пламени.—Сыновья *Муспеля*—огненные духи из *Муспельсхейма*—находящегося далеко на юге Мира огня (ср. *Рагнарёк*, прим. к Песни 7, 160).

107—108. *Фритьоф прочь идет омрачен, плачет, утро встречая*.—По исландской саге, *Фритьоф* уходит со своими мужами к морю, чтобы держать с ними совет, что предпринять им дальше.

Песнь 14

Первой части этой песни (словам *Фритьофа*) более или менее соответствует восьмистишие, произносимое *Фритьофом* уже после встречи с *Хельге*:

„Плыли мы из Согна. Так ехали мы прошлый раз. Тогда разыгрался огонь в усадьбе нашей,

а теперь разгорается костер посреди роши Бальдера. За это буду волком [отверженцем], верно; знаю, так будет провозглашено“.

и, кроме того, следующие слова, обращенные к Бьёрну: „Не останусь я здесь в Норвегии. Хочу я испытать образ жизни воителей и плавать википгом“.

Рассказ о встрече с Хельге, составляющий вторую часть этой песни, имеется и в исландской саге, по ничему соответствующего последней части песни (прощанию Фритьофа с родными местами) там нет.

140—143. *Я дно исправно средь ночи сам сверлил судам.*— По исландской саге, Фритьоф приказал испортить суда конунгов, прежде чем он отправился в храм.

175. *Столб позора* (в шведском подлиннике: *nidingsstänger*, множ. число от *nidingsstång*).— Если кто-либо совершал поступок, считавшийся в высшей степени позорным, в частности — не являлся на поединок, обнаруживая этим свою трусость, то на видном месте воздвигался столб, на котором вырезалось имя „презренного“ (*niding*) и указывалось, за что этот человек объявлен „презренным“. На вершину столба пасаживалась лошадиная голова или целая туша, обращенная мордой в сторону жилья того, кому ставился этот столб позора.

217—218. *Ты, солнце,— алый зрачок ночной.*— Ср. прим. к Песни 13, 1 — *Солнце полночи.*

Песнь 15

В исландской саге этой песни соответствует всего несколько строк: „Фритьофу легко доставались богатство и почет, куда он ни ездил. Убивал злодеев и свирепых википгов, но бондов и кушцов он оставлял в покое. Был он тогда снова прозван Фритьофом Смелым. У него собралась большая надежная дружина, и стал Фритьоф очень богат движимым имуществом. А когда Фритьоф проплавал четыре зимы википгом, отправился он на восток и остановился в Вике“ (Вик — залив, в глубине которого находится Осло, а также и побережье этого залива).

Для первой части этой песни — самого устава викинга — Тегнером использована отчасти „*Íomsvikinga saga*“ — сага о датских викингах, основавших в устье Одера колонию викингов Йомсбург. В этой саге, возникшей в середине XIII века, приводится ряд правил, которые йомсбургские викинги установили для себя.

9. *Дева радость дает, но на борти не веда.* — Одним из правил йомсбургских викингов было недопущение женщин в их крепость.

11. *Вальфадер* — одно из имен *Одина* (см. прим. к Песни 1, 125).

15—16. *На настиле товар жеребьевкой дели...* и т. д. — По правилам йомсбургских викингов, всякая добыча должна была беспристрастно делиться между всеми.

18. *Коль отступишь на шаг — уходи навсегда...* и далее:

22. *...если хочешь быть наш, через сутки повязку клади.* — Не принимавший правил йомсбургских викингов навсегда исключался из их сообщества.

27. *Белый* — Бальдер.

Песнь 16

Этой песни соответствует в исландской саге следующий разговор между Фритьофом и Бьёрном: „Тогда сказал Фритьоф, что он собирается выйти на сушу, „а вы отправляйтесь в поход на зиму, так как мне начинают надоедать походы. Поеду я в Уплэнд (внутренняя часть восточной Норвегии) и поведу с конунгом Рингом. А вы встречайте меня здесь к лету, а я приду сюда в первый летний день“. Бьёрн промолвил: „Это намерение перазумно, но все же поступиай по своей воле. Хотел бы я, чтобы мы отправились на север в Согн и убили обоих конунгов, Хельге и Хальвдана“. — Фритьоф ответил: „Ни к чему это, и хочу я более поехать навестить Ринга конунга и Ингеборг“. — Бьёрн сказал: „Нерасположен я к тому, чтобы ты подвергался опасности, один попавши в его власть, так как Ринг умен и знатен родом, хотя он и довольно стар“. Фритьоф сказал, что он позаботится о себе...“. Далее сказано, что Фритьоф поехал,

„так как он хотел увидеть любовь Ринга конунга и Ингеборг“.

21. ...отпраздную Зиму — см. прим. к Песни 3, 24.

59. *Хагбарт* — герой старинного датского сказания, передаваемого Саксоном Грамматиком (вторая половина XII века — начало XIII века) в его „Датской истории“ (на латинском языке). Хагбарт, переодевшись девой-воительницей, проник в терем к любимой им Сигне. Одна из служанок выдала его, он был схвачен и приговорен к смерти на виселице. Он просит, чтобы перед тем, как его повесят, подняли па виселицу его плащ. Сигне, увидев из своего терема висящий плащ Хагбарта, думает, что это сам Хагбарт. Она поджигает терем, храня клятву, которую она ночью дала своему возлюбленному: какая бы смерть ни постигла его, верно последовать за ним. Хагбарт видит пылающий терем и, гордый любовью и верностью Сигне, бодро встречает свою смерть.

62. *Врежу убийце орла я в отмщенье.* — Наиболее жестокий способ мщения, применявшийся лишь к злейшим врагам, состоял в том, что врагу отделяли мечом ребра от позвоночника, отгибали их в стороны наподобие крыльев и затем вырывали легкие. Это называлось врезать „кровоного орла“ (древне-исландск. hlóðhugr örn, шведск. blodörn).

Песнь 17

1. *Справляя Зиму...* — см. прим. к Песни 3, 24 — праздновать Зиму.

13—16. *Сверкнул очами грозно...* и т. д. — Этого эпизода в исландской саге нет.

22. *Я имени не выдал...* — В исландской саге пришелец называет себя Тьофом, т. е. Вором. Далее он приводит целый ряд имен, которыми его называли; все они имеют во второй своей части слово „тьоф“ (thjófr) и первым же из них является имя Фриттьоф.

23—24. *В Раскаяньи я вскормлен...* и т. д. — В исландской саге: „...у Волка был я этой ночью, а в Скорби был я вскормлен“. В исландском подлиннике употреблено слово „angr“, которое значит именно

„скорбь, печаль“; соответствующее же ему этимологически *шведское* слово „*anger*“ значит „сожаление, раскаяние“. Таким образом, хотя Тегнер употребляет здесь *то же* (по происхождению) слово, что имеется и в исландской саге, он подменяет одну мысль другою.

48. *Аса-Тор* — „Тор (из рода) асов“.

54. *...вепря Фрея поставили на стол...* — см. прим. к Песни 2, 156 — *Фрей*.

57—68. *И конунг Ринг поднялся...* и т. д. и т. д. — Соответствующего эпизода (произнесения обетов) в исландской саге нет.

71—96. *Пришельцу, королева...* и т. д. и т. д. — По исландской саге, конунг велел королеве поднести гостю хороший плащ (безрукавку). Королева сказала: „Ваша воля, государь! а мне дела нет до этого Тьофа (вора)“. И дальше отмечается, что во все время пребывания у них Тьофа она мало с ним говорила; конунг же был всегда ласков с ним. Описания пира в исландской саге нет.

86. *Хазбарт и Сигне* — см. прим. к Песни 16, 59 — *Хазбарт*.

Песнь 18

8. *...он быстро конек пристегнул.* — В исландской саге не указывается, каким способом гость (Тьоф) отправился в путь: повидимому, он, так же, как и конунг с супругой, ехал в повозке (но не в той, в которой они); во всяком случае, вряд ли он пустился в путь на коньках.

12. *Слейпнер* — быстрейший в мире восьминогий конь Одина. (Ср. прим. к Песни 12, 108 — *Локе*.)

20. *Рап* — см. прим. к Песни 3, 164.

Песнь 19

1—4. *Солнце светит, в роще зелень...* и т. д. — В исландской саге на соответствующем месте мы находим: „Проходит зима, и когда наступает весна, погода начинает улучшаться, и лес зеленеть, а трава расти, и корабли могут ходить между странами“. Интересно отметить, что эти строки саги — единственное в ней место, посвященное природе. (Описание бури во время плаванья Фритьофа на Оркней-

ские острова является только необходимой составной частью рассказа о самом плавании: оно не представляет собой отступления от повествования.)

11. *Рота* — имя одной из *валькирий* (см. прим. к Песни 7, 80).

49—60. *Чу! Запела птица черная с ветвей...* и т. д. — В исландской саге сказано только: „Тьоф сидел около него и вынул меч из ножен и бросил его далеко прочь от себя“. С соответствующим местом поэмы Тегнера интересно сравнить следующий эпизод из песни „Эдды“ „Речи Фафнера“ (Fáfnismál). Сигурд жарил на костре сердце убитого им Фафнера (см. прим. к Песни 8, 162 — *Фафнер-змея*). Пробуя, изжарилось ли оно, он обжег себе палец и быстро поднес его ко рту. Кровь Фафнера попала ему в рот, и Сигурд стал понимать щебетание птиц. Одна из синиц, щебетавших в кустарнике, говорила, что Рegin, брат Фафнера, задумал злое против Сигурда, и советовала Сигурду убить его. И Сигурд, выслушав совет, немедленно отрубил Reginу голову.

59. *Нáстрáнд* — см. прим. к Песни 1, 90 — *Хель*.

67. *Нифельхел* (Нифльхейм) — см. прим. к Песни 1, 90 — *Хель*.

82—83. *...лопость — берсерка набег. Должно жать ее щитами...* — см. прим. к Песни 11, 36 — *Берсерк*.

89—112. *Нет, ответил Фритьоф мрачно...* и далее до конца песни. — В исландской саге Фритьоф говорит только: „Угощали вы меня, государь, хорошо и приветливо, а теперь мне в путь пора скорее, так как дружина моя придет вскоре ко мне навстречу, как я раньше распорядился“.

97. Волк храма (в шведск. подлиннике Varg i veum — древне-исландск. vargr i véom — „волк в святилище“) — осквернитель храма.

Песнь 20

1. *Конь златогривый...* — конь Дня — Скинфаксе (древне-исландск. Skínfaxi — „с сияющего гривой“). Также и Ночь имела своего коня — Хримфаксе (древне-исландск. Hrímfaxi — „с гривой, покрытой инеем“).

13. *Конь окрыленный...* — корабль. В скальдической

поэзии корабль нередко сравнивается с конем, с вепрем, с козлом („конь волн“, „вепрь бурунов“ и т. п.).

57. *...вычертить руны* — вырезать на себе руны концом коныя. См. прим. к Песни 4, 69—70 — *себя, как Один, покрою рунами я*. Ср. ниже.

62—66. *Резал он смело руны глубоко...* и т. д. — По скандской саге, копунг Ринг умирает от болезни.

Песнь 21

Драпа — см. прим. к Песни 2, 148.

В скандской саге сказано: „Ринг копунг лежал (больным) недолго, и, когда он скончался, был великий плач по нем в государстве. Потом был насыпан курган над ним, и много имущества было положено туда по его повелению“. О том, чтобы Ринг был прославлен в драпе, в саге ничего не говорится.

„Драпа Ринга“ выделяется из других песен поэмы тем, что в ней Тегнер применяет *аллитерационный стих*, являющийся характерной особенностью по только древне-скандинавской, но и вообще древне-германской поэзии. *Аллитерация* в древне-германском стихосложении состоит в том, что несколько *ударяемых* слогов в одном и том же стихе или, чаще, в двух соседних стихах (иногда называемых, в таком случае, „полустишиями“) начинаются *одинаковыми согласными* или какими-либо *гласными* (все гласные считаются аллитерирующими друг с другом). Так как в германских языках ударение, как правило, падает на первый слог, то аллитерирующими оказываются почти всегда *начальные звуки слов*, благодаря чему аллитерация является особенно отчетливой. В русском языке, с его незафиксированным на определенном слоге ударением, достигнуть такой четкости аллитерации часто совершенно невозможно. В том случае, когда аллитерация распространяется на два стиха, *обязательно* аллитерировать должен начальный звук *первого ударяемого слога во втором стихе* каждой пары стихов, связанных аллитерацией.

12. *Бифрост* — см. прим. к Песни 8, 56.

17. *Аса-Тор* — см. прим. к Песни 17, 48.

19. *Вальфадер* — одно из имен *Одина* (см. прим. к Песни 1, 125).

24. *Фригга* — см. прим. к Песни 1, 77.
 29. *Ванадис* — „богиня (из рода) ванов“, т. е. *Фрея* (см. прим. к Песни 1, 22).
 51. *Сага* — см. прим. к Песни 3, 90.
 57. *Форсте* — см. прим. к Песни 3, 101.
 59. *Урда* — см. прим. к Песни 2, 126 — *Норна*.
 67—68. ...*ложе драконов, карликов свет*—образные обозначения золота в скальдической поэзии: драконы (змеи) часто представлялись лежащими на золоте, которое они таким образом оберегали (ср. прим. к Песни 8, 162 — *Фафнер-змея*); карлики обитали под землей, где блеск золота заменял им дневной свет.

Песнь 22

Ничего, соответствующего этой песни, в исландской саге не имеется. Там сказано, что Фритьоф справил тризну Ринга и вместе с нею и свою свадьбу с Ингеборг, после чего начал править страню Ринга в качестве опекуна его сыновей, еще раньше получив от него звание ярла.

1. *Ободит жезл кругом страны...*—Здесь речь идет о „жезде вести“ — шведское „budkavlen“. Чтобы быстро оповестить население о каком-нибудь важном событии и созвать тинг, изготовлялся небольшой рунический жезл (около фута длиной), который передавался из поселка в поселок и таким образом обходил все население места. Задержание у себя такого жезла и искажение вырезанной на нем надписи строго карались.

49. *Форсте* — см. прим. к Песни 3, 101.

Песнь 23

Этой песни, так же как и предыдущей, в исландской саге ничто не соответствует. По исландской саге, храм Бальдера, сожженный Фритьофом, был вскоре восстановлен в прежнем виде конунгом Хельге; Хальвдан же вновь отстроил Фрамнес, где с тех пор и стал жить.

34. *Индлэгг* — темный дракон, обитающий в подземном мире, где он пожирает тела мертвых и подгрызает корни мирового ясеня Иггдрасиля.

63. *Я рун не режу...*— Здесь имеется в виду вырезание рун как магических знаков (см. прим. к Песни 1, 30).

66. *Ангантир* — один из героев „Саги о Хервёр“ (Hervararsaga). Хервёр, незаконная дочь Ангантира, узнав о тайне своего происхождения, сделалась викингом. Она предприняла поход на остров Самсёй, где был погребен ее отец. Посредством рун и заклинаний Хервёр добилась того, что Ангантир заговорил с нею и отдал ей свой славный, но отягощенный проклятием меч Тирфинг.

67. *Меч Тирфинг* — см. предыдущее примечание.

97. *Брейдаблик* — чертог Бальдера в мире богов (см. прим. к Песни 1, 87).

109—110. *Урда* (или *Урд*) и *Скульда* (или *Скульд*) — см. прим. к Песни 2, 126 — *Норна*.

Песнь 24

Эта песнь, являющаяся заключительной в поэме Тегнера, не имеет ничего общего с заключительной частью исландской „Саги о Фритьофе Смелом“. По исландской саге, Хельге и Хальвдан, разгневанные тем, что Фритьоф стал мужем их сестры, пошли на него войной. Фритьоф и Хельге встретились друг с другом в бою, и Фритьоф убил конунга. Тогда Хальвдан согласился подчиниться Фритьофу и стал платить ему дань. Когда же сыновья Ринга подросли, Фритьоф передал им правление их страной, а сам стал конунгом в Сигнафильке, после чего он покорил себе еще Хордаланд. Два сына Фритьофа и Ингеборг, Гунтьоф и Хунтьоф, стали великими мужами. „И здесь заканчивают ныне сагу о Фритьофе Смелом“.

9. *Подобное Упсалье храму...*— Упсальский храм (Uppsala — „Залы на высотах“), с его священной рощей и священными источниками, славился на всю Скандинавию. Храм представлял собой огромное строение, богато украшенное золотом, сияние которого далеко разливалось кругом по равнине. Внутри, на возвышениях, стояли изображения богов, перед которыми помещался сосуд для крови жертвенных животных. Большую часть храма составлял вместитель-

ный зал для жертвенной трапезы, по своему устройству более или менее подобный пирушественному залу. Упсальский храм, по преданию, был построен в глубокой древности, родоначальником шведских конунгов Инглингов — Ингве-Фреем, т. е. самим богом Фреем. На месте храма вырос потом один из древнейших городов Швеции — Упсала (название которого Uppsala представляет собой не что иное, как старый родительный падеж от Uppsalar).

22. ...змей извивался, в рунах... — Руны часто вписывались в фигуру, изображавшую змея. Однако, такие рунические надписи в форме змея характерны для более позднего времени — конца эпохи викингов, в начале же этой эпохи руны обычно врезались просто между двумя параллельными линиями.

23. Слова *Высокого* — то же, что „Изречения Высокого“ (см. прим. к Песни 2, 118).

„Вала“ — Здесь имеется в виду та *вала* (см. прим. к Песни 8, 147), в уста которой влагается песнь „Эдды“ „Прорицание Провидицы“.

37—39. ...о кропком *Бальдере*, о том, как... и т. д. — Ср. прим. к Песни 1, 87 — *Бальдер*.

41. *Брейдаблик* — чертот Бальдера (см. прим. к Песни 1, 87).

55. *Валаскьяльф* — один из чертогов Одина или, быть может, один из покоев Валхаллы, в котором живет сам Один.

76. *Йотунхейм* — „мир великанов“ (Йотунов), враждебных богам. Тор постоянно совершает походы на восток, в Йотунхейм, истребляя племя злобных великанов.

78. *Утгарда-Локе* (Локе из Утгарда, т. е. из „На краю мира расположенной усадьбы“) — исполин-колдун, властитель страны великанов, которого однажды посетили Тор, Локе и слуга Тора — Тьяльфи. Утгарда-Локе „отвел им глаза“ и под видом совершенно нетрудных испытаний силы и ловкости (выпить рог, перегнуть мальчика, поднять кошку, побороть старуху и т. п.) заставил Тора и его спутников попробовать выполнить явно невыполнимые задачи (выпить море, перегнуть мысль, поднять Мирового змея, побороть старость и т. п.). Тор, разгневанный тем, что он был так одурачен, хотел убить Утгарда-

Локе, но тот исчез вместе со своим замком. Предполагается, что Утгарда-Локе не кто иной, как сам хитрый Локе, спутник Тора, явившийся в другом своем образе.

81. *Эгир* — см. прим. к Песни 3, 164.

86—87 *...нас забвенья цапля сторожит над ро-гом...* — Ср. в „Эдде“:

Птица забвенья парит над пирами:
Разум у пьющего крадет она.

(„Изреч. Высокого“, 13. В подлиннике именно цапля — древне-исландск. hegrí).

88. *Имер* (древне-исландск. Ymir) — древнейший из исполинов. Убив его, боги создали из его тела земной мир: из мяса — землю, из костей — горы, из черепа — небо, из крови — море.

96. *Аска род* — людской род. Первых людей звали: мужчину — Аск (Ясень) а женщину — Эмбла (Ольха? или Вяз?); боги создали их из двух деревьев, которые они нашли на берегу моря.

101. *Мегингьярд* — „Пояс мощи“ *Тора* (см. прим. к Песни 1, 149).

103—104. *...несет отцу людей и асов птица вестн...* — см. о воронах *Одина* прим. к Песни 1, 125.

108. *...венец на дереве времен...* — венец мирового ясения *Иггдрасиля*.

109. *Нидхэгг* — см. прим. к Песни 23, 34.

109—116. *...и вырвались тогда все силы древней ночи...* — ср. прим. к Песни 7, 160 — *Рагнарёк*.

110. *Йормунганд* — мировой змей, живущий в океане и опоясывающий всю землю. Он — одно из порождений *Локе* и великанши *Ангрбоды* (см. прим. к Песни 12, 108).

111. *Фенрир* — чудовищный волк, рожденный *Ангрбодой* от *Локе* (см. прим. к Песни 12, 108); асы держат это чудовище на привязи, но перед кончиной мира *Фенрир* вырвется (см. прим. к Песни 7, 160 — *Рагнарёк*).

112. *Суртр*, или *Сурт* (древне-исландск. Surtr) — огненный великан, который будет стоять во главе всех враждебных богам сил во время последней битвы богов с чудовищами.

148. ...*Валы песнь*...— песнь „Эдды“ „Прорицание Провидицы“.

152. *Поймете ль весть мою?*— Подобный вопрос несколько раз повторяется в „Прорицании Провидицы“.

159. *Рагнарёк*— см. прим. к Песни 7, 160.

161. *Вигрид*— огромная равнина, где произойдет последняя битва между богами и чудовищами.

162—175. ...*Но неотмщенными не будут*... и т. д. и т. д.— „Прорицание Провидицы“ заканчивается описанием возрождения мира после его гибели. В этом обновленном мире будут править дети богов— Бальдер, Хёдер (с которым Бальдер, очевидно, помирится), Видар— мститель за Одина, и некоторые другие. Повидимому, эта часть песни— позднейшее добавление. В представлении о возрождении мира многие видят влияние христианства.

173—175. *Скрижали с рунами золотые*... и т. д.— В „Прорицании Провидицы“ говорится:

В новых дворах своих асы под травами
Доски найдут золотые, чудесные,
В древние дни для игры им служившие.

(„Эдда“, „Прорицание Провидицы“, 61).

Повидимому, это те доски, которыми боги обладали до того, как они обрекли себя на гибель, паршив клятвы (см. прим. к Песни 7, 160—*Рагнарёк*), и до того, как норны ограничили их свободу.

181. *Гимле*— название возвышенности, где будут пребывать возродившиеся после Рагнарёка. Возможно, что под „залом Гимле“ подразумевается обновленная Валхалла.

237. *Семинг*— сын Одина; через него последний является родоначальником многих знатных родов.

254. *Ныне конунг Хельге пал*.— Ср. вводное примечание к этой песни.

258. *Юмала*— финский бог, более или менее соответствующий германскому Одину-Водану.

283. *Ненавистник брони* (шведск. *bruggjohatare*)— меч; образное обозначение в духе скальдической поэзии.

291. *Волк Храма*— см. прим. к Песни 19, 97.

„Аксель“

Лирическая поэма „Аксель“, названная Тегнером „романсом“, вышла первым изданием в Лунде в 1822 г. В основу этой поэмы положена история Акселя Руса (Axel Roos), одного из храбрейших участников походов Карла XII. Во время бунта, поднятого Карлом, когда он был в плену в Бендерах, Аксель Рус спас жизнь строптивому королю и был в 1713 году послан Карлом XII в Швецию гондом. Во время пути через Россию он подвергся нападению петровских пограничников, но спасся и доставил в Стокгольм письмо короля. По возвращении Карла XII из турецкого плена Рус принимал участие в свите короля в боях под Стральзундом в 1715 году и в походе на Норвегию в 1716 году. Затем он был губернатором Эльфсборгской губернии (западная прибрежная часть Швеции). Умер Аксель Рус в 1765 году. Любовная же история его с Марией — поэтический вымысел Тегнера.

Поэма „Аксель“ посвящена ослепшему поэту Леопольду (1756—1829), старейшему члену Шведской академии, против которого, главным образом, были направлены выпады „фосфористов“. В своем поэтическом посвящении Тегнер говорит об этом: „они шли

штурмом, но никто не мог поколебать трон поэта“. Ему непонятна бешеная и бессельная критика „фосфористов“, так как „красота живет во всяких формах, а все, что красиво, то гениально“.

Тегнер, приветствуя старца-поэта, возлагая к его ногам свой „скромный поэтический венок“, заканчивает: „волны разбиваются о твое подножье, а ты стоишь с горящими вокруг головы лучами, освещающими путь плыву“.

1. *Карл XII* — король Швеции (1697—1718), великий завоевательную политику, но потерпевший решительное поражение под Полтавой (1709) от крепнувшей русской монархии Петра I. После полтавского поражения Карл XII бежал в Турцию, где оказался в почетном плену; в 1714 г. вернулся в Швецию. Был убит в Норвегии во время осады крепости Фредриксген 30 ноября 1718 г.

7. *Север* (Norden) — обычный синоним Швеции.

9. *Синевя кафтанов*. — Шведская армия Карла XII была одета в синие кафтаны с желтыми отворотами.

14. *Карловцы* — по-шведски karolinerna, солдаты армии Карла XII.

19. См. прим. к Песни 1, 30 „Саги о Фритьофе“.

59. *Бендеры* — город в Бессарабии, на реке Днестре, в то время турецкая крепость, в которой Карл XII проживал в качестве „почетного пленника“ султана Ахмеда III.

77. *Совет*. — Во время продолжительного отсутствия Карла XII правление страной было передано Совету из представителей родовитого дворянства, во главе которого стоял Арвид Горн (1664—1742).

84. *Головчинское сражение* — между войсками Карла XII и Петра I у м. Головчина к западу от Могилева в 1707 г., в котором шведы разбили русских и заставили их отступить. Это было последней победой Карла XII над Петром I.

110. *Викинг* — см. прим. к Песни 3, 33, „Сага о Фритьофе“.

154. *Краке* — Рольф Краке, герой скандинавских сказаний („Хрольфсасага Крака“, „Скьельдунгасага“, „Инглингасага“, Саксон Грамматик), восьми лет избранный королем в Лайре на острове Зеландии (нынешняя Дания).

180. *Эндимион* — из греческой мифологии, сын Зевса, которого Диана, богиня охоты, непорочности и ночи, поцеловала и вознесла спящего на гору Латмос, упросив Зевса одарить Эндимиона вечной юностью и красотой.

196. *Геракл* — герой греческой мифологии, олицетворявший силу и мужество.

198. *Эллада* — древнее название Греции.

240. *Ореады* (греческ. мифология) — горные нимфы.

243. *Аврора* (римская мифология) — богиня утренней зари.

256. *Зевс* (греческая мифология) — отец богов и людей, властитель неба и земли, бог грома и молнии. Обычно изображался с орлом.

258. *Венера* (римская мифология) — богиня любви и красоты, иногда изображалась с голубями.

268. *Ятаган* — обоюдоострое оружие, среднее между кинжалами и саблей, употреблявшееся на востоке.

275. *Рать Петрова* — войска Петра I, разбившие шведов под Полтавою 28 июня 1709 г.

280. *Эрот* (греческая мифология) — божок любви.

316. *Веспер* — Венера, в данном случае вечерняя звезда.

327. *Амур* (римская мифология) — божок любви с луком и стрелами.

336. *Франц-Микаель Францен* (1772—1847) — известный шведский поэт, современник Тегнера, член Шведской академии.

353. Здесь Тегнер указывает на первый перевод исландских саг („Подвиги северных богатырей“ Бьернера, издав в 1737 г.), прочитанный им в раннем детстве и оставивший в нем неизгладимое впечатление.

357. *Сигурд* (Фафнесбане) — герой из „Эдды“ и „Вольсунгасаги“, освободивший Брюнхильду. Та же тема проходит в германском эпосе о Зигфриде.

378. Здесь Тегнер указывает на польского короля Августа Саксонского, которого Карл XII принудил отказаться от польской короны и который затем, в силу изменившихся политических комбинаций, снова стал польским королем.

532. *Повозка неба золотая* — созвездие Большой Медведицы.

570. *Аквилон* — северный ветер.
594. *Колет* — куртка.
606. *Алживиад* — афинский политик и полководец (около 451—404 годов до н. э.), участник Пелопонесской войны, на щите которого был изображен амур в военных доспехах.
623. *Свейских вод* — шведских вод.
638. Николай-угодник считался покровителем мореплавателей.
640. Флот Петра I.
646. *Утес Соты* (Sotaskär) — остров в шхерах около Стокгольма, на котором один из героев „Инглинасаги“ Яльмар, отправляясь на смертный бой против Ангантира, нежно расстался с своей возлюбленной Ингеборг. На нем же Ингеборг, принявши привезенный другом Яльмара труп своего жениха, умерла и была похоронена в одной с последним могиле.
651. *Один* — см. Песнь 1, 125 „Саги о Фритьофе“.
655. *Скальд* — см. Песнь 1, 87 „Саги о Фритьофе“.
665. *Густав II Адольф* (1594—1632). — При нем Швеция, участвуя в Тридцатилетней войне, положила основание своему „великодержавному“ периоду.
668. *Бельт* — пролив между Северным и Балтийским морями, который шведские войска перешли по льду в январе 1658 г., после чего они угрозой Копенгагену заставили Данию подписать мир, по которому Швеция отторгла от Дании все провинции, расположенные в южной части Скандинавского полуострова.
685. *Тор* — см. прим. к Песни 1, 149 „Саги о Фритьофе“.
850. *Аслэг* — дочь Сигурда Фафнесбана и Брюнхильды из „Вольсунгасаги“; после трагической гибели своих родителей была взята на воспитание престарелым королем Хеймером. Когда же Хеймеру пришлось бежать из страны, он сделал большую золотую арфу, куда поместил Аслэг, чтобы спасти ее от преследований врагов ее родителей.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Александров. Тегнер и его время 7

Сага о Фритьофе. Перевод *Б. Ю. Айхен-вальда* и *А. И. Смирницкого.*

Песнь 1. Фритьоф и Ингеборг	69
Песнь 2. Коунг Беле и Торстен Ви- кингссон	76
Песнь 3. Фритьоф получает наследство отца	83
Песнь 4. Сватовство Фритьофа	95
Песнь 5. Коунг Ринг	101
Песнь 6. Фритьоф играет в шахматы .	106
Песнь 7. Счастье Фритьофа	109
Песнь 8. Прощанье	116
Песнь 9. Плач Ингеборг	134
Песнь 10. Фритьоф на море	137
Песнь 11. Фритьоф у Ангантира	145
Песнь 12. Возвращение Фритьофа	155
Песнь 13. Костер Бальдера	163
Песнь 14. Фритьоф уходит в изгнание .	168
Песнь 15. Устав викинга	177
Песнь 16. Фритьоф и Бьёрн	182

Песнь 17. Фритьоф приходит к королю Рингу	186
Песнь 18. Поездка по льду	192
Песнь 19. Испытание Фритьофа	194
Песнь 20. Смерть короля Ринга	202
Песнь 21. Драпа Ринга	206
Песнь 22. Избрание короля	210
Песнь 23. Фритьоф на кургане отца	214
Песнь 24. Примирение	220
Аксель. Перевод <i>О. Б. Румера</i>	233
П р и л о ж е н и я	
Э. Тегнер. Письмо о „Фритьофсаге“. Перевод <i>Я. К. Грота</i>	265
Древне-исландская сага о Фритьофе Смелом. Перевод <i>Я. К. Грота</i> , проверенный и исправленный <i>А. И. Смирницким</i>	272
К о м м е н т а р и и	
От переводчиков „Саги о Фритьофе“	311
„Сага о Фритьофе“ (составил <i>А. И. Смирницкий</i>)	318
„Аксель“ (составил <i>Г. Г. Александров</i>)	362
<i>Фронтиспис — портрет Э. Тегнера — с офорта Г. Г. Филипповского</i>	7

Ред. Г. Г. Александров
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Литерат.-технич. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред И. А. Подсухин
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов

* * *

Сдано в набор 20/IV 1934
Подписано к печати 10/XI 1934
Тир. 5.301, Ул. Главл. В-37903
Ас 81, Инд. А-1, Авт. л. 14.
П. л. 11¹/₄ + 3 вкладки. Бум.
74×105¹/₃₂. Типогр. зн. на
1 бум. л. 95744 Зак. тип. 7986.

* * *

Отпечатано на ф-ке книги
«Красный пролетарий». Мос-
ква, Краснопролетарская, 16.

Цена Р. 7. 00

Переплет Р. 1. 50

**СКАНДИНАВСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Вышли в свет:

СКАНДИНАВСКИЕ

САГИ

Вып. I

Сага о Волсунгах

ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли в свет:

КАЛЕВАЛА

Финский эпос

Готовится к печати:

АЛЕКСИС КИВИ

Семеро братьев

«А С А Д Е М И А»

Москва, Б. Вузовский пер., 1
Ленинград, Пр. 25 Октября,
«Дом книги»

